

Асаф Бар-Шалом

**Воспоминания о
прозелите**

Издательство "Ам Левадад"

Израиль

2018

УДК 82-3
ББК 84-4
Б24

Бар-Шалом Асаф

Б24 Воспоминания о прозелите / Асаф Бар-Шалом. —
"Ам Левада", 2018. — 288 с.

Эта книга рассказывает об удивительных людях в сложные времена. Глубоко русский человек становится грешным еврейским праведником, помогая своим землякам обрести высший смысл существования. Неповторимый колорит и восхитительная аура Риги придают особое очарование этому трогательному, искреннему, порой неожиданно острому и резкому, но даже в мелочах честно-му и правдивому повествованию.

УДК 82-3
ББК 84-4

ВОСПОМИНАНИЯ О ПРОЗЕЛИТЕ

Повествование об Ицхаке — выдающемся иудейском прозелите, который возродил еврейскую религиозную жизнь в Риге

Не назначают царя из среды прозелитов — даже по прошествии нескольких поколений [т. е. не назначают царём потомка прозелитов и потомка их потомков], кроме как [в тех случаях], когда его мать — еврейка [т. е. не прозелитка], как сказано в Торе [кн. «Дварим», 17:15]: «Не сможешь ты поставить над собой пришельца, который не является братом твоим». И не только царём [его нельзя поставить], но [также и] на любую властную должность: ни военачальником, ни «главой пятидесяти», ни «главой десяти» и даже ни ответственным за распределение воды на поля. И, самим собой разумеется, [что его нельзя поставить] судьёй или наси [главой раввинского совета], ибо [на эти должности ставят] только евреев [по рождению], как сказано [там же]: «Из среды братьев своих поставь над собой царя» — все руководящие должности, которые ты над собой ставишь, должны быть [укомплектованы] из твоих братьев.

Рамбам (Рабби Моше бен Маймон, один из величай-

ших еврейских мудрецов и законоучителей), «Законы Царей», гл. 1, §4.

Корень этой заповеди известен: поскольку того, кто назначен на властную должность, все должны во всём, [что он скажет], слушаться, он должен быть [рождённым] из еврейского семени [т. е. быть евреем по рождению], ибо они [евреи] милосердны [по натуре своей, ибо они являются] детьми милосердных; чтобы он [т. е. стоящий у власти] был милосердным по отношению к народу, дабы не обременять [чрезмерно] их иго ни в чём, и чтобы он любил правду. [А] как известно о каждом из семьи Авраама, прародителя нашего, [он обладает этими качествами], [ведь] в ней [т. е. в этой семье] есть все эти положительные [качества]; [это] подобно тому, как сказали учёные: «Качества отца скрыты в его сыновьях».

Книга «Сэфер ha-Хинух» (автор — один из величайших еврейских мудрецов периода «Ришоним»), заповедь 498.

Согласно мнению рава Натана Гештетнера (один из выдающихся современных еврейских законоучителей), разрешено назначать прозелита раввином, решающим галахические вопросы (т. н. «морэ ораа»), но запрещено ставить его раввином — главой общины.

См. книгу «Леһорот Натан», ч. 13, гл. 73.

ГЛОССАРИЙ

В этой книге встречаются специфические слова и понятия, важные при еврейском религиозном образе жизни, который ведёт автор. Некоторые из них подробно пояснены в дальнейшем тексте, суть других становится понятной из контекста. Следует помнить, что система ценностей и взглядов на мир, свойственная религиозным евреям, может отличаться от системы ценностей и взглядов человека любой иной национальности и вероисповедания.

Бааль-тшува (иврит, букв. «обладатель раскаяния») — еврей, который ранее был светским человеком, а теперь изменил своё мировоззрение и образ жизни и стал ортодоксально религиозным, встав на путь своих предков.

Брит-мила (обрезание) — хирургическая операция по удалению у мальчиков и мужчин крайней плоти полового органа. Это обязанность, которую еврейский отец должен исполнить у сына на восьмой день после его рождения. Брит-мила — это вторая по счету из 613 заповедей Торы; буквально означает «обрезание в знак союза» — союза народа Израиля со Всевышним. Конечно, можно спросить: если Всевышний желал, чтобы сыны Его народа были обрезанными, то почему Он не создал их таковыми? Еврейские мудрецы отвечают на этот вопрос так: Всевышний пожелал, чтобы человек

сам засвидетельствовал факт своей принадлежности к еврейскому народу. Человеку дана возможность самовоспитания и самоусовершенствования. В стремлении каждого отдельного еврея сохранить свою еврейскую сущность содержится ключ к пониманию того факта, что народ Израиля вечен. Согласно Галахе, специалист по проведению брит-милы (**моэль**), в дополнение к своим профессиональным навыкам должен быть ортодоксально религиозным евреем.

Гер (множественное число «герим») — в Торе: иноплеменник, живущий среди иного по этническому происхождению или по вере населения; в более узком значении в Талмуде и последующей раввинистической литературе, а также в современной лексике это слово означает — прозелит, то есть нееврей, принявший иудаизм. В современных переводах Торы слово «гер» (иудейский прозелит) иногда не переводят, а оставляют в оригинальной ивритской форме: поэтому слово «гер» нередко бывает известно и тем, кто не знает иврита.

Гиюр — акт обращения нееврея в иудаизм, совершённый с соблюдением специальных законов Торы, а также связанный с этим обряд.

Гой, гойка, гоюха — обозначение нееврея или нееврейки. Автор не вкладывает в это слово уничижительного или оскорбительного смысла. Вместе с тем, автор отрицательно относится к тем неевреям и нееврейкам, которые прилагают разнообразные усилия, чтобы присоединиться к еврейскому народу без достаточных на то очень веских оснований. Также морального осуждения заслуживают те евреи, которые вступают в смешанные браки и по личным соображениям добиваются присоединения неевреев или неевреек по рождению

(своих нееврейских жён и рождённых ими детей) к еврейскому народу.

Еврей — согласно религиозному Закону, евреем считается человек, рождённый матерью-еврейкой, или прозелит, принявший Тору и заповеди в соответствии с установленной процедурой в признанном раввинском суде (гиюр).

Йешива — высшее религиозное учебное заведение, предназначенное для изучения еврейского религиозного Устного Закона, главным образом Талмуда.

Кашрут — в узком смысле этого слова — совокупность диетарных законов иудаизма, определяющих разрешённую для еврея пищу. В широком смысле этого слова, кашрут — это система ритуальных правил, определяющих соответствие чего-либо требованиям Галахи, еврейского Закона. В основе законов кашрута лежат заповеди Торы, изложенные главным образом в Мишне и Гемаре, а также дополнительные правила, установленные еврейскими религиозными авторитетами. Обычно термины «кашрут» и «кашерный» (пригодный для евреев) используют применительно к своду религиозных предписаний, связанных с пищей, но вместе с тем его применяют и в других аспектах традиционной жизни — от юридических (например, правомочность свидетелей в судебных разбирательствах, которые могут окончиться наказанием) до бытовых и ритуальных.

Кипа — традиционный головной убор религиозных евреев. По форме, материалу и цвету кипы можно предположить, к какой группе иудаизма принадлежит её обладатель.

Кирув — приближение евреев к Торе и религиозному образу жизни. Еврейская религия запрещает мисси-

онерство и проповедь иудаизма другим народам, но каждая еврейская душа почитается священной, и возвращение её в лоно еврейской ортодоксально-религиозной общины — дело, угодное Всевышнему.

Колель — йешива для женатых студентов.

Миква — ритуальный бассейн, водный резервуар для специального омовения с целью очищения от ритуальной нечистоты.

Миньян — кворум из десяти взрослых мужчин (прошедших обряд бар-мицвы, то есть старше 13 лет). Этот кворум необходим для проведения общественной молитвы и религиозных церемоний. Миньян нужен, чтобы произнесённая молитва считалась молитвой всей общины, а не индивидуальной. Некоторые места в молитве можно произносить только в миньяне. Поэтому, хотя молиться может каждый еврей в отдельности, — когда есть такая возможность, надлежит это делать вместе.

Митнагдим (миснагдим) — название, которое дали приверженцы хасидизма его противникам из среды раввинов и руководителей еврейских общин. Существует некоторое различие между функциями главы хасидской общины и раввина митнагдим: и у тех, и у других он является руководителем и духовным наставником своей общины, однако хасиды относятся к своему главе с особым пиететом. Каббала — учение Торы о тайнах мироздания, в той или иной форме сравнительно широко распространенное в хасидизме, изучаются среди митнагдим лишь узким кругом учёных. В области литургии хасиды следуют молитвенному порядку и вариантам, которые установил величайший каббалист Аризаль, они основываются преимущественно на сефардском образце (так называемый *нусах сфарад*), в то

время как митнагдим сохранили восточноевропейскую форму ашкеназского варианта литургии (так называемый *нусах ашкеназ*).

Ортодоксальный иудаизм (от греческого *orthodoxia* — буквально «правильное мнение») — исторически преемственный иудаизм, в полной мере отражающий учение, полученное Моисеем на горе Синай на глазах у шестисот тысяч евреев, вышедших из Египта. Центральное место в религиозной концепции ортодоксального иудаизма занимает Галаха в том виде, в каком она зафиксирована в Устном Законе (в Мишне и Гемаре) и кодифицирована в своде «Шулхан арух». Термин «ортодокс» впервые возник в конце XVIII века и служил в устах «просвещённых» евреев Германии презрительным прозвищем противников изменений в религиозной и общественной жизни еврейства; сами противники таких изменений называли себя «йереим» («боящиеся Всевышнего») или «харедим» («трепещущие перед Всевышним»).

Прозелит — человек, принявший новое вероисповедание, обратившийся к новой религии. В переносном значении это слово означает «новый и горячий приверженец» чего-либо. В контексте данной книги слово «прозелит» означает «гер», то есть иудейский прозелит — нееврей, перешедший в еврейскую религию. В Мидраше сказано, что истинный прозелит дороже в глазах Всевышнего, чем человек, рождённый евреем. С другой стороны, в Талмуде (трактат «Йевамот», 47б) сказано, что «Израилю столь же тяжело от прозелитов, как от язвы». В иудаизме это высказывание трактуется двояко. Прозелит, принявший иудаизм из корыстных целей, дискредитирует иудаизм (ибо его неискренние побуждения рано

или поздно в той или иной форме проявятся), а прозелит, соблюдающий заповеди более ревностно, чем евреи по рождению, является для них укором.

Раввин — духовный руководитель верующих в иудейской религиозной общине. В иудаизме раввин — учёное звание, обозначающее квалификацию в толковании Торы и Талмуда. Присваивается после получения глубокого и всестороннего иудейского религиозного образования, в результате которого ученик достиг соответствующих высот в знаниях и в умении их применять в сложных жизненных ситуациях, а также продемонстрировал надлежащее нравственное совершенство. Даёт право возглавлять конгрегацию или общину, преподавать в йешиве и быть членом религиозного суда. (В былые времена это звание было обязательным для преподавания в йешиве, но в наши дни в ряде случаев к преподавателям йешив предъявляются меньшие требования). Современное значение слова «рав» (от ивритского «раввин») в определённой степени нивелировалось и означает нечто вроде вежливого обращения «господин». Когда хотят подчеркнуть, что речь идёт действительно о раввине, к слову «рав» добавляют «гаон».

Талит (та́лес) — молитвенное облачение, представляющее собой особым образом изготовленное прямоугольное покрывало. Существуют две основные его разновидности: «талит гадоль» — то есть большой талит, который следует надевать для молитвы, и «талит катан» — малый талит, который верующие евреи носят под одеждой в течение всего дня.

Тфиллин (филактерии) — элемент молитвенного облачения: две небольшие коробочки из выкрашенной чёрной краской кожи кошерных животных, содержащие

написанные на пергаменте отрывки из Торы. При помощи чёрных кожаных ремешков, продетых через основания коробочек, одну из тфиллин укрепляют на бицепсе обнажённой левой руки («против сердца» — немного повернув к телу), а вторую — не ниже линии волос, по середине головы. Надевается тфиллин на бицепс, затем ремешок закрепляется вокруг руки и обматывается семь раз. Ремешок достигает обратной части ладони и заматывается в несколько оборотов вокруг ладони. После этого надевается головной тфиллин на начало волос на середину прямой линии, идущей от носа вверх. Закрепляется тфиллин ремешком, охватывающим голову по кольцевой. Затем часть ремешка, обмотанная вокруг руки, разматывается, и ею обматывается средний палец.

Тшува — религиозный термин иудаизма, обозначающий раскаяние, исправление поведения, твёрдое решение исправить свой грех, служащее обязательным условием прощения греха Всевышним. При раскаянии человек должен испытывать искреннее отвращение к своему проступку и, более того, доказать это отвращение всем своим поведением, прекратить грешить и начать совершать благие поступки. Понятие применимо в двух основных смыслах: как персональное покаяние еврея, совмещённое с особой молитвой (*видуй*), и как возвращение еврея, не соблюдавшего заповеди, к религиозному образу жизни, который вели его предки в предыдущих поколениях. Такой процесс называется на иврите «хазара би-тшува» («возвращение к раскаянию»).

Хабад или **любовический хасидизм** — это одновременно философское учение, общественное движение и еврейская религиозная организация в рамках ортодок-

сального иудаизма. Слово Хабад является аббревиатурой ивритских слов, которыми в учении Каббалы обозначаются три верхние *сфиры* (выражаясь очень приблизительно: три верхних уровня эманации Всевышнего): «хохма» — мудрость, «бина» — понимание, «даат» — знание. Название «любовический» происходит от наименования белорусского селения Любавичи (ныне Смоленская область), которое было центром этого движения на протяжении более чем века.

Цицит — сплетённые пучки нитей, которые, согласно традиции иудаизма, еврейские мужчины носят на углах четырёхугольной одежды. Цицит напоминает еврею обо всех заповедях, тем самым как бы подталкивая к их исполнению. В форме кисти цицит (8 нитей и 5 узлов на каждой, итого — 13 элементов) и в самом слове цицит (гематрия 600) скрыт намек на 613 заповедей Торы. «И сказал Всевышний Моисею так: Говори сынам Израиля и скажи им, чтобы делали себе цицит [кисти] на углах одежд своих для поколений своих, и придадут они к цицит на углу нить лазурную. И будет вам цицит, чтобы видели это и помнили вы все заповеди Всевышнего и исполняли их, и не соблазнялись вослед сердцу вашему и глазам вашим, за которыми вы блудно следуете. Чтобы вы помнили и исполняли все Мои заповеди и были святы для Всевышнего» (Книга «Бемидбар», раздел «Шлах», глава 15:38—40).

Шабат (суббота) — седьмой день недели, в который Тора предписывает воздерживаться от работы. Понятие «работы» в субботу — понятие особое и вовсе не обязательно связанное с трудом в бытовом понимании этого слова. В шабат запрещена работа, в которой проявляется творческое начало человека. На протяжении шести

дней будней человек творит, изменяет окружающую его среду, владеет ею. Поэтому в день седьмой — в субботу — иудей отказывается от рукотворчества, от власти над этим миром, «передаёт бразды правления Творцу» и провозглашает своим соблюдением субботы верховную власть Всевышнего в этом мире. Мир, сотворённый Творцом в первые шесть дней творения, не существует сам по себе, а продолжает твориться Всевышним каждое мгновение. Отказываясь от творческой деятельности в субботу, еврей получает возможность стать частью мироздания, а не быть над ним, и этим демонстрирует своё принятие ига Творца мира. Согласно закону Торы, шабат наступает с заходом солнца в пятницу.

ВМЕСТО ВСТУПЛЕНИЯ, ИЛИ ПРОЗЕЛИТЫ НА СТРАЖЕ

В интересное время мы живём! К сожалению, из-за того, что разрушен Иерусалимский Храм, у нас нет возможности соблюдать многие заповеди: например, приносить в Храм жертвенных животных, приносить туда же первые плоды (*бикурим*) и т. д. Однако интересным фактом нашего времени является и то, что кроме заповедей, связанных с Храмом, сегодня почти забыты также и некоторые другие, забвению которых вроде бы нет никакого логического объяснения. Одна из таких заповедей — запрет наделять властью *гера* (прозелита, буквально «пришельца», то есть нееврея, перешедшего в еврейскую веру). Тем не менее, если оглядеться вокруг, ошутимый процент руководителей еврейских религиозных общин на пространстве бывшего Советского Союза и за его пределами — в ареале рускоязычного еврейства — оказываются *герим* (прозелитами). Приведу в качестве примера этого явления несколько случаев, которые вспомнились первыми: Главный раввин российской армии Гуревич, раввины общин в Германии Некрич и Вагнер, раввин в Прибалтике Крелин и многие другие, к сожалению, прозелиты.

Те, кто назначают прозелитов руководителями еврейских общин, часто вообще не задумываются над

проблематичностью самого такого назначения. В редких случаях, когда кто-то всё-таки обращает внимание на несуразность такого поступка, в ответ, как правило, даётся «дежурное» объяснение: «Шмайя и Авталион тоже были прозелитами, но, несмотря на это, были назначены на самые высокие руководящие посты в еврейском народе».

Следует всё же отметить, что не все великие законоучители согласны с мнением, что Шмайя и Авталион были прозелитами. Например, один из величайших еврейских мудрецов, автор книги «Тосафот Йом Тов», считал, что Шмайя и Авталион были не прозелитами, а евреями, родившимися от матери-еврейки и отца-прозелита.

Необходимо, однако, признать, что многие еврейские законоучителя всё же полагают, что Шмайя и Авталион были прозелитами. Как же эти авторитеты соотносили такой факт с запретом Торы наделять прозелита властью над евреями? «Классический» ответ на этот вопрос заключается в высказывании о том, что во всём тогдашнем поколении не было больших мудрецов Торы, чем Шмайя и Авталион, и в подобной ситуации Тора делает исключение из правила.

Теперь попытаемся честно ответить на вопрос: действительно ли во всех многочисленных случаях назначения прозелитов раввинами и руководителями русскоязычных еврейских общин не было евреев, которым можно доверить столь высокое звание? Разве на самом деле прозелиты так часто превосходят евреев в знании Торы, а также в моральных и организационных качествах? (Что, согласно мнению некоторых законоучителей, позволяет пренебречь запретом наделять властью прозелитов). Или же просто этот запрет «благополучно»

забыт? Или, что хуже, сознательно игнорируется?

Однозначного ответа на эти вопросы у меня нет. Предлагаю читателям самим поразмыслить над этим. Я же хочу начать повествование об одной из уникальных йешив на территории бывшего Советского Союза. Йешива — ивритское слово, обозначающее в данном контексте еврейское религиозное учебное заведение, где изучают Письменную и Устную Тору. В классических йешивах изучается главным образом Талмуд, который считается основной частью Устной Торы. Йешивой, о которой я рассказываю, руководил прозелит — Ицхак Митин.

ГЛАВА 1. БЕЙТ-МИДРАШ, ИЛИ В НАЧАЛЕ БЫЛ ЙЕУДА

Соблюдать заповеди я начал примерно за полгода до того, как узнал о существовании йешивы в своём родном городе. Узнал я о ней на еврейском религиозном семинаре, который проходил зимой в конце восьмидесятых — начале девяностых годов XX века. Семинар был организован не очень далеко от нашего города (по советским масштабам) — в Виршужиглисе, недалеко от Каунаса. Лекторы этого семинара дали мне номер телефона. Вернувшись домой, я безуспешно пытался по нему дозвониться.

В тот период я ходил в синангогу каждую субботу. И однажды Саша Г., с которым я там познакомился, привёл меня в долгожданную йешиву, которая называлась *Бейт-мидраш* (на иврите это означает «Дом учения»; место, предназначенное для изучения Торы). *Бейт-мидраш* находился на улице Свободы (Бривибас), неподалеку от большой церкви. Как я узнал впоследствии, это место пребывания было для него уже вторым по счёту — с первого *Бейт-мидраш* уже успел переехать.

Когда нам открыли дверь, я затаил дыхание. Перед нами стоял высокий молодой человек — Йеуда К., который сразу же произвёл на меня благоприятное впечатление. От него веяло ненаигранной серьёзностью. Я понял, что это было именно то место, которое искал: здесь

я смогу научиться правильному соблюдению заповедей.

Первое впечатление меня не обмануло: в *Бейт-мидраше* царила серьезная атмосфера, там не занимались никакими посторонними разговорами — только изучали Тору. Йеуда давал каждый день урок по *Мишне* (трактат *Кодшим* с комментариями Кеати). *Мишна* — часть Устной Торы, в которой конспективно изложены все законы по исполнению заповедей; в трактате *Кодшим* изложены законы жертвоприношений. Был также, насколько я помню, и урок по *Хумашу* (Пятикнижие Моисеево) с комментариями Раши (Рабейну Шломо Ицхаки, выдающегося классического комментатора Талмуда и Танаха). Но, возможно, в тот период был только урок по *Хумашу*, а урок по *Мишне Кодшим* был введен несколько позже — этих деталей я теперь уже не помню.

Мне очень понравился способ ведения уроков: Йеуда никогда не «вещал» самоуверенно и с умным видом, как это делали русскоязычные лекторы на семинаре. Он просто разбирался в написанном вместе с нами. Йеуда ясно, рассудительно и не спеша отвечал на вопросы, и не стеснялся сказать, что не знает, когда не мог ответить на какой-либо вопрос или что-то объяснить.

Помнится, в самый первый же день мне дали новый малый *талит* с *цицит* (особая четырехугольная одежда евреев, на углах которой, по религиозным законам, привязывают специальные пучки нитей — *цицит* или *цициёт*). Я был этому очень рад. У меня даже сохранилась фотография, запечатлевшая этот знаменательный момент: я стою посередине *Бейт-мидраша*, надев *талит* с *цицит* поверх прочей одежды. А через некоторое время, после возвращения из Москвы, где мне сделали *брит-милу* (обрезание), мне под расписку одолжили *тфиллин*

(филактерии). Налагать тфиллин — одна из важнейших заповедей для еврея. Сбылась моя мечта, которой я «горел» уже долгое время.

Ученики Бейт-мидраша привязывают нити цизит к талиту

На уроке присутствовало всего несколько человек: мой ровесник Саша Г., двое женатых — Артур Ш. и Миша И., а также юный Сендер Л. Кажется, в тот период больше никого из постоянных посетителей *Бейт-мидраша* не было. После урока начинались индивидуальные занятия в *хеврутах*. *Хеврута* — слово арамейского языка, в данном случае означает напарника по учёбе. Каждый преподавал своему товарищу то, что хорошо знал. Саша Г. преподавал мне в *хевруте Гемару, перек «Элу Мециот»* (глава Талмуда, в которой изложены законы

о возвращении пропаж владельцам). Сендер Л. — *Мишну, масехет* (раздел) «Шабат» с иллюстрациями. Артур Ш. через некоторое время стал преподавать мне иврит. В принципе, разговорный иврит я уже тогда знал неплохо. Но иврит, который преподавали в *Бейт-мидраше* — это нечто совсем другое, и на этом стоит остановиться отдельно.

Йеуда — большой знаток иврита. Еще в Советском Союзе он «заболел» ивритом и освоил его буквально «изнутри», поняв Божественную сущность этого языка. Йеуда знает точно и досконально, по каким правилам меняются огласовки, чередуются согласные и так далее. Но что более удивительно — он знает все исключения из правил. Его очень коробило, когда при нём говорили на упрощённом и искажённом иврите, который принят сегодня в Израиле. Однако самое удивительное он показал нам впоследствии, когда продемонстрировал, как ивритские корни «переходят» один в другой. Когда меняется одна согласная в корне слова, его значение плавно переходит в другое, сохраняя, однако, смысловую связь с предыдущим корнем. Можно продолжать эту «ленту» бесконечно и в разные стороны. Таким образом, удаётся наглядно показать, что все ивритские корни гармонично связаны друг с другом, и представляют собой единое целое. Воистину Божественный язык! Этому не учат в *ульпанах* (на курсах по изучению иврита), потому что тамощные преподаватели даже краем уха не слышали о подобном.

Так вот: всему, что преподавали Саша, Артур и Сендер, их обучил Йеуда. Для каждого человека расписание было составлено таким образом, чтобы в течение всего времени, которое он находится в *Бейт-мидраше*, он ли-

бо обучал, либо был обучаем. Таким образом, все друг другу что-то преподавали: *Мишну*, *Гемару* и иврит по системе Йеуды. Кроме вышеперечисленных «основных» предметов, Йеуда учил со мной «Законы Раскаяния» Рамбама, а также, если мне память не изменяет, проходил с другими, — но не со мной, — «*Кицур Шулхан Арух*» («*Кицур Шулхан Арух*» — краткий свод еврейских религиозных законов; автор книги — раввин Шломо Ганцфрид).

Бывали и непостоянные посетители *Бейт-мидраша*: например, ровесник Сендера Л. — Гершон П., один патологоанатом, полусумасшедший Эмиль и другие. О некоторых из них речь пойдет ниже. Бывали также и те, кто посещал *Бейт-мидраш* в течение лишь некоторого, довольно короткого времени; с ними занимались, а потом они исчезали. Некоторых из них я запомнил. Например, Зайцева — парня примерно моего возраста, или Фейгина — интеллигентного мужчину постарше, знатока нескольких языков (он был знакомым Ицхака — руководителя *йешивы*). Мне было поручено заниматься с Фейгиным и пытаться его «охмурять». Я добросовестно старался выполнять свою миссию. Помню, что учил с ним молитву «*Шмонэ Эсрэ*»¹ — одну из основных еврейских молитв, разбирая её перевод и смысл. Через некоторое время Фейгин исчез, и однажды в беседе со мной Ицхак сокрушался: мы ему дали *тфиллин*, а он их ни разу не надел! Я не знал, что Фейгину выда-

¹ «Шмонэ Эсрэ» в буквальном переводе с иврита — «Восемнадцать благословений».

ли *тфиллин*, и до сих пор никак не могу понять: зачем человеку, пока ещё практически не соблюдающему никаких заповедей, нужно было *тфиллин* выдавать?

Между строчек твоего письма я понял мысль об острой необходимости раввинского решения в горьком вопросе, который, как молот, бьёт по [жизненному] пространству нашего лагеря [то есть еврейского народа], а именно, в вопросе страшной ассимиляции, происходящей в результате брачных связей с нееврейками и их принятию в лоно еврейского народа [то есть в ассимиляции, происходящей в результате их прозелитации], когда, по прошествии времени [после их «женильбы» на евреях], они просят у раввинского суда, чтобы раввинский суд произвел над ними и над их отпрысками гиюр [акт перехода в иудаизм], и, благодаря гиюру, им будет разрешено выйти замуж за своих «мужей» [по еврейскому Закону], и это, на самом деле, и является главной причиной их желания пройти гиюр — чтобы и далее продолжить сожительство со своими мужьями — теперь уже с «печатью кашерности» — «по еврейскому Закону» и «согласно религии Моисея и народа Израиля», или — точнее — [они желают пройти гиюр], в большинстве случаев, по настоянию их мужей, которые хотят быть — по выражению Рамбана в главе «Кдошим» — «подонками с позволения Торы». <...>

И ещё я услышал в твоих словах крик о [помощи], издаваемый еврейскими дочерьми, скромные из которых [вынуждены] оставаться одинокими, пока не поседуют, из-за того, что не могут найти еврейского парня, который на них женится; а развратные из которых [по той же причине] из легкомыслия попадают в сети неевреев [то есть выходят замуж за неевреев ввиду того, что никакой еврейский парень не хочет на них жениться]. Горе еврейским парням, попробовавшим вкус греха и идущим за своими глазами, чтобы развратничать с сыновьями [с дочерьми] необрезанных [неевреев] и рождать от них детей, которые

не считаются [на самом деле] детьми евреев, и в которых нельзя верить. Пути этих евреев [женившихся на нееврейках] — пути смерти, и собственными руками они выносят себе страшный приговор — плестись за дочерьми чужого народа — возлегать с ними в этом мире и быть с ними в мире будущем — в яме уничтожения [то есть в аду]. <...> О подобной ситуации, в которой еврей женился на нееврейке, и у них родились дети, и захотел еврей, чтобы она и дети прошли гиюр, чтобы он мог на ней жениться по еврейскому Закону, говорит в книге респонсов «Шоэль-у-Мешив» (2-е изд., ч. 3, гл. 39), и он постановил запретить [это], [согласно тому], как слышится из Талмуда в разделе Йевамот (лист 24) и из Тосефты, где сказано, что [даже если она уже прошла гиюр], запрещено ему на ней жениться, даже [в той ситуации, когда достоверно известно], что он с ней сожительствовал, — чтобы не пошла молва, что ради него [то есть ради того, чтобы выйти замуж за еврея] она прошла гиюр.

Рав Элиэзер Йеуда Вальденберг, один из крупнейших современных законоучителей. Книга «Циц Элиэзер», т. 5, гл. 15

ГЛАВА 2. «ЕВРЕИ, ЕВРЕИ, ВОКРУГ ОДНИ ЕВРЕИ»

Быть женатым на нееврейке считается в иудаизме одним из самых тяжёлых грехов. Дети, рожденные евреем от нееврейки, считаются, согласно еврейскому Закону, стопроцентными неевреями. И поэтому, женившись на нееврейке, еврей начинает участвовать, со своей стороны, в процессе «бескровного геноцида» собственного народа — способствуя его вымиранию. Ввиду этого, не только с точки зрения еврейского Божественного закона, но и с чисто человеческой позиции автор считает евреев, женатых на нееврейках, предателями своего народа и заслуживающими всяческого порицания. Подобный подход и является причиной резко-уничижительных выражений, которые автор на протяжении всего повествования употребляет в их адрес. Как читатель может убедиться, автор полагает себя далёким от расизма; он с нескрываемым уважением и огромным пиететом относится к праведным неевреям, а презрительные выражения, вроде «гоюха» (просторечное русское производное от ивритского слова «гойя» — нееврейка) и тому подобные автор применяет только в отношении тех неевреек, которые замужем за евреями, ибо таким образом эти женщины соучаствуют в грехе еврейских мужчин, который считается худшей формой разврата.

Более того, автор является также и резким против-

ником прозелитации («обгиюривания») неевреек, которые вышли замуж за евреев, и «обгиюривания» их отпрысков. Во-первых, гиюр в подобных ситуациях обычно преследует лично-корыстную цель сохранить семью и, таким образом, противоречит самому духу — а часто и букве — святого понятия «гиюр». А во-вторых, ввиду того, что прозелитация жён-неевреек и их потомства создает в народе ложное представление, согласно которому, якобы нет чего-то специфически дурного в смешанном браке еврея с нееврейкой. «Вот, мол, сколько евреев женились на нееврейках, а потом их «обгиюрили» — ну, значит, и мне позволено следовать их примеру...». В особенности это применимо к тем, кого в народе принимают за праведников; например к *баалей-тшува* — евреям, возвратившимся к религиозному образу жизни. Ибо когда простой обыватель видит пример такого «праведника», который, став религиозным, вместе с тем не развёлся со своей нееврейской женой, а её «обгиюрил», — в глазах постороннего это выглядит, как прямая легитимация смешанных браков. Всё изложенное и служит для меня причиной презрения и осмеивания смешанных браков, и автор пытается проявить своё отношение к таким бракам на протяжении всего своего повествования.

Если кто-либо из деятелей еврейского религиозного истеблишмента с пеной у рта защищает *баалей-тшува*, «обгиюривших» своих «гоях» — на самом деле они просто-напросто защищают элементарную похоть. Это остроумно высмеял в своем стихотворении «Израильский городок» известный калининградский поэт Виктор Шапиро.

(Цитирую по книге Шапиро В. К. «Желание быть ев-

рейцем. **Опыты в стихах**». — Калининград, издательство «Шофар», 2012)

Израильский городок, скромных домиков рядок...
Там скучает неженатый, бывший горский паренёк.
Он зовется Хануко, а живётся нелегко
Одинокому джигиту, словно в песне «Сулико».

Много есть вокруг девчат, только замуж не хотят,
Служат девушки в ЦАХАЛе¹, и у каждой автомат.
Хануко смотрел кино, на уме теперь одно,
Что нужна ему блондинка, как из фильма «Мимино».

Это к счастью или нет, есть на свете Интернет.
Написал письмо куда-то, и пришёл ему ответ.
За одним другой e-mail, не прошло и двух недель,
Он нашел себе что надо и в Россию полетел.

Подмосковный городок, липы жёлтые в рядок,
Подпеваёт электричке ткацкой фабрики гудок...
Вот ступает на порог израильский паренёк,
А в квартире у невесты — православный образок.

Он стоит, разинув рот, — вот неожиданный оборот.
И зовут её Настасья, как в романе «Идиот»...
А она ему: «Не стой, будь как дома, дорогой.
Я балдею от евреев, он — такой, а ты другой».

«Ты должна пройти гиюр и забыть про эту дурь,
А иначе не надолго будет наш с тобой амур!»
Занавешено окно, стало в комнате темно —
Выносить «святых» придется этой ночью всё равно...

Так вот, одним из непостоянных посетителей *Бейт-мидраша* был молодой мужчина, женатый на нееврейке.

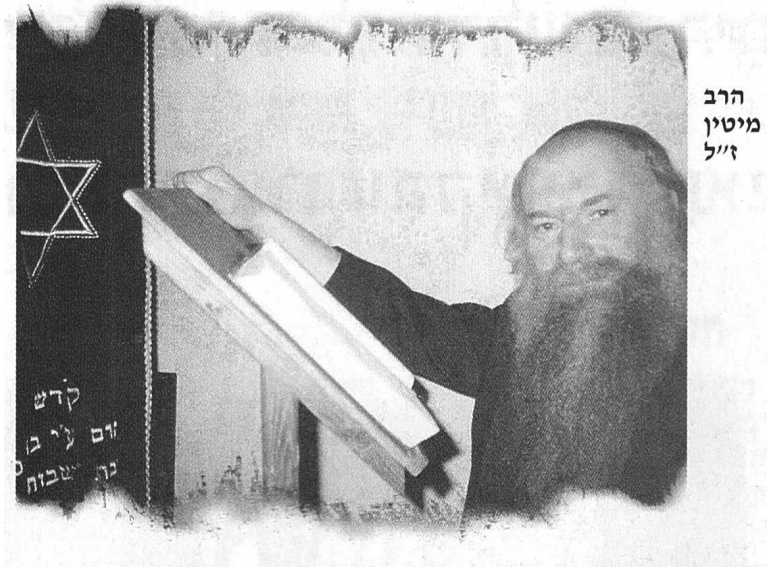
¹ ЦАХАЛ (ивритская аббревиатура) — Армия Обороны Израиля.

Его звали Андреем. Он иногда приходил в *Бейт-мидраш* на субботние трапезы, а в одну из суббот даже остался там вместе с нами ночевать после вечерней *седы* (ритуальной трапезы).

К чести Ицхака и Йеуды надо сказать, что их отношение к Андрею было довольно прохладным, хотя рамки культуры и приличий всегда сохранялись. Но когда дело доходило до принципиальных вопросов, Ицхак с Йеудой не сдавались. Например, когда перед праздничной трапезой (кажется, это было вечером в *Суккот*) Андрей велел своему гойскому (то есть нееврейскому) сынишке произнести благословение «*Ашер кидшану бемицвотав вецивану аль нетилат ядаим*» («Благословен Ты, Бог, Господь наш, Царь вселенной, освятивший нас своими заповедями и заповедовавший нам омыwać руки»), Йеуда или Ицхак, — уже не помню, кто — прервал его, запретив обучать нееврея благословиению «*Ашер кидшану вецивану*» («...который освятил нас и заповедовал нам...»). «Нееврей не имеет права произносить это благословение!» — так было сказано Андрею.

Потом Андрей со своей семьей уехал в Америку. Однажды он мне позвонил, спрашивал телефон Ицхака и сказал, что хочет послать *идаку* (пожертвование) в *Бейт-мидраш*. Спустя некоторое время я спросил у Ицхака, звонил ли Андрей? Ицхак с чувством презрения ответил, что звонил, и сказал, что его жена в Америке прошла гиюр. На вопрос, что за гиюр она прошла, Андрей ответил Ицхаку: «Там такие же, как и вы». Я спросил Ицхака, что этими словами Андрей имел в виду? На это Ицхак сказал: «О каком гиюре может идти речь, когда он обещал послать деньги — и не послал?» Вообще Ицхак был очень чувствителен в делах, связан-

ных с субсидированием *Бейт-мидраша*, потому что заведение испытывало постоянные финансовые трудности — об этом пойдет речь далее.

Ицхак в Бейт-мидраше на ул. Маскавас

Мне известен ещё один инцидент (его прямым свидетелем я не был), в котором Ицхак проявил стойкость в национальном вопросе. Этот случай был связан с Коломеецем. Коломеец стал первым евреем, которого Ицхак возвратил к *тшуве*. Слово «тшува» на иврите означает «ответ», «возвращение»; в данном случае имеется в виду раскаяние, возвращение к еврейской религии, образу жизни и соблюдению заповедей. Но эта *тшува* была довольно условной, потому что Коломеец

был женат на *гойке* (нееврейке) и не собирался её бросать. В конце концов, между Коломейцем и Ицхаком произошел разрыв, и с тех пор в *Бейт-мидраше* Коломеец больше не появлялся. Однако, он продолжал соблюдать заповеди (кроме самой главной — не сожительство с *гойкой*). У него всё рождались и рождались дети-гои, и, как я слышал, всем им он давал звонкие еврейские имена. Ицхак смеялся над этим, и ещё над тем, что он всех своих гойских отпрысков приводил перед субботой в *микву* (бассейн для ритуальных омовений) на помывку; ради экономии средств, что ли?!

Поначалу о Коломейце я только слышал, но не знал, как он выглядит. В какой-то период мы, ученики *Бейт-мидраша*, регулярно ходили в синагогу на утреннюю субботнюю молитву. И я заметил, что какой-то религиозный еврей тоже там регулярно молится. Я поначалу был уверен, что это *бааль-тшува*, которого привлекли хабадники. Мне очень хотелось к нему подойти и пригласить в *Бейт-мидраш*, но я сдерживался и стеснялся. Так и не оказалось подходящего момента для такого приглашения. Потом я узнал, что это Коломеец. Вот было бы смеху, если бы я пригласил его в *Бейт-мидраш*!

Ицхак говорил, что Коломеец писал жалобы раву Зильберу, одному из немногих людей, которых Ицхак по-настоящему уважал. По этому поводу рав Зильбер сказал Ицхаку: «Всё правильно, но не забывай, что он был у тебя первым».

К чести Ицхака будет сказано, что этот случай и инцидент с Андреем Э. были не единственными, когда он не выстилал перед *гойкой*, вышедшей замуж за еврея, «*гиюрную дорожку*».

Был у нас еще один посетитель, женатый на *гойке* — по имени Аркадий. Так же, как и Коломеец, Аркадий П. был многодетным отцом. Ицхак про него говорил, что он «духовный человек». Действительно: тихий, отзывчивый такой.

В один прекрасный момент он, по-видимому, решил оставить свою *гоюху*. Аркадий приехал в Израиль в качестве туриста с целью изучать Тору, и Ицхак попытался устроить его там в *йешиву*, филиалом которой формально считался наш *Бейт-мидраш*. Но Аркадия отказались принять на том основании, что в общежитии этой *йешивы* не могут жить те, кто были женаты. Ицхак обиделся и устроил его в другую *йешиву*. При этом он рекомендовал Аркадию, чтобы подтвердить своё еврейское происхождение, обратиться к раввину Йеуде Г. — к человеку, которого Ицхак очень уважал и считал своим близким другом. В итоге всего этого в *йешиву*, где учился Аркадий П., пришли какие-то люди — то ли из Министерства иностранных дел, то ли ещё откуда-то (из пространных рассказов Ицхака я так и не понял, откуда именно). Они и сообщили руководству *йешивы*, что там учится нееврей. Так Аркадий опять оказался в своём родном городе.

История с приездом Аркадия произошла, когда я уже жил в Израиле. Через несколько лет я вновь посетил наш *Бейт-мидраш*, — к прискорбию моему, уже после смерти Ицхака. И там на молитве в *Йом-Кипур* (Судный День, день поста и покаяния; один из центральных еврейских праздников) я опять увидел Аркадия П. Братья Л., которые стали «заведовать», то бишь хозяйничать в *Бейт-мидраше* после смерти Ицхака, не побрезговали пригласить его дополнить *миньян* (кворум из десяти евреев, необходимый для общественной молитвы). Чудеса,

да и только! И по сей день я не знаю, еврей или не еврей Аркадий.

В своё время Ицхак принял Аркадия в *Бейт-мидраш*, не проверив его еврейское происхождение. Но всё же Ицхак позаботился о том, чтобы каким-то гипнозом убедить его пройти эту процедуру, хотя бы через несколько лет — в Израиле. Ицхак знал, что в проверках на еврейство он профан; и мне известны несколько случаев, когда Ицхак в них «прокалывался». Понятно, что он проводил такие проверки непрофессионально, но заслуживает уважения сам факт того, что ему было важно, чтобы в *Бейт-мидраше* обучались Торе евреи, а не гои. Еврейский Закон предписывает евреям обучать неевреев семи заповедям сынов Ноя, общим для всего человечества (соблюдая их, нееврей становится праведным), но запрещает обучать другим, специфически еврейским и не имеющим к неевреям отношения частям Торы. Ицхак прилагал для этого все возможные для себя усилия.

Однажды я пришёл в *Бейт-мидраш* и с удивлением обнаружил, что Ицхак надевает *тфиллин* Диме Опенштейну — пареньку с еврейской внешностью, который учился в Еврейской школе. Его я нередко видел в синагоге на разных «попойках», то бишь трапезах у местных хабадников: то у рабби Натана, то у рабби Мордехая. «Ну, — думаю, — удалось переманить „кадра“ из рук хабадников-охмурителей». Ицхак суетился вокруг Димы в каком-то радостном возбуждении. Когда Опенштейн ушел, Ицхак сказал: «Я в жизни не видел, чтобы так волновались, когда надевают *тфиллин*. Парень даже покраснел». Ицхак заподозрил что-то неладное и послал

меня к Опенштейну домой проверять его документы.

Я пришёл. В метрике его мамы национальность не была записана. Имена отца мамы были еврейскими, однако мама мамы была записана как Екатерина Петровна. У меня в сердце закралось сомнение, но Ицхак сказал: «Екатерина Петровна — это ещё ничего не значит» и, в принципе, был прав. Для дальнейших выяснений Ицхак послал Йеуду. Йеуда пришёл к Опенштейнам домой, побеседовал «мило — по-доброму, туда-сюда», — и мама Димы сама признала, что её мать не еврейка. Ицхак сразу предложил Опенштейну *гиюр* (что было не очень для него характерно): такое уж сильное впечатление, наверное, произвело на Ицхака волнение, с которым Опенштейн надевал тфиллин. Опенштейн наотрез отказался — он и так, без гиюра, считал себя евреем. В *Бейт-мидраше* он больше не появлялся, зато впоследствии его ещё не раз видели спокойно восседающим на хабадских «попойках».

На каких-то уроках иврита, — кажется, в Сохнуте¹, — мои родители познакомились с молодым парнем по имени Миша; фамилию его не помню. Мои родители — хорошие люди, и он стал приходить к ним в гости. Папа сказал, что, по словам Миши, его бабушка по материнской линии — еврейка.

Я не знал, «под каким соусом» предложить Мише посетить наш *Бейт-мидраш*, потому что был почти не знаком с ним. И поэтому со слезами помолился Все-

¹ Сохнут — Еврейское агентство, официальная государственная организация, которая занимается репатриацией в Израиль.

вышнему, чтобы Миша сделал *тишуву*. Я знал, что в *Ге-маре* написано: молитва, произнесённая со слезами, принимается особо благосклонно.

Через некоторое время, в очередной раз придя в *Бейт-мидраш*, я с удивлением обнаружил там Мишу. Ицхак пожурил меня полшутя: «Почему ты его не привёл к нам?» Миша стал соблюдать заповеди буквально «на глазах». Но без проверки и на сей раз не обошлось.

Через несколько месяцев Ицхак каким-то образом узнал адрес Мишиной мамы. Йеуда пошёл по этому адресу, позвонил в дверь; открыла Мишина мама. Это была нееврейка — содержательница притона у себя на дому. Ицхак был в отчаянии — ведь целых несколько месяцев мы учили гоя Торе! Какие-то мистические «раввины» сказали Ицхаку, что единственный способ, чтобы исправить грех того, что несколько месяцев обучали гоя Торе — сделать Мише *гиюр*! Воистину мистический *исак* (раввинское постановление) — без поллитра не поймёшь!

Однако Миша, уличённый, исчез. С ним исчезли и несколько еврейских книг на русском языке, которые я дал ему почитать. Мой папа обнаружил, что из комнаты, где ночевал Миша, когда был приглашён к нам домой, исчезло золотое кольцо моей покойной бабушки. Я понял, что был до глупости наивен! Заслуживает внимания и тот факт, что, как выяснилось, у Миши, прикидывавшегося холостяком, на самом деле были жена и ребёнок. Зачем же он скрывал от нас и это? Или же он просто патологический лгун? На одном из *шабатов* (празднований субботы), на который я пригласил его к себе домой, он распинался по поводу того, что, мол, «в данный момент не хочет заниматься

поиском *шидуха* (невесты)», поскольку опасается, что будущая жена в связи с его «фанатичной религиозностью» устроит ему, как он выразился, «лесопилку»... И в моих, дурака, ушах это звучало так искренне!..

Примерно через полгода Миша опять появился в *Бейт-мидраш* и попросил о *гиюре*. Ицхак был тогда в Израиле, а сердобольный Йеуда вновь принял Мишу. Когда Ицхак вернулся, он был очень недоволен тем, что этому человеку было вновь позволено переступить порог *Бейт-мидраша*. Через некоторое время (добровольно или принудительно, уже не помню) Миша, однако, навсегда покинул *Бейт-мидраш*. Но я слышал, что и по сей день он приходит получать различные еврейские «пайки» — в Еврейском обществе или в Хабаде.

ГЛАВА 3. ПОПУГАИ- СТАТИСТЫ, ИЛИ ПОРОЧНЫЙ КИРУВ

Кирув — ивритское слово; в данном контексте оно означает приближение нерелигиозных евреев к Торе и религиозному образу жизни. Это и было важной частью деятельности Ицхака. Вообще Ицхак постоянно находился словно между молотом и наковальней. С одной стороны, ему нужны были ученики, а таковых в *Бейт-мидраше* всегда было немного. А если у тебя мало учеников — получишь мало денег для работы: таков безжалостный и железный принцип *кирувного* истеблишмента — этакое бесчеловечного машинного «ловца душ». Его совершенно не интересует, что кто-то в городе, традиционно полном *тумы* (духовной нечистоты), возвращает в лоно святости потенциально святые еврейские души! Главное, о чём «пекутся» представители этого истеблишмента, — это количество «приближаемых». Если оно будет «соответствующим» — тогда можно написать в «*джуиш пресс*» (от английского Jewish press — еврейская пресса, здесь это понятие автор хотел бы употребить в уничижительном контексте), что в таком-то городе, благодаря пожертвованиям миллионера такого-то, люди сотнями, а ещё лучше — тысячами стали носить *кипот* (еврейские традиционные головные уборы), надевать *цицит*, *тфиллин* и использовать прочие атрибу-

ты религиозных евреев. А то, что 50% или даже 90% из этих людей могут оказаться неевреями, их не интересует. Ах, выяснится, что они не евреи? Какая проблема — всех «обгиюрим»! Такова порочная логика представителей *кирувного* истеблишмента, которые превращают *кирув* в миссионерство, запрещённое Торой.

Ицхак говорил, что ему предлагали баснословные суммы для спонсирования *Бейт-мидраша*, но с условием, что будет и соответствующее количество учеников — неважно, какой национальности. Ицхак отказался, зная, что евреев в таком количестве ему не набрать, а на сделку с совестью он пойти не мог, ибо это противоречило всей его сущности.

Ицхак периодически помещал в газете объявления примерно в таком духе: «*Даём уроки изврита. Приглашаем евреев на миньян. Помогаем сделать тишуву и содействуем в устройстве хуны. Стипендии соответствующим. Скупаем школьные доски*». Добавление про «школьные доски» мне всегда казалось каким-то нелепым.

Один старый еврей откликнулся на это объявление и позвонил, утверждая, что в газете допущена ошибка: вместо «*тишуба*» надо писать «*ктуба*». (*Ктуба* — брачный контракт, составленный по правилам еврейского Закона). Мы посмеялись. И только теперь я начал догадываться, что имел в виду этот старик. Вероятно, он подумал, что объявление дал очередной «махер» фиктивными *ктубот*, писанием которых для смешанных пар промышляли нечистоплотные предатели еврейского народа на территории разваливавшегося Советского Союза. Этими брачными договорами мошенники за уме-

ренную плату снабжали смешанные пары при отъезде в Израиль.

Кажется, поначалу один из вариантов объявления выглядел примерно так: «Даём индивидуальные уроки иврита и Торы. Стипендии соответствующим». Но евреи не «клевали», хотя, по словам Ицхака, от неевреев не было отбоя. «Гои хотят учить Тору!» — говорил Ицхак без презрения, но и без восхищения. Благо, Ицхак вежливо и культурно (а он умел вести себя очень воспитанно и интеллигентно, когда считал это нужным) неевреев «отшивал». Однако евреев на объявления отзывалось очень мало.

Однажды Ицхак изощрился и написал в объявлении нечто вроде: «Приглашаем на работу учителей иврита». Позвонила какая-то сотрудница израильского посольства и на «иврите-исраэлите» (современный израильский разговорно-жаргонный вариант квазииврита), ненавистном Йеуде, причём говоря с сильнейшим русским акцентом, распиналась о своих глубоких познаниях в иврите. Ицхак её внимательно выслушал, а когда она закончила, вежливо заметил: «Вы знаете, мы организация религиозная». На это она отреагировала моментально: «А, ну тогда извините», — и бросила трубку.

Но прежде, чем она дозвонилась, она оставила сообщение на автоответчике. Ицхак поставил его для всеобщего прослушивания, и мы от души посмеялись над её сообщением, произнесённым на иврите с таким придыханием и воодушевлением.

Ицхак был большим специалистом в искусстве одним словом или выражением поставить человека

на место. Это слово он находил моментально и очень точно. Когда было нужно, чтобы слово было культурным, оно и было исключительно культурным, а когда требовалось, чтобы оно было нецензурным, оно было нецензурным. Так, Ицхак рассказывал, что однажды на лестничной клетке здания, в одной из квартир которого находился *Бейт-мидраш*, какой-то сосед незадолго до *Песаха* бросил Ицхаку реплику: «Если у нас пропадут дети, мы будем знать, к кому обращаться». Ицхак сразу понял, что это намёк в духе кровавых наветов и моментально отреагировал: «Пошёл...» (далее нецензурно).

Вообще же на квартире, в которой находился *Бейт-мидраш* (хронологически второй по счёту) отношения с соседями были неважными. В то время у Ицхака и Йеуды была машина, которая стояла во дворе дома. И соседи периодически бросали на её крышу какую-то гадость. Недолго, однако, просуществовала эта машина, потому что Йеуда, любивший лихую езду, вскоре её «раскокал». Ицхак решил «прекратить это удовольствие» — так машины не стало. К слову сказать, Ицхак был очень аккуратным водителем. О его осторожности и благоразумии свидетельствует тот факт, что он не садился за руль в периоды, когда у него не было собственной машины и он регулярно не водил. Но он частенько критиковал Йеуду за его лихую езду.

Вспоминая о соседях, должен заметить, что Ицхак был фанатическим приверженцем субботних песнопений за трапезами. Он неоднократно повторял, что, по объяснению рава Шаха, его сын стал *мизрахистом* (приверженцем сионистского направления в ортодоксаль-

ном иудаизме) из-за того, что за его субботним столом не пелось *змирот* (в данном контексте: субботние песнопения). Рав Шах — ныне покойный глава поколения харедимных евреев литовского направления.

Летом вечерняя субботняя трапеза начиналась поздно, и пение продолжалось за полночь, что вызывало недовольство со стороны верхних соседей. Но Ицхак не мог пожертвовать *змирот*. И в одну прекрасную субботу эти соседи — кстати, еврейская семья, — вызвали полицию. Я при этом не присутствовал (Всевышний милловал); очевидно, в тот *шабат* меня в *Бейт-мидраше* не было.

Ицхак не раз высказывал своё мнение о том, что у евреев, которые не соблюдают Тору, гораздо сильнее проявляется *йецер а-ра* (злое начало), чем у гоев, и в качестве примера приводил тот случай с соседями-евреями.

ГЛАВА 4. ПАТОЛОГИЧЕСКИЙ СТРАХ, ИЛИ ОСТОРОЖНО, НЕПРИЯТЕЛЬ ПОДСЛУШИВАЕТ!

Вообще евреи в городе относились к Ицхаку настороженно. Выглядел он весьма необычно: высокий, плотный, с животом и огромной бородой, вуалирующей не совсем еврейское, — а может, и совсем нееврейское лицо, в чёрном костюме — традиционной одежде еврейского ортодокса. Местные же евреи в своём большинстве традиционно относились с презрением ко всему, что им напоминало «штетл» (еврейское местечко в период, когда большинство его населения придерживалось ортодоксально-религиозного образа жизни). К тому же про Ицхака ходили всякие слухи и небылицы. Но слух о том, что Ицхак — не еврей, а прозелит, впоследствии оказался соответствующим действительности. Однако в тот период Ицхак тщательно скрывал от нас своё происхождение.

Милый еврейский мальчик Гершон П. любил доводить до нашего сведения эти слухи. И мы совместно с Ицхаком с удовольствием их слушали. По рассказам Герсона, одна женщина, — по-видимому, из бывших посетительниц «женских уроков», которые в своё время

организовал Ицхак, — распространяла о нём слух, будто однажды Ицхак захотел её изнасиловать «в кустиках бывшего Кировского парка». Но якобы, взглянув на свои *цицит*, внезапно раскаялся и отказался от преступного намерения. Возможно, эта ненормальная или полунормальная женщина начиталась рассказов из сборника агадических рассказов (этот сборник Ицхак очень любил и начал нелегально тиражировать ещё в советское время) и экстраполировала на себя историю в таком духе из этой книги.

Ещё Гершон рассказывал, что Нина Михайловна — бесменная «секретарша» синагоги — говорила ему, что какой-то русскоязычный раввин приезжал в наш *Бейт-мидраш* из израильской *йешивы*-патрона. Но когда он позвонил в дверь *Бейт-мидраша*, ему попросту не открыли, и незваный гость был вынужден найти пристанище в синагоге. Ицхак делал вид, что всё это — полные бредни, но любил присутствовать при их пересказывании, изображая «бедную овечку»: вот, мол, как меня ненавидят и травят в синагоге. Правда, через несколько лет в синагоге Ицхака «реально подставили» (по его оценке). Незадолго до праздника Песах на пороге нашего *Бейт-мидраша*, который тогда находился на последнем этаже здания на улице Гертрудес (бывшей ул. Карла Маркса), оказались несколько пожилых евреев. Они потребовали мацу. Мацы у нас самих было очень мало, и Ицхак заявил им, что мацы у нас нет. Старики стали скандалить, утверждая, что к нам за мацой их послали в синагоге. «Мы с трудом поднялись на последний этаж, а вы хотите нас отослать с пустыми руками?!» После их шумного ухода Ицхак заметил с презрением: «Старым коммунистам нужна, видите ли, маца!» —

и был очень рассержен на синагогу.

Ицхак опасался, что его хотят «подсидеть», и эту опасность он усматривал прежде всего со стороны своих коллег, с которыми ранее учился в русскоязычной израильской *йешиве*, филиалом которой считался наш *Бейт-мидраш*. Реально, однако, Ицхак был от неё почти независим. Лишь свою зарплату, которую субсидировал американский магнат, он получал при посредничестве этой *йешивы*. На каком-то этапе Ицхаку прекратили давать на содержание *Бейт-мидраша* и те жалкие крохи, которые милостиво выплачивались ранее. Его поставили перед фактом: «Теперь на функционирование *Бейт-мидраша* будет идти половина твоей личной зарплаты. Вторая же половина остаётся тебе, и на том скажи спасибо!» Как он сам говорил, «моя *цдака* (пожертвование, милостыня) сократилась до смехотворного мизера: тысяча долларов в месяц», — если я правильно помню. Такой же «смехотворной» стала теперь и сумма, предназначенная на содержание *Бейт-мидраша*. Через некоторое время ему перестали оплачивать даже билеты в Израиль, куда он летал примерно два раза в год, чтобы повидать свою семью. «*Цдака*» — так, саркастически смеясь, называл свою зарплату Ицхак. Он считал, что других студентов *йешивы*-патрона посылают в *шлихут* (то есть командировают для работы в бывшем СССР) на гораздо лучших условиях, чем его. К тому же они, по его выражению, «катались в Израиль» (чтобы повидаться с семьёй) каждый месяц и «за казенный счёт», а Ицхаку предоставлялась бесплатная возможность посещения семьи всего лишь раз в полгода.

С тех пор Ицхака стало очень злить, что *йешива*-па-

трон на одном из титульных листов своих печатных изданий постоянно публиковала информацию о том, что у неё есть филиал в нашем городе. Он логично предполагал, что сборщики пожертвований на *йешиву* рекламируют перед спонсорами и жертвователями наличие филиала в Риге, и таким образом фактически собирают средства и на наш *Бейт-мидраш* тоже. И потому, как он думал, они должны элементарно делиться. Однако Ицхак никогда не говорил об этом *рош-йешиве* (глава *йешивы*, её духовный лидер) открыто и прямо — он считал такое поведение некультурным и «политически некорректным».

В связи со своим почти параноидальным страхом, что кто-то из израильской *йешивы* хочет его «подсидеть», Ицхак всяческими путями «сводил на нет» все попытки прислать к нам оттуда своих *шилихим* (эmissаров). Поэтому я не исключаю, что рассказанная Гершоном П. со слов Нины Михайловны история могла, в принципе, иметь место. Теоретически могло произойти так, что один из «экс-советских» эmissаров, со свойственной некоторым из них бесцеремонностью, мог заявиться в *Бейт-мидраш* без предупреждения, или с предупреждением, но без приглашения, что в Латвии тоже считается большим свинством. И гостю, соответственно, была показана «кузькина мать», чтобы впредь всем прочим неповадно было. Но Ицхак утверждал, что вся эта история от начала до конца является чистой воды вымыслом.

Однажды страхи оказались напрасными. Ицхаку позвонил незнакомый ему религиозный еврей и сказал, что он проездом в городе и хочет посетить наш *Бейт-*

мидраш, «чтобы поделиться опытом». Ицхак со страху основательно растерялся, но каким-то шестым чувством понял, что на сей раз всё же следует позволить незваному гостю переступить порог нашей обители. Гостем оказался приятный и достойный еврей из южных общин — Барух Б., который хотел проверить, заслуживает ли *Бейт-мидраш* того, чтобы Барух передал ему какие-то пожертвования. Наше заведение произвело на него благоприятное впечатление, и с тех пор, как я понимаю, ещё не один раз Барух оказывал материальную помощь *Бейт-мидрашу*.

Вообще со многими своими коллегами по *йешиве*, с которыми Ицхак учился ранее, у него были напряженные отношения. Я предполагаю, что одной главных причин этого была «гомосоветикус-образная» культура поведения некоторых из них, от которой он — «простой русский парень», как он себя иногда в шутку называл, — бежал всю свою сознательную жизнь, как от собственной тени. Однако и «культура» самого Ицхака иногда хромала. Так, он рассказывал, что однажды сел в автобус, предварительно покушав чеснока. Какая-то старуха-пассажирка стала орать на латышском языке: «Типлуоку смака! Типлуоку смака!» («Запах чеснока! Запах чеснока!») Ицхак был пристыжен и посрамлён.

Автор приводит рассуждения Ицхака с единственной целью: чтобы через их призму читатель смог лучше понять личность главного героя. Но это несколько не отражает позицию самого автора в отношении рассматриваемых людей. Вместе с тем необходимо отметить, что при оценке людей Ицхак предъявлял к ним

очень высокие требования. Подлинное уважение он испытывал только к тем, кто обладал комплектом следующих качеств: бескорыстие, жертвенность, прямотушие, бесхитрость, вежливость, интеллигентность, высокая культура поведения. Среди его бывших коллег по израильской русскоязычной йешиве был только один, обладающий всей этой палитрой совершенства — рав Г. П., человек в высшей степени достойный. Причем Ицхак считал, что эти качества у Г. П. не были врождёнными, но он приобрёл их путём упорной работы над собой, что многократно увеличивает их значимость. Остальным же коллегам, как правило, чего-то не хватало из этой палитры — кому больше, кому меньше. Да это и неудивительно: люди, обладающие одновременно всеми перечисленными качествами, достигли определённого уровня совершенства, стали как бы «наполовину ангелами», а таких, конечно, на свете немного. Однако от ставших на путь еврейской религии обычно ждут чудес самосовершенствования. И не всегда напрасно.

Но Ицхак, очевидно, подозревал некоторых своих «коллег» в том, что они даже теоретически не ставят перед собой цель достичь вышеупомянутой палитры совершенства. Возможно, что в отношении (по крайней мере, меньшинства) своих «подозреваемых» русскоязычных *баалей-тшува*, Ицхак был прав. Но и их нельзя — как это делал Ицхак — презирать в своём сердце, ибо советско-коммунистическое воспитание, которое они получили, успело настолько изуродовать их души, что уже одно возвращение к еврейской вере для них можно считать чудесным перевоплощением и снисходительно относиться к их аморфности в вопросах морального со-

вершенства.

О некоторых из них Ицхак неоднократно высказывал свои перманентные суждения, а некоторые «заслужили» даже личные «эпитеты-определения».

Например, про Сергея К. он говорил: «В своей надменности он думал в Ленинграде, что въедет (в израильский религиозный мир) на белом коне, но, за неимением лучшего, пролез туда, словно крыса, через брешь в стене».

Про Моше П. он говорил: «Он не человек. У него нет души».

Про Шмуэля О.: «Он — растение. *Цадик* (на иврите — праведник) — растение».

Об Аароне С.: «Он стал *машгиахом*?! (Машгиах — в данном контексте это ивритское слово означает: ответственный за порядок и воспитательную работу в йешиве). Я помню, как он собирал в йешиве деньги на покупку чая для общественного пользования. Это было то, что в точности ему подходило».

А про Цви П. просто: «дурачок». В дни приближения праздника Песах Ицхак любил с презрительной улыбочкой рассказывать, что однажды Цви, проверяя перед Песахом свою квартиру на наличие *хамеца* (то есть квасного), обнаружил сверху на шкафу (!) размазанный кусок торта. Ицхак недоумевал: кто же так спортивно изощрился, уж ни сам ли Цви?

О Шимоне Г., который в советское время сидел в тюрьме за сионизм, Ицхак говорил: «Что-то поговаривали, что он слишком много общался в лагере с паханом».

Книгу рабби Э. по *Галахе* на русском языке Ицхак более чем уважал и считал её своим основным пособи-

ем по еврейскому Закону. Помимо этого он неоднократно замечал, что среди «русских» рабби Э. является самым приближенным к раву Шаху. Напомню, что рав Шах — ныне покойный глава поколения ортодоксальных евреев литовского направления. Быть приближенным к нему считалось великой честью. Однако однажды Ицхак выдал то, что думает о рабби Э. на самом деле: «Один сумасшедший из Бней-Брака».

Интересным было отношение Ицхака к Йосифу К. — потомку членов секты «жидовствующим» из деревни Ильинка (они ещё во времена царской России отпочковались от православной церкви, перестали верить в Новый завет и приняли решение присоединиться к еврейскому народу). С одной стороны, Ицхак уважал скромного Йосифа, который не афиширует, что проштудировал весь Талмуд. Йосиф по профессии *соффер-стам* (переписчик священных текстов), и Ицхак говорил, что исключительно и только у него он покупает *мезузот* (*мезуза* — текст из Торы, написанный по специальным законам, который должен висеть на косяках дверей в доме, где живёт еврей).

Ицхак рассказывал, что Йосифа удачно женили на девушке из хорошей *харедимной* (строго ортодоксальной) семьи. Однако когда Йосиф через некоторое время после свадьбы впервые появился дома с запахом перегара («гены есть гены», как сказал Ицхак); его, как с негодованием рассказывал Ицхак, тотчас же и без разговоров выбросили из дома, и он остался без семьи.

Я спросил Ицхака: «Он женился вторично?»

«А кому нужно воронежское быдло?» — отпарировал Ицхак.

Я поднял на него недоуменный взор: ведь я не раз слышал от него и от Йеуды К., как они с восхищением рассказывают про фантастическую диковинку — «страшный сон антисемита»:

«Воронежская область, деревня Ильинка. Канун Субботы. Снег по колено. Русская баба в валенках с типичным деревенским произношением приветствует бородатого русского мужика: «Гут Шабос («Хорошей субботы» — традиционное еврейское субботнее приветствие на идиш), Абрам!», а тот ей отвечает: «Гут Шабос, Сара!»

На моё недоумение Ицхак ответил: «Ну, прошли они там *гиюр* когда-то... Всё равно, быдло остается быдлом». Я удивился (тогда я уже знал, что Ицхак — *гер*): несмотря на свою глубокую симпатию к «ильинцам» — своим братьям как по крови, так и по духу — он никак себя с ними не отождествлял. Возможно, причиной этому было то, что себя он считал человеком совсем другого уровня культуры. Это предположение видится мне реальным, поскольку свою «интеллигентность» он ставил выше всего. Так, однажды он мне бросил фразу: «Здесь (то есть в *Бейт-мидраше*) есть только два интеллигентных человека — ты и я!» Так или иначе, но даже в состоянии глубокого алкогольного опьянения с Ицхаком никогда не происходила метаморфоза, характерная для субботника Якова Нечаева и описанная в книге Йоава Регева «Суботником ба-Галиль» («Субботники в Галилее», на иврите, 2009, стр. 97):

«О Якове Нечаеве, чья семья поселилась в Сердже в 1902 году, Теплицкий рассказывает, что когда [Яков] напивался, он становился таким же русским крестьянином, каким был в юности... и вино кричало из его глот-

ки: „Бей жидов!“ Окружающие [евреи и субботники] разражались смехом и воспринимали [происходящее] положительно».

Интересно, что бы сказал Ицхак сегодня, когда выяснилось, что никакой *гиюр* ни «ильинцы», ни их предки никогда не проходили?

Уже проживая в Израиле, я заинтересовался, каким образом предки ильинцев прошли *гиюр*, и сделал историческое исследование на эту тему. Это исследование опубликовано на иврите в написанной мною книге «Кицроф а-кесеф» («Очищая серебро»; это пособие по генеалогии в свете еврейского религиозного Закона).

Суть исследования вкратце заключается в следующем. Один из величайших еврейских законоучителей Мааршалль написал в книге «Ям шель Шломо» («Море Соломона», раздел «Йевамот», глава 4, §49), что в ситуации, когда законы государства, в котором живёт община, запрещают евреям совершать *гиюр* над неевреями, закон Торы также строго воспрещает заниматься прозелитацией неевреев. В дополнение к этому руководители некоторых еврейских общин издавали специальные постановления, накладывающие тяжелые наказания на тех евреев, которые посмеют нарушить этот запрет (цитирую по: проф. Яаков Кац, «Гиюр в новое время»// в книге «Гиюр — путь в еврейство», сост. А. Стриковский, Москва — Иерусалим, 2001). «Со времен Московской Руси отпадение от православия и, главное, „сращение“, то есть агитация за такое отпадение, каралось наряду с самыми тяжкими преступлениями, вплоть до сожжения на костре. Наказания за отпадение и „сращение“ предусматривались и законами XVIII в. (например,

ст. 201 и 203) Устава благочиния. По Уложению о наказаниях в редакции 1845 г. за „совращение“ полагалось от 8 до 10 лет каторги и наказание плетью от 50 до 60 ударов... Эта норма была закреплена и в Своде законов 1857: т. 15, ч. 1, ст. 201» (цитирую по книге Ирины Антроповой «Сборник документов по истории евреев Урала», Москва, «Древохранилище», 2004, стр. 385, комм. 2). Секта жидовствующих (или «иудействующих», другое название — субботники) возникла в XVIII веке в процессе духовных исканий русских крестьян Воронежской, Тамбовской, Саратовской и других губерний. Тех жидовствующих, которые во всём стремились уподобиться евреям, называли также «талмудистами», «шапочниками» и «герами». Они взяли за основу своего учения Ветхий Завет и отвергли Новый Завет; жидовствующие видели в себе «пришельцев» (так в русском церковном переводе Ветхого Завета переводится слово «гер» — прозелит). Они стали считать себя частью еврейского народа и искали контактов с евреями, чтобы те научили их правильному соблюдению заповедей. Находились нищие и невежественные евреи, которые соглашались подвергнуть себя и своих соплеменников в Российской Империи опасности, и из экономических соображений (то есть за деньги) обучали жидовствующих практическому соблюдению заповедей. «В 1823 г. общее количество обнаруженных субботников в Воронежской губернии составляло 3771 человек. Повторимся — в действительности их было неизмеримо больше... Правительственная проверка показала, что субботников насчитывается по всей России до 20 тыс. человек обоого пола» (цитирую по: Савелий Дудаков, «Парадоксы и причуды филосемитизма и антисемитизма

в России», Москва, 1996). Нет никаких письменных и даже устных свидетельств о массовом гиуре жидовствующих в России. «Конечно, ни у гергов, ни, тем более, у других субботников, ничего похожего на современные свидетельства о гиуре не имеется... Никаких свидетельств о гиуре или хотя бы записей „дня памяти“ об этом важнейшем, как может показаться, если смотреть из сегодняшнего дня, событии пока не обнаружено» (цитирую по: Александр Львов, «Субботники и евреи» — предисловие к публикации очерка Моисея Козьмина «Из быта субботников», lvov.judaica.spb.ru). Очевидно, что в редких случаях находились раввины, которые иногда нарушали вышеуказанный галахический запрет прозелитировать неевреев в стране, где это запрещено законом государства. Ясно, что эти раввины не совершали массовых гиуров, но могли быть лишь единичные случаи принятия русских в иудейские прозелиты. «В отчётах православных миссионеров встречаются упоминания об отдельных иудействующих, „принятых в жидовство“ раввинами близлежащих городов» (цитирую по: Александр Львов, *op. cit.*).

Интересно, что выходцы из деревни Ильинка утверждают, что никакие они не потомки жидовствующих, а этнические евреи (и потому, по их словам, и не было никакого гиура у их предков). Это находится в явном противоречии с историческими источниками. В Ильинку жидовствующие переселились в начале 20-х годов XX века из деревни Тишанка (обе — в Воронежской области). «В 1768 году возникает дело о живущем в городе Воронеже харчевнике села Тишанки Кузнецове с 30 сообщниками, уличенными в непоклонении святым иконам, в нетворении крестного знамения, непринятии святого

причастия. В 1827 году здесь против субботников было возбуждено судебное преследование, вследствие которого представители субботнических семей были забраны под стражу и содержались в Воронежском тюремном замке, где над ними было испытано увещевание со стороны духовного начальства. Часть из них была сослана в Сибирь, других же возвратили домой. В 1914 году в селе насчитывалось 238 жидовствующих. В 1921 году практически все иудействующие села Тишанки в количестве 288 человек выселились на хутор. Так возникла Ильинка» (Н. Бочарникова, «Родословная» //сб. «Иудаизм — как религия русских», 2003, стр. 30). В дополнение, в России как для евреев, так и для русских очевидно, что «ильинцы» — этнические русские; кроме своей религиозной принадлежности они от русских сельских жителей ничем не отличаются — ни по специфическому говору, ни по антропологическому типу, ни по менталитету, ни по быту, ни по культуре. В 70-х годах XX века практически все жидовствующие Ильинки (примерно 600 человек) эмигрировали в Государство Израиль. Поскольку они соблюдали в той или иной степени еврейскую религиозную традицию, после их прибытия в Израиль у местного религиозного истеблишмента не возникло сомнения в их принадлежности к еврейскому народу. Но сегодня, в свете публикаций об их происхождении, известный раввин-законоучитель рав Ашер Вайс постановил 11 хешвана 5769 (9 ноября 2008) года, что «ильинцы» не могут считаться ни евреями, ни потомками прозелитов. То же самое решение принял 10 нисана 5778 (26 марта 2018) года крупнейший раввин-законоучитель рав Йеуда Сильман.

Ицхак не любил прозелита из Москвы, переводчика с иврита на русский Реувена П. Когда я заметил, что Ицхак с Реувеном похожи, Ицхак с Йеудой стали с пеной у рта доказывать, что я ничего не смыслю в физиогномике. Но я видел у обоих лица с характерными славянскими чертами, обрамлённые длинными густыми «еврейскими» бородами. Тем не менее Ицхаку было, по видимому, неприятно слышать о своём даже чисто внешнем и поверхностном сходстве с Реувеном. Ицхак с презрением рассказывал, что, когда он учился в *йешиве* в Иерусалиме, после учёбы их развозили по домам на микроавтобусе. Однажды выходил Ицхак из *йешивы*, направляясь в сторону развозки, и за его спиной по-хамски крикнул Реувен П.: «Куда бежишь, кости переломляю!» (в прошлом он занимался карате). Ицхак ненавидел подобные бескультурные шуточки и сделал вид, что не слышит. Думаю, что если бы дело дошло до драки, Ицхак бы побил этого каратиста — ведь он и сам был, как говорится, не лыком шит.

В другой раз на развозке с ними ехал рав Ицхак Зильбер. И, как обычно, он в машине, обращаясь ко всем, говорил *двар-Тора* (буквально: «слова Торы» — комментарий или объяснение какого-то вопроса с точки зрения Торы). Когда рав Зильбер вышел, Реувен П. стал извиняться перед водителем: извините, мол, за старика, который здесь разные глупости говорил. Больше Ицхак в этой развозке не ездил — противно было.

Как бы ликовал Ицхак сегодня, узнав, что над всеми московскими *гиюрами* советского времени (тот злополучный прозелит-хам Реувен — в числе «обгиюренных» подобным гиюром) нависла чёрная туча сомнения!

Происхождение Ицхака для меня раскрылось следующим образом. Кто-то пригласил к нам на трапезу еврея-журналиста, работавшего в одной из рижских газет. Всегда для нас было большим счастьем, когда удавалось «затащить» в *Бейт-мидраш* какого-то нового еврея. Однако неожиданным результатом этого визита стал курьез: журналист поместил в газете статью про Ицхака, написанную в плохо скрываемом полу-ироническом духе. В ней было сказано, что Ицхак — прозелит, но ошибочно указано, что его жена — еврейка (на самом деле она тоже *гийорет* — прозелитка).

Ицхак был в подавленном настроении — это оказался удар ниже пояса. Мы вышли прогуляться, чтобы развеять грусть, и я стал свидетелем необычного происшествия. Одна женщина остановилась перед нами и с упоением произнесла на латышском в полный голос: «Каада баарда!..» («Какая борода!..») Она даже протянула руки, чтобы её потрогать. Борода была действительно необычно длинная. Ицхак не подстригал её потому, что рав Хаим-Меир К. — бывший узник советского лагеря, который очень тепло относился к Ицхаку и которого тот очень уважал, — сказал ему «не дотрагиваться до бороды».

Через несколько минут другая женщина, проходившая мимо нас, громко сказала по-русски, глядя в упор и улыбаясь: «Козёл говориш-ш-шь, борода говориш-ш-шь!».

Ицхак заметил, что подобное с ним случается чуть ли не каждый раз, когда он идет по улице. Я был поражён.

ГЛАВА 5. ГЕНИАЛЬНЫЙ РЕЖИССЁР

Возвратимся к началу повествования. В начальный период своего пребывания в *Бейт-мидраше* я вообще не знал, что, кроме Йеуды, им руководит и ещё кто-то. Какое-то имя «Ицхак», однако, витало в воздухе *Бейт-мидраша*, но я не придавал этому большого значения.

В один прекрасный день я увидел в *Бейт-мидраше* крупного бородатого и пузатого мужика, который на первый взгляд мне показался странноватым. Это был Ицхак. Бородач обратился ко мне с чем-то вроде шутки, но я обычно не реагирую на подобное панибратство. Образ бородача показался мне сильно контрастирующим со стройным и подчёркнуто интеллигентным Йеудой.

В тот период Ицхак с Йеудой снимали ещё одну квартиру, в которой жили. Но через некоторое время Ицхак переехал жить в *Бейт-мидраш*, и с тех пор он регулярно стал участвовать в субботних трапезах (до этого Йеуда проводил их без участия Ицхака). Однако потом я узнал, что даже тогда — в период, когда Ицхак практически не появлялся в *Бейт-мидраше*, — всё, что делал Йеуда, было до мельчайших деталей спланировано и инсценировано Ицхаком.

Я уже описал, как проходила учеба в *Бейт-мидраше*. Всё это, по моему мнению, говорит о том, что Ицхак был

выдающимся организатором и режиссёром. И хотя я считаю, что Йеуда был не только лишь хорошим актёром, Ицхак придерживался другой точки зрения. В качестве иллюстрации он приводил в пример знаменитого латышского актера, которым все восхищались. «На самом же деле, — говорил Ицхак, — своим успехом этот актёр обязан выдающемуся режиссеру, который диктовал ему всё, что нужно делать, вплоть до мельчайших деталей, как например: „Миленький, подыми ручку так!“»

При всём том и я, однако, признаю, что, несмотря на свои личные выдающиеся способности и качества, Йеуда без Ицхака, наверное, не смог бы в полной и правильной мере их реализовать.

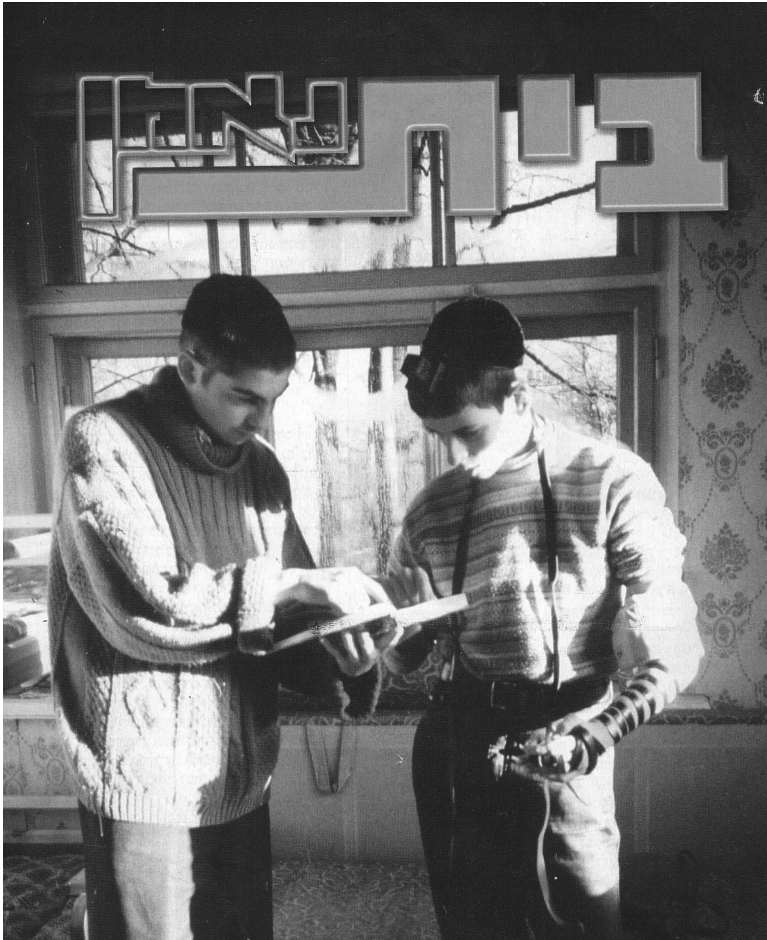
Несмотря на свою сдержанность и скрытность, Йеуда всё же делился крохами из своей биографии. Так я узнал, что до «перестройки» он был отказником. В один прекрасный день он принес мне брошюру, в которой объясняется, как вести себя с советским следователем. Ею пользовались участники еврейского подпольного движения при Брежневe. Йеуда с большим пиететом относился к этой брошюре: она действительно была интересная, но я, к сожалению, мало что из неё запомнил (разве что аббревиатуру ПЛОД, если я правильно помню).

Я рассказал родителям про «отказное» прошлое Йеуды, и мой папа сразу узнал в нём молодого человека, который регулярно стоял в пикете недалеко от здания Верховного суда. Папа видел, как на него науськивали собаку. Осознание тождественности этих двух фигур было воспринято мною как откровение.

Я пришёл в *Бейт-мидраш* и, окрылённый, сообщил Йеуде, что его опознали. Несмотря на всю свою сдер-

жанность, Йеуда не смог скрыть улыбку. Потом Ицхак рассказал мне, что именно он — Ицхак — посоветовал Йеуде стоять в пикетах.

Диссидентское прошлое Йеуды мне очень импонировало. Когда мне было примерно лет шесть, я написал письмо Брежневу, в котором начертил с детской наивностью, что не понимаю, почему он так критикует Израиль: ведь Иордания, Сирия и Ливан — это исконно израильские земли (sic!). Я отдал это письмо сестре бабушки, чтобы она послала его по адресу; она показала письмо моей маме, а потом сожгла его в печке. Как говорится, и смех, и грех!

Обложка журнала на иврите «Байт нэман» (вып. №672), в котором напечатана статья об Ицхаке (вскоре после его смерти). На фотографии — ученики в спальне Бейт-мидраша на ул. Маскавас.

ГЛАВА 6. НЕЕВРЕЙ-СЫН ГЭБИСТА — ДИССИДЕНТ- СИОНИСТ

Как мне рассказала вдова Ицхака, его отец был самоотверженным гэбистом, поглощённым своей работой. Он был полковником или подполковником КГБ, точно не помню. Присланный в наш город сразу после завершения Второй мировой войны на борьбу с остатками антисоветского сопротивления, так называемыми «лесными братьями», он порой даже не возвращался в конце рабочего дня домой, а оставался ночевать в своём кабинете.

Но Ицхак вырос диссидентом. По его рассказам, ещё в детстве в нём проснулся «дух противоречия». Однажды отец Ицхака (тогда — Володи) взял мальчика на встречу с Хрущёвым. Когда Хрущёв погладил Володю по головке, тот мысленно пожелал высокому гостю: «Чтоб тебя...»

Как мы видим, «дух бунтарства» проснулся в Володе довольно рано. Ещё подростком он выпалил своему отцу, с которым был «на ножах»: «Если немцы придут в наш город, я стану бургомистром». Он сказал это не столько из любви к немцам, сколько из ненависти ко всему советскому. И в зрелом возрасте Ицхак, — несмотря на то, что он был глубоко русским человеком

в лучшем смысле этого слова, — также иногда позволяя себе весьма экстравагантные пассажи в западническом духе. Так, тепло отзываясь об одном раввине, чистокровном еврее, выходец из Швейцарии, — Ицхак сказал однажды: «Он наш человек, немец!» А в другой раз, говоря о другом уважаемом им раввине из Румынии, отец которого, однако, был родом из Германии, Ицхак со знанием дела заметил: «Он со своей женой дома говорил не на каком-то идише, — Ицхак презрительно сморщился, — а по-немецки!» Он не разделял моего презрения к тем евреям, которые, потеряв элементарное самоуважение, эмигрируют в Германию, но считал это явление нормальным и само собой разумеющимся.

Ицхак рассказывал, что ещё школьником он на каникулах путешествовал и оказался в другом городе, — если память мне не изменяет, в Москве. Поскольку он любил стричься наголо, он в таком виде был задержан милицией и попал в детский приёмник-распределитель. Пробыв там несколько месяцев, он ни разу не проговорился, что его отец работает в КГБ. Потом милиционеры сами узнали об этом и отправили его домой.

Ещё Ицхак, а позднее и его вдова, рассказывали мне кажушуюся совершенно невероятной историю из их диссидентского прошлого. Они жили в коммунальной квартире. Однажды ночью Владимир Петрович (в будущем — Ицхак) проснулся и увидел занесенный над его дочкой-младенцем топор, который держал в руке какой-то мужчина. Владимир моментально нашёлся, и с правильной интонацией произнёс что-то вроде: «Сегодня ведь такая хорошая погода, зачем кого-то убивать». Убийца бросил топор и выбежал из квартиры. То есть

Владимир Петрович сумел его загипнотизировать, причём в считанные доли секунды, и сообразил, что и с какой интонацией надо говорить.

Через некоторое время в дверь позвонили две женщины в милицейской форме. Когда они переступили порог квартиры, на их лицах отразилось недоумение: по всей видимости, они прибыли, чтобы забрать в детский дом двух малолетних дочек Владимира Петровича, а он сам и его жена к тому времени уже должны быть зарублены. Но убийца ошибся — вместо них он зарубил их соседей по коммунальной квартире.

Если принять версию, что жертвами должны были стать Ицхак и его супруга, а не их дети, — непонятно, почему наёмный убийца собрался убивать их дочь. Может, вошёл в раж? Или из досады, что по ошибке сначала убил соседей?

Было ясно, однако, что убийство инспирировано властями. На судебном процессе в качестве убийцы власти подставили другого человека, «подсадную утку», который во всём признался. Владимир Петрович же утверждал на суде, что убийца выглядел совершенно иначе, чем подсудимый.

Через много лет произошла интересная встреча: Ицхак увидел своего предполагаемого убийцу, гуляя по городу. Они встретились глазами и узнали друг друга. Ицхак ему улыбнулся и пошёл дальше. «Ведь он спас мою дочь», — говорил потом Ицхак. Он полагал, что убийца тоже его узнал — и ответил улыбкой на улыбку.

Вообще, по словам Ицхака, милиционеры постоянно на него жаловались: «Он знает все наши приёмы, и поэтому мы его не можем посадить». Но соседям Владими-

ра Петровича приходилось несладко. Например, по рассказам его вдовы, один из соседей на коммунальной кухне как-то выругался в адрес евреев, на что последовала моментальная реакция Владимира, который, вскочив, заорал: «Заткнись, сука!» Вскоре сосед в страхе поменял место жительства.

Заветной мечтой Владимира Петровича (Ицхака) было покинуть пределы Советского Союза. В его голове на этот счёт роились самые фантастические планы. Например, перейти по снегу границу с Финляндией, облачившись в белую одежду и какие-то специальные маскировочные меховые шапки.

Владимир Петрович прошел через многие существовавшие тогда диссидентские группы и пришёл к выводу, что ни одна из них не поможет ему попасть за рубеж. Так судьба привела его в еврейское сионистское движение, которое, как он понял, было единственным, дающим реальную надежду на отъезд.

Ицхак рассказал мне, что однажды, проходя недалеко от памятника Свободе (учитывая ходатайство выдающегося скульптора Мухиной, этот памятник не был взорван советскими властями. В принципе, это можно считать чудом), он увидел местных отказников, своих соратников по сионизму, стоящих в пикете. «Владимир, не мешай нам сегодня!» — попросила его одна еврейка, и Ицхак послушно удалился. Он сел на скамеечку в парке рядом с каналом и стал издалека наблюдать за проходящим. Тут к нему подошёл милиционер: «Гражданин, пройдёте!» Поскольку, по советским законам, милиционер не имел права задерживать, не предъявив в устной форме хотя бы минимальное формальное основание,

Ицхак решил помочь милиционеру и подсказал ему какой-то повод (уже не помню, какой).

Милиционер привёл Ицхака в кабинет какого-то начальника, и тот стал раздраженно орать на Ицхака: «Когда уже прекратишь свои штучки!» А Ицхак, назвав его по имени и отчеству, спокойно возразил: «Вы ещё не ответили на моё письмо такое-то и такое-то!» Начальник был ошарашен: откуда Ицхак знает, как его зовут?

Как мне заявлял сам Ицхак, дело было в том, что, когда каждый новый работник правоохранительных органов заступал на службу, краткую заметку об этом вместе с его фотографией помещали в газете. Ицхак, по его словам, аккуратно её вырезал и подклеивал в свой специальный альбом. Таким образом, он якобы знал всех этих «работничков» в лицо и по фамилии, имени и отчеству. Подозреваю, что все эти слова были просто бахвальством.

Но насчёт писем — чистая правда: Ицхак буквально заваливал ими властные структуры, зная, что по закону они обязаны ответить на каждое письмо. На почте Ицхак всегда требовал письменное уведомление о вручении письма, на что также по закону имел право. Однажды работница почты заартачилась, отказываясь выдать ему подобный документ, но её коллега молча указала ей на какую-то бумажку на рабочем столе, и упрямца ментально подчинилась. Ицхак предполагал, что на этой бумажке было написано что-то вроде: «Владимиру М., по его требованию, выдавать уведомление о вручении письма» (!).

Читатель может подумать, что у Ицхака была мания величия, но мне кажется, что подобное выдумать без каких-либо оснований невозможно. «Мания», однако, в ка-

кой-то степени всё же была. Однажды Ицхак с возбуждением стал говорить о человеке, который днём и ночью ни о чём другом не думает, кроме как о спасении еврейского народа. Я предположил, что он имеет в виду Любавического ребе; ведь не раз Ицхак говорил (передаю его словами): «Любавический ребе — это вам не хухры-мухры». Но тут вдруг Ицхак однозначно выразился, что имел в виду самого себя...

Всё же наступил период, когда руководители «сионистского подполья» уехали, наконец, в Израиль. И они оставили Владимира Петровича, нееврея, «за главного» вместо себя в нашем городе. Он организовывал подпольные семинары, снимал летние дачи в Юрмале, на которые съезжались пионеры советской *тшувы* из Москвы, Петербурга и Вильнюса. Через него проходила также и еврейская самиздатовская литература, распространявшаяся среди отказников. Он активно занимался её подпольным тиражированием. Эту литературу он читал и сам, и таким образом начал приобщаться к еврейской религии ещё живя в Советском Союзе, будучи при этом неевреем.

Рассказывая мне о летних дачах, вдова Ицхака поведала, как однажды хозяйка по указанию силовых органов потребовала от Ицхака уже снятое помещение освободить. Ицхак подчинился, но когда всё успокоилось, и хозяйка уже «отдыхала душой и телом», полагая, что убила двух зайцев — и деньги получила, и квартирантов выгнала, — в самый неожиданный для неё момент перед ней предстал Ицхак и потребовал деньги обратно. От шока хозяйка чуть не потеряла дар речи, и — если мне память не изменяет — деньги-таки возвратила, ра-

дуюсь, что так легко отделалась. Ицхак, когда хотел, умел делать грозный вид, да и комплекция у него была соответствующая.

К слову: Ицхак рассказывал и даже показывал мне документы, подтверждающие, что, когда он снимал помещение для проведения еврейского мероприятия, его супруга параллельно снимала второе помещение — про запас, на случай, если в первое нагрянет милиция или же власти наложат вето на еврейскую сходку, узнав о ней предварительно. Не раз подобный способ выручал из затруднительной ситуации — и тогда мероприятие проводилось в другом помещении, о котором властные структуры не знали.

Мои родственники — Мотя и Лена Л. (Мотя трагически погиб в Израиле от руки араба-террориста) — тоже были среди пионеров московской *тишувы*. В 1985-м году они побывали летом на такой даче. Я — в то время ещё подросток — несколько раз посетил их там. Какой-то бородатый еврей (к сожалению, я его имени не запомнил) пытался меня склонить к религии, долго и нудно разъясняя несостоятельность теории Дарвина. Кажется, делал он это непрофессионально: в те времена, по всей видимости, ещё не существовало сугубо научных материалов, опровергающих эту теорию, или же они были нам недоступны. Потом и Зеэв Райз, тогда ещё молодой и бритый, пытался мне что-то объяснить, но всё впустую. А отвечал я Райзу в недостаточно уважительной форме, так что, когда Райз вышел, мне кто-то мягко заметил: «Ведь он кандидат наук, не надо с ним так разговаривать!»

В Израиле Райз отрастил бороду, и сегодня выглядит почти как патриарх. Он был пионером проверок

на еврейское происхождение, и по сей день считается авторитетом в этой области. Запомнил я тогда и двух его милейших сыновей, а также и его супругу, госпожу Кармелу, которая выглядела, как типичная «идише мамэ».

Когда я рассказал Ицхаку о своём посещении «его дачи», тот заметил: «Если ты тогда не сделал *тшуву* (то есть не стал религиозным), очевидно, что в тот период у тебя был сильный *йецер а-ра* (злое начало)!» Возможно, Ицхак в какой-то степени и был прав. Но я думаю, что не в последнюю очередь на меня негативно повлияло тогда и то, что я каким-то образом почувствовал: эти новоиспеченные *баалей-тшува* при всей своей внешне выпуклой иудаистичности, внутренне, эмоционально были ещё весьма незрелы и далеки от еврейского мироощущения и менталитета, сами того, скорее всего, не понимая. В этом не было их вины — такими их вылепила, как из глины, советская «Родина-мать». Несомненно, однако, что по крайней мере интеллектуально от её пути они смогли освободиться. Это уже само по себе было потрясающим достижением. К сожалению, некоторые из них и по сей день не шибко продвинулись в избавлении (*redemption*) из «эмоционального болота».

Кроме участия в организации просветительской работы, Владимир Петрович предпринимал также попытки в своём стиле изменить материальные отношения в среде отказников. Как правило, отказников изгоняли с мест работы, и основным источником пропитания для них становились посылки из-за рубежа, на вырученные деньги от продажи которых они жили. Владимир Петрович хотел прекратить некоторую анархию, царившую в этой сфере. Он решил, что изначально все посылки

должны складываться в общую кассу, из которой каждой семье будет выдаваться поровну.

Подобная политика привела к обострению отношений Владимира Петровича с некоторыми коллегами по еврейскому движению. Мои родители несколько лет назад встречались в Израиле с семьёй бывших отказников из нашего города. Услышав фамилию Ицхака (Владимира Петровича), те, можно сказать, скрежетали зубами от злости.

В квартире Владимира Петровича несколько раз был учинён обыск. Были изъяты: рукопись написанного им романа; книги грузинского философа Мамардашвили, весьма им почитаемого; еврейская литература, в том числе «История еврейского народа» Дубнова и другие книги. Ицхак показывал мне целый альбом, в котором была подшивка его переписки с властями. Он требовал возвратить всё изъятое у него во время обысков. В конце концов, всё, кроме рукописи его романа, было возвращено. А рукопись исчезла.

Аркаша Л. рассказал мне, что Ицхаку уже после развала Союза возвратили его дело («мешок») из КГБ. По словам Аркаши, этот «мешок» хранился у надёжных людей, которым Ицхак, по всей вероятности, дал соответствующие инструкции на случай своей смерти. Дальнейшая история этого «мешка» мне неизвестна.

На середине тогдашнего пути в Израиль, в Вене, Владимир Петрович планировал «завернуть» в Америку. Однако, по его рассказам, в венском туалете представители сионистского истеблишмента настоятельно потребовали от Владимира Петровича, чтобы он летел

в Израиль. Они мотивировали своё требование тем, что будет очень нехорошо, если руководитель местного сионистского движения окажется несознательным и полетит в США. Из слов Ицхака я понял, что он до конца своей жизни не был уверен в том, что сделал правильный поступок, когда не «завернул» в Америку. Свое положение в Израиле он видел «бедственным», и это его серьёзно тяготило. Так, однажды он обиженно пожаловался на то, что у его жены рваное нижнее бельё — вот до какой степени он материально нуждается!

Согласно рассказам его вдовы, в Израиле на них оказывали сильное давление, чтобы они, вопреки своему истинному национальному статусу, записались евреями. Для тех, кто требовал этого, казалось унижительным, что *гой* был одним из руководителей еврейского сионистского движения. Но Владимир Петрович и его супруга наотрез отказались.

Ицхак был очень горд, что по поводу целесообразности его *гидюра* спрашивали самого Любавического ребе, и тот, согласно словам Ицхака, дал по этому вопросу положительный ответ.

ГЛАВА 7. СИМБИОЗ ИЛИ АНТАГОНИЗМ, ИЛИ НАШИ НАЦИОНАЛЬНЫЕ БЛЮДА

Йеуда рассказал, что он учился в той же самой школе, что и я. И с особой неприязнью он упоминал о двух учительницах. Одной из них была Валентина Петровна, преподававшая русский язык и литературу. Она преподавала у моего старшего брата тоже; по его словам, она была антисемиткой, хотя я ни разу этого не почувствовал. В нашем классе она вела уроки только в одной учебной четверти, когда замещала нашу классную руководительницу Любовь Ивановну Корсакову — женщину удивительную, редкой душевности.

Любовь Ивановна — дочь простых русских людей из Горьковской области, своим трудом и упорством добилась высшего образования и стала одним из лучших педагогов-филологов Латвии. Она сочетала в себе лучшие качества русского народа: прямоту, сердечность и исключительное благородство. Её методика преподавания русского языка впоследствии помогла мне быстро освоить иврит и овладеть другими языками.

В классе моего брата учился еврейский парень — Валя. Его отец был главным кардиологом республики, а сам Валя обладал ярко выраженной, почти карикатурной еврейской внешностью и не менее карикатурным, шумным и самоуверенным характером. К тому же его мама была

музыкальным работником и на общественных началах выполняла в нашей школе роль концертмейстера. Всё это способствовало тому, что в школе Валя себя чувствовала вполне раскованно, и, наверное, позволял себе некоторые вольности — в том числе в отношении «Вальпетры» (это было прозвище Валентины Петровны). В итоге однажды она сказала, обратившись к нему, нечто такое: «Ты, наверное, желаешь уехать в Израиль и стать вроде одного, который здесь учился раньше — он хотел убивать палестинских арабов».

Валентина Петровна, однако, в данной ситуации не сообразила, на кого напала: через некоторое время ей пришлось попросить у Вали прощение (если я не ошибаюсь, в присутствии всего класса).

И тут я понял: тот, который «хотел убивать палестинских арабов», был не кто иной, как Йеуда, который во время уроков в школе нахально писал ивритские таблицы!

Кроме Валентины Петровны, врагом номер один Йеуды, по его рассказам, была учительница национального (впоследствии — государственного) латышского языка Леонтина Клементьевна, по национальности — латгалка. Замужняя, хотя и бездетная, высокая, статная, очень полная, с красивой внешностью балтийского типа, самоуверенная, властная, иногда деспотичная, — она внушала ученикам страх, и на её уроках царил идеальная дисциплина.

Не думаю, что она была антисемиткой. И меня она не трогала, потому что я был одним из немногих в классе, кто хорошо знал латышский язык. Причём она наверняка понимала, что я никаким боком не имел никакого генетического отношения к местной титуль-

ной нации. Остальные же знатоки латышского в нашем классе были латышами — хотя бы по одному из родителей.

Только единственный раз в жизни я был свидетелем, как удалось задеть чувства Леонтины Клементьевны. Внезапно она зашла к нам на урок физики и очень вежливо, даже скромно попросила, чтобы мой одноклассник Алексей Ш. (тогда известный шахматист, а теперь уже международный гроссмейстер), вышел на минутку из класса.

Оказалось, что на парте, где сидел Алексей, кто-то начертил: «Клима — гансиха». Для всех было очевидно, что это не дело рук «божьего одуванчика» Алёши. (В связи со своими постоянными разъездами, хрупким телосложением и кротким характером ему в школе было совсем не сладко — доставалось и от одноклассников, и от учителей). Но Леонтина Клементьевна имела к нему претензию: он, увидев эту надпись, не стер её или, по крайней мере, не сообщил о ней. Алёша утверждал, что он надписи не заметил. Наша классная руководительница, которая очень уважала Леонтину Клементьевну, сделала ему при всех «втык», как обычно, на высоких тонах, но, как всегда, без малейшей внутренней злобы.

Йеуда рассказывал, что в свое время Леонтина Клементьевна просто «умирала от счастья», когда ее приняли в партию. Я об этом не знал, но припоминаю, что она была членом партбюро школы. Она превосходно знала свой предмет, причём прекрасно владела и русским, разговаривая на нём почти без акцента и очень едко реагируя, когда кто-то среди учеников допускал ошибку, говоря по-русски. Например, когда Ишутова вместо «течёт» сказала «текёт», Л. К. стала её так передразнивать, что

заставила Иштуову краснеть и бледнеть. Она знала также и английский язык и, по рассказам, при необходимости заменяла преподавателей этого предмета.

Поскольку Йеуда был с Леонтиной Клементьевной «на ножах», латышский язык он не усвоил. Однако уже в Израиле, учась в *йешиве* (до его возвращения с Ицхаком в Ригу) и, по-видимому, не без участия Ицхака, Йеуда — воистину выдающийся специалист по древнееврейскому и арамейскому языкам — вдруг понял, что логический строй латышского языка удивительно напоминает арамейский. И, будучи в Израиле, он достал необходимую литературу и стал его изучать!

Действительно, своей конкретностью, а также чёткими, «железными» и в то же время широкими возможностями словообразования этот язык удивительно напоминает иврит и арамейский. Он по своей сути заметно отличается от полного тончайших эмоциональных нюансов, «поэтического» русского языка (несмотря на то, что с точки зрения формально-лингвистической латышский язык находится в доказанном родстве со славянскими). Как бы там ни было, понятно, что в каждом языке — своя прелесть.

Вообще Ицхак рассказывал, что ещё в молодости он специально, чтобы выучить латышский язык, уехал пожить в деревню — поступок, редкий для русских, которые в большинстве своём были в лучшем случае совершенно к нему равнодушны и не выказывали ни малейшего желания его освоить. Это происходило потому, что у них в советское время не было такой необходимости; а, может, ещё и по той причине, что они чувствовали скрытую неприязнь к себе со стороны местного населения. В худшем же случае русские

называли латышский язык не иначе как «собачьим» или «птичьим» языком. Теперь, однако, всё изменилось, и у русских в Латвии обнаружилось удивительные способности к изучению как латышского, так и английского языка.

Таким образом, Ицхак еще в глухое советское время выучил латышский, хотя и не смог преодолеть русский акцент. Вместе с тем говорил он очень аккуратно, стараясь, как полагается, тянуть долгие гласные и не слишком смягчать, как в русском, согласные. Поэтому его акцент, в отличие от «классически русского», не очень резал ухо.

Симпатии Ицхака к латышам может проиллюстрировать и следующая история. На очередных выборах в парламент баллотировалась новая партия под руководством Йоахима Зигериста — предпринимателя из Германии — наполовину немца, отец которого был латышом (или мать была латышкой — уже не помню). В средствах массовой информации все, кому не лень, высмеивали его, как могли, что в итоге создало ему одиозный имидж. Каково же было всеобщее удивление, когда на очередных выборах его партия получила чуть ли не 20% мест в парламенте, оказавшись среди лидеров!

В своих интервью после выборов не только представители правящей партии, но и с трудом прошедшие в парламент опальные «социалисты» всячески разглагольствовали на тему того, каким же образом Йоахиму Зигеристу удалось так убедительно победить: вот, мол, он на предвыборных митингах раздавал бананы, а народ у нас за последние годы люмпенизировался и прочее. Не помню, за кого я тогда голосовал (и вообще, кажется, я участвовал в выборах только один раз), но явно не за Зигериста. Тем не менее, я был восхищён его по-

бедой — не потому, что питал к нему какие-либо симпатии, но в первую очередь потому, что она свидетельствовала: народ уже разобрался в лживости постсоветских функционеров.

Зигерист в Германии был судим за ложь

Яр Я. Розитис

Мюнстер, 6 ноября. Восемь лет назад в Германии Иохима Зигериста судили за то, что он дал лживые показания, имеющие силу клятвы, т. е. лгал.

В прошлом году, когда Гамбургский мировой суд рассматривал совсем другое дело, прокурор, не дожидаясь, сообщил, что И. Зигерист имеет судимость по крайней мере в одном случае, а именно, он уже ранее давал лживые показания, имеющие силу клятвы, т. е. лгал.

Из неофициальных источников мне удалось получить подтверждение данному факту. 26 июня 1987 года на председателя Народного движения *Латвия* за нарушение был наложен денежный штраф в размере 12 000 немецких марок (около 4500 латов). Этот приговор занесен в Центральный штрафной регистр Германии, из чего можно сделать вывод, что он не только вынесен, но и вступил в законную силу. Правда, мне не удалось выяснить, относительно чего именно И. Зигерист дал лживые показания.

Показания, имеющие силу клятвы, — это форма, с помощью которой утверждается истинность каких-либо показаний, но это не само по себе самое, что показание, данное под присягой. В соответствии со статьей 156 Уголовного кодекса Германии за умышленную дачу достоверных показаний такого рода грозит лишение свободы сроком до трех лет или денежный

штраф, по статье 163 (за умышленную дачу таких показаний) — лишение свободы на срок до одного года или денежный штраф.

Следует напомнить, что 7 февраля 1989 года Гамбургский окружной суд наложил на И. Зигериста штраф в размере 17 550 марок (6600 латов) за обвинения в адрес бывшего канцлера Германии Вилли Брандта. Не отрицая свободы политических взглядов, суд в тот раз признал, что инкриминируемые И. Зигеристу высказывания

не имеют достаточного фактического обоснования. По сути то самое относится и к так называемому «цыганскому делу», в котором Гамбургский мировой суд 15 апреля 1994 года приговором председателя НДП к 18 месяцев тюрьмы без права отбывания условно. Мировой суд признал, что И. Зигерист разжигал расовую вражду, распространял соответствующие материалы, высказывал обвинения. Правда, приговор еще не вступил в силу. ♦

Рекламное агентство
Диена

Ул. МУКУСАЛАС, 41

ТЕЛ. 7063181

ОБЪЯВЛЕНИЯ И РЕКЛАМУ
ПРИНИМАЮТ ТАКЖЕ ПО АДРЕСУ

Ул. ЛАЧПЛЕША, 1. Тел. 17331358

Статья об Иохиме Зигеристе в рижской газете «Диена»

К сожалению, его парламентская фракция оказалась нежизнеспособной (видимо, не в последнюю очередь из-за брутальной обструкции, которую устроили ему средства массовой информации) и впоследствии распалась.

Когда Зигерист победил на выборах, Ицхак тоже ликовал. «У него — латышское сердце!» — воскликнул он, имея, по всей видимости, в виду прекрасные качества лучших сынов этого народа: добросердечие и порядочность.

Ицхак с гордостью рассказывал мне, что в молодости (он родился незадолго до окончания войны) был единственным русским, которого приняли в компанию местной богемы. Из этой компании вышло впоследствии несколько выдающихся деятелей латышского национального искусства и культуры. С некоторыми из них Ицхак до конца своей жизни поддерживал тёплые и дружеские отношения — втайне от нас. Но передо мной он не смог сдержаться и показал фотографии фигурок, которые слепила известная в Латвии женщина-скульптор. Эти фигурки изображали Ицхака в традиционном еврейском облачении. На фотографии некоторые из фигурок нежно держала какая-то женщина (очевидно, сама скульптор). Довольный Ицхак с улыбкой рассказал, что ещё задолго до того, как заинтересоваться еврейством, он приходил к этой скульпторше в гости, и её муж говорил в шутку: «Твой жид пришёл!». Возможно, так Ицхак намекнул, что, по его мнению, устами этого нееврея говорил *руах акодеш* (пророческий дух). Но о фотографиях фигурок Ицхак просил никому в *Бейт-мидраше* не рассказывать.

При этом я никак не мог понять, почему он с нена-

вистью относился к видному местному композитору П., который также часто бывал в той компании. «Он карьерист!» — воскликнул Ицхак. Я же знал П. как приятного человека, лишённого всякого снобизма, несмотря на свой талант и достижения. Ицхак сердился и отказывался согласиться с моей оценкой личности и творчества П. Ну, а я не спорил: зачем зря тратить энергию? — Ицхака всё равно не переубедишь. А может, Ицхака связывали с П. какие-то личные счёты?

В молодости Ицхак увлёкся музыкой, и следствием этого стал его первый брак с известной латышской пианисткой, которая была его на 20 лет старше. Как и во многих других областях, и в музыке Ицхак считал себя специалистом. Хотя, как я предполагаю, в своих высказываниях об уровне таланта разных рижских музыкантов он просто повторял то, что ему говорила бывшая жена или ещё какие-то знакомые.

Однажды Ицхак сказал мне с презрением: «В мире два самых музыкальных народа — русские и немцы. К чему же привела их музыка?..» По-видимому, он имел в виду то, что съезжанием в тоталитаризм в отдельные периоды своей истории, эти народы обязаны именно своей музыкальности. Читатель сам может судить о правомерности такого суждения. Но недавно я обнаружил своеобразное подтверждение высказывания Ицхака о немцах в книге Иоахима Феста «Адольф Гитлер».

Фест пишет: «В одном из своих главных выступлений периода захвата власти, прозвучавшем 21-го марта по случаю Дня Потсдама, Гитлер так сформулировал связь между политическим бессилием, мечтами как эрзацем силы и избавлением через искусство: „Немец, рассорившийся сам с собой, непоследовательный

в мыслях, с расщеплённой волей и потому бессильный в действии, теряет силу в утверждении собственной жизни. Он мечтает о праве на звёздах и теряет почву под ногами на земле... В конечном итоге немцам всегда оставался только путь внутрь себя. Будучи народом певцов, поэтов и мыслителей, немцы мечтали тогда о мире, в котором жили другие, и только когда нужда и лишения наносили этому народу бесчеловечную травму; тогда, может быть, на почве искусства произросло желание нового подъёма, нового царства, а значит и новой жизни“».

Цитирую по книге Йоахим Фест, «Гитлер» (Пермь, «Культурный центр „Алетейа“», 1993, том 2, стр. 268).

Добавлю от себя: величие нации измеряется количеством великих людей, которых она дала миру. Следуя этому критерию, в музыке среди современных народов немцы и русские — из самых великих (исходя из количества великих композиторов). Великие люди, и в частности, композиторы, не рождаются на пустом месте, они — квинтэссенция души народа. Это значит, что «коллективная душа» немцев и русских чрезвычайно музыкальна. По поводу термина «коллективная душа народа» сошлюсь на книгу Виктора Луговского «Супермозг человечества» (Москва, 2009). Этот русский человек пишет о том, что каждый народ имеет свой «супермозг». На самом же деле он нащупал то, о чём говорит наша святая Тора: каждый народ, кроме еврейского, которым Всевышний управляет непосредственно, имеет в высшем духовном мире «лично» своего ангела (так называемого «сар ha-ума»), через которого Всевышний посылает этому народу материальную и духовную эманацию. Форма эманации, посылаемой данному народу, зависит от кон-

кретных качеств ангела, которыми изначально наделил его Всевышний. А интенсивность эманации зависит от положения, в котором этот ангел в данный момент находится в Высшем мире — в лидирующем, низложенном, срединном, второстепенном...

Для меня очевидно, что Ицхак, хотя в Торе и был неучем, мыслил очень глубокими духовными категориями: не зная книги Луговского и не зная Торы, он понял возможную связь между лидирующей музыкальностью немцев и русских и несомненным фактом — оба этих народа оказались колыбелью современных форм тоталитаризма. В чём конкретно заключается эта связь — вопрос на уровне иррационального, и на этот вопрос ответ может дать только Тора, которая сама по себе является высшим духовным знанием.

От другой дамы — известной театральной деятельницы, латышки, — у Ицхака в городе был сын. Однако Ицхак поначалу говорил, что ему неинтересно даже посмотреть на ребёнка, ведь он зачал его ещё до своего гиюра, и к тому же — вне брака. Но через несколько лет после отъезда в Израиль Йеуды отношение Ицхака к сыну изменилось. Он даже познакомил с ним свою дочь, его единокровную сестру, которая приехала из Израиля навестить Ицхака.

После смерти Ицхака его сын приехал в Израиль, чтобы почтить память своего отца. На время своего визита он остановился у вдовы Ицхака — госпожи Ханы (в прошлом — Жанны). Она мне сказала, что этот сын произвел на нее благоприятное впечатление, и что «нижняя часть его лица — копия Ицхака». Однажды и мне довелось его увидеть, когда я оказался в том же самолёте, что и он с Ханой. Мы летели из Риги в Израиль. Я обратил

внимание на то, что его тело выглядело уж больно щуплым по сравнению с комплекцией Ицхака.

Эта история имела также и милое продолжение: средняя дочь Ицхака решила освоить латышский язык, самостоятельно — в Израиле — его выучила и поехала на родину своих родителей, чтобы заниматься на каких-то курсах культуры. На всё время учебы она поселилась у матери ицхакова сына — вышеупомянутой театральной деятельницы. Как говорит русская пословица: «Хорошо то, что хорошо кончается».

Но начинались отношения вдовы Ицхака, госпожи Ханы, с этой женщиной совсем не так гладко. После смерти Ицхака, когда вдова ожидала разрешения на вывоз тела в Израиль, она поведала мне с ужасом, что проститься с покойным явилась вышеупомянутая театральная деятельница. Я предполагаю, что она просто пришла отдать последний долг своему бывшему возлюбленному и отцу её сына, но вдова Ицхака заподозрила, что у той есть какие-то материальные притязания. «Ну, кто не увлекался в молодости!» — заламывая руки, в отчаянии восклицала госпожа Хана. Но её опасения оказались напрасными.

Стороннему наблюдателю могло показаться, что между Ицхаком и Йеудой царило полное взаимопонимание и стопроцентная корелляция. Однако на самом деле не всё было так.

Ицхак нередко жаловался, что он якобы «не знает иврит». На самом же деле иврит он знал сравнительно неплохо. Проблема состояла лишь в том, что для его самолюбия достигнутый им уровень знания иврита казался явно недостаточным. Не раз он жаловался мне, что «привез с собой Йеуду из Израиля» с тем лишь услови-

ем, что тот будет обучать Ицхака ивриту. Но Йеуда, видите ли, не выполняет своего обещания.

Однажды я оказался в *Бейт-мидраше* (тогда он находился на ул. Свободы, Бривибас) в вечерние часы. Ицхак полушёпотом поведал мне о своих страданиях: «Я договорился с Йеудой об уроке иврита, а он дрыхнет!» — и приоткрыл дверь комнаты, показав спящего Йеуду.

ГЛАВА 8. ШИДУХИМ, ИЛИ ЧУДЕСНОЕ СВАТОВСТВО

В один прекрасный день Ицхак мне сообщил по телефону, что занятий в ближайшее время не будет, потому что Йеуда уезжает в другой город — на свою свадьбу! Это было для меня открытием: я не мог себе представить, что Йеуда не женат! Но конспирация, как и полагалось, была выдержана блестяще.

Поначалу после свадьбы Йеуда с женой жили на отдельной квартире, но потом они переехали в *Бейт-мидраш* в отдельную комнату — по-видимому, из-за стеснённого материального положения. Тогда жена Йеуды стала работать в *Бейт-мидраше* поварихой. До этого Ицхак нанимал других женщин, которые готовили еду. Были также периоды, когда никто со стороны не готовил; бывало, что готовил сам Ицхак. Всё зависело от материальных возможностей в данный конкретный момент.

К сожалению, Йеуда не поладил со своей тещей. Мужа у неё не было, и она, одинокая женщина, очень оберегала свою единственную дочь. По всей видимости, до свадьбы мать невесты нечётко представляла себе, что такое жизнь религиозных евреев. Ицхак же, наверное, сумел успешно «задурить ей голову» (а он, когда очень хотел, умел это делать блестяще), и поэтому она дала своё согласие на брак.

Как бы то ни было, после свадьбы теща поняла, что

её дочь стала вести совершенно чуждый ей религиозный образ жизни. В дополнение к этому она не поладила с Йеудой, который, к сожалению, в своей личной жизни оказался не таким блестящим психологом, каким частенько выглядел в других ситуациях. В результате произошло нечто худшее, чем разрыв: Йеудина тёща стала обращаться во властные структуры с ложными наветами на *Бейт-мидраш* и делать откровенные гадости.

К сожалению, и я стал свидетелем подобной сцены. Однажды в субботу позвонили в дверь. Йеуда открыл. Предполагаю, что он предварительно посмотрел в глазок, потому что он не распахнул дверь полностью, а только приоткрыл щёлку. Из коридора доносились крики тёщи; из её слов я смог разобрать только два выражения, которые она повторяла много раз: «Я мать!» и «Она себя плохо чувствует!» В перерывах между криками тёщи Йеуда что-то негромко и деланно-спокойно объяснял; тех, кто стоял за дверью, мы видеть не могли — Йеуда закрывал своим телом приоткрытую щель в дверном проёме.

В конце концов, дверь закрылась, а Йеуда, почти как ни в чём не бывало, возвратился продолжать с нами субботнюю трапезу. Я подумал: «Вот это самообладание!» Потом Ицхак мне объяснил, что произошло: Йеудина тёща вызвала «скорую помощь» для своей дочери под предлогом, что той «плохо», и таким образом хотела оторвать дочь от Йеуды. «Поигрались и хватит!» — так передал её слова Ицхак.

Ицхак попросил моего папу вмешаться в эту историю, чтобы наладить отношения. (Очевидно, Ицхак понял, что в данной ситуации он может лишь «расписаться в своем бессилии»). Папа мне рассказал, что Йеудина тё-

ща поведала ему, с какой любовью она воспитывала свою дочку. По словам папы, в её квартире гнили мандарины, которые принёс ей Йеуда, но она не хотела до них даже дотронуться. А жена Йеуды на все требования своей матери отвечала: «Но я люблю Йеуду!» В результате этой миротворческой деятельности папа заключил, что у Йеуды тяжелый характер. В итоге, однако, тёща прекратила свои козни, хотя настоящего мира между ней и Йеудой так и не возникло. Предполагаю, что то, что тёща «утихомирилась», было в какой-то степени заслугой моего папы, хотя у него в душе после участия во всей этой истории остался неприятный осадок. Я же подумал, что большой ошибкой Ицхака было вовлекать нерелигиозного еврея в неурядицы жизни религиозной семьи, даже если вина спорящихся минимальна. Благо, и по сей день Йеуда с женой живут в счастливом браке, а после отъезда в Израиль у них народилось много детей.

Здесь мне кажется интересным немного рассказать о том, как развивались отношения Ицхака с Йеудой уже после возвращения молодой пары в Святую Землю. Какое-то время Йеуда учился в израильском *коле* (*йешиве* для женатых) потом на короткий период приехал обратно в Ригу — в *илихут*. Там он заболел воспалением лёгких. После возвращения в Израиль нищенское состояние *авреха* (женатого учащегося) ему, по всей видимости, надоело, и из *коле* он ушёл. В разговорах со мной Ицхак удивленно замечал, что Йеуда «раскрепостился», то есть стал избегать общения с ним, показывая тем самым, что он больше в Ицхаке не нуждается. Позднее мне стало известно, что Йеуда с семьёй обосновался в *ишuve* (поселении), где живут в основном *баалей-тшува* — иностранцы-репатрианты

и бреславские хасиды. В Советском Союзе Йеуда получил профессию инженера-строителя, но в Израиле переквалифицировался в компьютерщика и, как я слышал, вполне преуспел на новом поприще. Он построил себе дом, выступив лично в качестве архитектора. Из одарённого, но нищего *авреха* он перешёл в разряд процветающих, но «прозаических» *балабатим* (то есть религиозных евреев, которые не ставят изучение Торы во главу угла своей жизни). Ицхак, конечно, переживал из-за этого. Но пример Йеуды стал для него также и поводом для самоутверждения: «Вот, мол, посмотрите, что происходит с людьми, когда они выходят из-под моего влияния!» Тем не менее, Ицхак никогда не забывал, что именно благодаря его усилиям эта счастливая еврейская семья появилась на свете.

Что же касается отношений между Ицхаком и моим папой, то они были своеобразными. Однажды, когда я уже уехал в Израиль, папа встретил Ицхака в городе. Ицхак спросил папу: «Где ваш сын? Что он делает?» (Замечу, что с Ицхаком я общался регулярно, когда он приезжал в Израиль. Поэтому его вопрос выглядел чисто риторическим). Папа ответил: «Он в *йешиве*». Ицхак воскликнул: «Но ведь это же неперспективно!» (sic!)

Папа возразил: «Я думаю, что это — самое перспективное, что есть в нашем мире». Ицхак, посрамлённый, ушёл восвояси. Молодец, папа, ответил, как полагается!

ГЛАВА 9. ГЛАВНЫЙ РАВВИН, СИНАГОГА И ДРУГИЕ ГЕРОИ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

Незадолго до того, как я впервые попал в *Бейт-мидраш*, я познакомился в синагоге с р. Натаном Б. — будущим главным раввином Латвии (на латышском языке этот титул звучит как «вирсрабиинс» — буквально «верховный раввин»; калька с немецкого «Oberrabiner»). Тогда он ещё не жил в Риге, а периодически наезжал из Израиля. Но уже тогда он снимал квартиру в городе.

В субботу вечером я проводил его из синагоги до дома. А на следующей неделе он пригласил меня к себе в гости и, прощаясь, дал мне с собой даже какую-то кильку или селёдку, потому что я сказал ему, что соблюдаю *кашрут* (религиозные законы, связанные с питанием), но своей *кашерной* посуды у меня тогда ещё не было.

Всё моё существо тогда занимала одна цель: сделать *брит-милу* (обрезание крайней плоти, одна из важнейших заповедей для евреев). Я обратился к рабби Натану с просьбой помочь мне выполнить эту *мицву* (заповедь). Он написал для меня письмо к раву Берлу Лазару и велел ехать к нему в Москву. Письмо было написано на иврите настоящим раввинским почерком, к тому же на прекрасной бумаге. Жаль, что я его не сохранил, а от-

дал равву Лазару.

А через несколько дней Провидение привело меня впервые в *Бейт-мидраш*. Подумать только, события развивались чудесным образом, почти как описано в *Мегилат Эстер*¹! Благоприятнейшее впечатление, которое на меня произвёл Йеуда, определило мой выбор между ним и рабби Натаном. Хотя и рабби Натан был очень тёпл и мил, тем не менее, я почувствовал в нём что-то для себя не совсем подходящее. Может, мне почудилась в нем какая-то авторитарность. К тому же я подумал, что в плане учёбы он не сможет мне предложить ничего конкретного. Не последним фактором моего выбора стало и то, что у меня успело сформироваться негативное отношение к Хабаду (одному из хасидских направлений в иудаизме). Это произошло после знакомства с несколькими молодыми хабадниками: они ещё очень мало знали в Торе, но уже вели себя как «пуп земли» и, как мне показалось, весьма по-хамски. Следует, однако, заметить, что, если бы я тогда встретил в *Бейт-мидраше* не Йеуду, а Ицхака, — я уверен, что в тот момент он вызвал бы во мне резкую антипатию, и, скорее всего, события развивались бы совсем иначе.

Я приехал в Москву в синагогу в Марьиной Роще. По всей видимости, рабби Лазар не смог предложить мне брит-милу «не отходя от кассы» (как говорят американцы, «on the spot»), и поэтому события развернулись следующим образом. Я позвонил своим московским зна-

¹ Свиток (книга) Эстер — одна из книг Священного Писания. В ней описана история чудесного спасения еврейского народа в период правления персидского царя Ахашвероша (Артахсеркса).

комым, и они затащили меня в *миснагедскую*¹ йешиву в пригороде Москвы. Туда как раз на днях должен был приехать *моэль* (специалист по выполнению обрезания). В такой ситуации я решил, что Всевышний сделал выбор за меня: через несколько дней в той *йешиве* мне сделали *брит-милу*, и я остался там примерно на месяц. Всё это происходило в зимние каникулы последнего курса училища. И я, хотя и с опозданием, но всё же решил возвращаться в родной город: во-первых, семестр уже начался, а во-вторых, выбор между подмосковной йешивой, Йеудиным *Бейт-мидрашем* и рабби Натаном я уже сделал. Возможно, после *брит-милы* мои мозги стали работать более чётко.

Несмотря на настойчивую агитацию остаться в подмосковной *йешиве*, я предпочел ей наш рижский *Бейт-мидраш*. Этот выбор я сделал потому, что уже успел побывать в *Бейт-мидраше*, и Йеуда произвел на меня самое замечательное впечатление. Культура общения, интеллигентная атмосфера, прекрасный и с индивидуальным подходом организованный учебный процесс — в *Бейт-мидраше* всё это было на несравненно более высоком уровне, чем в той *йешиве*. Вдобавок у меня создалось ощущение, что в *Бейт-мидраше* занимаются Торой во имя Небес; а в подмосковной йешиве такого чувства у меня не возникало. Немаловажным для меня было также то, что некоторые ученики *йешивы* без стеснения рассказывали о своих похождениях, которых не прекратили

¹ Миснагеды (от «миснагдим», «митнагдим» — иврит) — оппоненты хасидизма и в особенности его хабадского направления.

даже после того, как попали в это святое учебное заведение. И я решил, что это место духовно нечисто.

Ближе познакомиться с рабби Натаном мне позволила следующая ситуация. Мой брат был одним из первых молодёжных еврейских активистов Риги на заре «перестройки», в начальный период возрождения еврейской культуры. Он организовал первый на территории Советского Союза религиозный детский летний лагерь «Бней Акива». В этот лагерь приехал знакомый моего брата, его ровесник по имени Саша — сын доброй, отзывчивой еврейки и отца-гоя. Саша незадолго до того посетил Израиль в туристической поездке, которыми щедро угощали тогда тех, кто «тусовался» вокруг возрождающихся еврейских институций. В одной из экскурсий их повезли к хабадникам, что перевернуло душу Саши, и он сразу стал религиозным. Позднее, когда Саша был в *шлихуте* в Риге, мне рассказали, что Миша Р., с которым мы вместе «тусовались» в еврейской компании, сформированной на базе Общества еврейской культуры, поступил в Америке в хабадскую *йешиву*. Проблема заключалась в том, что его бабушка со стороны мамы была нееврейкой, а Миша — обладатель трех четвертей «еврейской крови» — считал себя чистокровным евреем, хотя по еврейскому Закону таковым не являлся. Я обратился к Саше с этой проблемой, но он отреагировал довольно безразлично. «Тебе никто не поверит. Нужны два свидетеля. А впрочем, нет: нужны три свидетеля. У тебя их нет», — сказал он. Я был неприятно удивлён такой реакцией, собрался с духом и пошел к рабби Натану. Он очень серьезно изучил моё письмо (я изложил всё это на бумаге) и обещал разобраться. Чем это дело закончилось —

не имею понятия.

К чести рабби Натана должен сказать: я ещё не раз убеждался в том, что подобные вопросы его очень беспокоили. Например, когда я ему сообщил, что на еврейском кладбище собираются хоронить нееврея (отец умершего был евреем, а мать — нееврейкой; в паспорте, однако, стояла запись «еврей»), р. Натан был до глубины души встревожен. Однако предотвратить захоронение нееврея на еврейском кладбище он не смог, потому что реальной властью не обладал.

К моему сожалению, и сегодня продолжают хоронить неевреев на еврейском кладбище. Так, несколько лет назад там похоронили русскую жену моего двоюродного дяди. И о факте её смерти, и о месте захоронения я узнал примерно через год после свершившегося.

Мой выбор в пользу *Бейт-мидраша* постоянно укреплялся, когда в *Бейт-мидраше* муссировалась тема Хабада. Однако я думаю, что Ицхак не был фанатичным противником этого движения. А тот факт, что нас он настраивал против Хабада, имел причины не столько идеологического, сколько политического характера: как мы знали, он очень боялся конкуренции — в частности, того, что у него переманят учеников. Но и руководители синагоги не оставались в долгу: до нас доносились слухи, что нами «пугают» там всех новых людей, которые туда приходят.

Большой зал Рижской синагоги (2015 г., после капитального ремонта)

В один прекрасный день рабби Натан позвонил Ицхаку: «У вас есть проблема с *дерех эрец*¹. В городе уже несколько месяцев есть раввин, а вы себя ведёте, как будто ничего не происходит». Ицхак пересказал нам этот разговор, иронически посмеиваясь: «Это у кого проблема с *дерех эрец*-то?» Поскольку первым постоянным еврейским ортодоксальным эмиссаром в Риге был Ицхак, он, по всей видимости, полагал, что идти к нему «на поклон» должен р. Натан, а не наоборот.

¹ Ивритская идиома; в данном контексте — культура поведения.

Ицхак с Йеудой, приехав в Ригу, сделали кашерной синагогальную микву (бассейн для ритуальных омовений). Артур Ш. рассказывал мне, как они зимой на взморье клали на санки лёд, а потом привозили его в город — этот лёд и стал источником для резервуара миквы. По рассказам Йеуды, когда миква была уже готова, в Ригу специально приехал *рош-йешива* рабби К. и засвидетельствовал её кашерность. Но интерьер они не перестраивали: на кашерность миквы он ведь никак не влияет. Когда же приехал рабби Натан, — после того, как он укрепился на своём посту, — он без предупреждения и согласования с нами затеял в микве капитальный ремонт. Это произошло вскоре после описанного выше разговора о *дерех-эреи*. На претензии Ицхака и Йеуды он заявил, что в микве якобы была течь, делающая её некашерной. Йеуда, как обычно, внешне сохранял самообладание, но я чувствовал, как он бесится внутри: ведь теперь — по меньшей мере, на период капитального ремонта — его жене придётся раз в месяц летать в Москву или окунаться в море (что зимой невозможно)!

В результате этого ремонта религиозные евреи получили роскошную микву, с зеркалами и прочей ерундой. Но теперь пришёл черёд Ицхака с Йеудой сомневаться в её кашерности.

Кстати, посетив Ригу в 2015 году, я обнаружил, что в этой микве демонтированы душевые. Так что, уважаемый посетитель, предварительно помойся дома, а плату за окунание в любой день недели — 2 евро (приблизительно 8 шекелей), непременно не забудь внести! Для сравнения: в Израиле за посещение мужской миквы в будний день (включая и душ) — платят 2 шекеля,

а в канун субботы и праздников — 5 шекелей. Получается, что уровень жизни в Израиле ниже примерно в четыре раза; хотя, по официальным данным, он в Израиле не ниже, а выше — причем раз в семь! Так где же правда? Разве что высокая цена связана с необходимостью собрать деньги на содержание миквы, так как в Риге микву мало кто посещает.

А как быть тому, у кого дома нет горячей воды — вот так и окунаться, претворяя в жизнь антисемитские анекдоты про «грязных евреев»? В этой связи мне вспомнился местный анекдот: *«Жиидс излээя мээслус аараа па-луогу ун-тэйца: «Пиэ-мумс нэ-таа-каа пиэ-цйтэм жиидыэм!»* В переводе на русский этот анекдот выглядит примерно так: «Жид вылил помой из окна своего дома на тротуар, воскликнув при этом: «У нас дома не так, как у других жидов!»». Имеется в виду, что другие евреи выливают помой прямо посреди своего салона...

Синагогу, однако, мы игнорировали ещё задолго до того, как р. Натан приехал в наши края на «постоянку», а точнее — возвратился после того, как репатриировался в Израиль в глухие советские времена. Рабби Натан договорился с нашей синагогальной «двадцаткой» («двадцатка» — кворум, необходимый, по советским законам, для регистрации религиозной общины), которая и назначила его главным раввином. Никак не могу сдержаться, чтобы не спросить: кто же были те «неглавные» раввины, над которыми он якобы главенствовал? Уж не Ицхак ли?..

Причиной такого отношения к синагоге с нашей стороны было то, что старики, которые ходили туда мо-

литься, практически никаких еврейских традиций не соблюдали. Почему они ходили в синагогу — не имею понятия. Не знаю даже, верили ли они во Всевышнего. В общем, *миньян* (кворум из десяти соблюдающих заповеди евреев, необходимый, согласно еврейскому Закону, для проведения общественной молитвы) был «некашерный».

Однако отсутствие возможности молиться в *миньяне* огорчало нас. Ицхак решил организовать *миньян* у нас в *Бейт-мидраше*, а нескольких человек, которых не хватало, он предложил мне сагитировать в синагоге — из среды тех старичков, которые покажутся хотя бы минимально религиозными.

Я пошёл в синагогу на *Шахарит* (утренняя молитва), а после молитвы подошёл к одному из старичков, который мне больше всех понравился. Получив от него принципиальное согласие, я уже направился было к следующей «жертве». Но р. Натан смекнул, что происходит, и издали, на всю синагогу, закричал на меня: «Что ты делаешь?» и с гневным видом быстро пошёл в мою сторону. «Прежде, чем создавать новое, нельзя разрушать старое!» — сказал он. Я был посрамлён и смущён. Пришлось дать «отбой». Рабби Натан очень болезненно воспринимал то, что мы не ходили в синагогу.

Вообще, р. Натан иногда любил подшутить, но обладал специфическим, на мой взгляд, чувством юмора. Так, однажды в *йом-тов* (еврейский праздник) я положил молитвенник в кожаную сумку, из которой накануне праздника вынул всё содержимое. Еврейский Закон разрешает переносить в *йом-тов*, в отличие от субботы, необходимые для использования в сам праздник предметы. С сумкой я пошёл в синагогу на утреннюю молит-

ву, и у входа столкнулся с р. Натаном, который вместо приветствия лукаво сверкнул глазами: «Что, были на базаре?» Ошарашенный, я только потом понял, что так он подшутил над моей сумкой.

Шуточки — шуточками, но и Ицхак был «нашим человеком» и тоже умел шутить «по-нашенски», хотя и делал это более изящно. Так, р. Натан однажды был поставлен Ицхаком на место: «Вы раввин не города, а деревни!» — сказал Ицхак р. Натану, а потом многократно пересказывал нам, хихикая, эту реплику. Ицхак имел в виду, что *Мишна* в разделе «*Мегила*» говорит, что населенный пункт, в котором нет десяти «*батлан*» (евреев, в течение целого дня пребывающих в синагоге), — имеет статус деревни, а не города. Так Ицхак намекнул, что р. Натан не смог позаботиться о том, чтобы в Риге в то время нашёлся хотя бы десяток евреев, постоянно изучающих Тору. Ицхак, в свою очередь, обеспечил некоторое число таких «*батлан*», тем не менее, их количество было меньше требуемого примерно вдвое.

А вот ещё один рассказ о шуточках р. Натана. Милейший еврейский мальчик Гершон П., который посещал *Бейт-мидраш* нерегулярно, стал, тем не менее, фанатично религиозным. В семье его за это постоянно третировали. Но мало кто догадывался, что он по натуре — интриган. (Мой папа однажды сказал: «Если хотите загубить какое-то начинание, пригласите Герсона!») Гершон любил нам докладывать о всевозможных слухах, которые якобы распространяют в синагоге и в других местах об Ицхаке и его *Бейт-мидраше*. Гершон рассказал, что когда он пошёл в синагогу, чтобы окупить свою посуду в *микву*, р. Натан спросил его: «Что

ты кушаешь? Тебе ведь нечего кушать! Если станешь хабадником, то у тебя будет всё, в том числе и кашерное мясо!» Наверное, р. Натан беспокоился о растущем организме Герсона; ведь мясо мы ели только раз в год — на Песах. Тогда, среди прочей еды, нам присылали из Америки также и кашерную колбасу. Кашерных кур и колбасу, которые можно было купить у р. Натана, мы тогда принципиально не ели — «хабадское» мясо ведь...

Через некоторое время, уже после отъезда Йеуды в Израиль, отношения между Ицхаком и р. Натаном несколько потеплели. Тема Хабада в *Бейт-мидраше* уже не подымалась. Ицхак стал покупать у р. Натана кашерную колбасу.

Однажды Йеуда, уже живший в Израиле, приехал в Ригу в *илихут*. И тогда Ицхак с шаловливым выражением лица вынес нам кассеты с уроками по «Тании» («Тания» — основная книга по мировоззрению Хабада, её автор — рав Шнеур-Залман из Ляд). Ицхак вставил одну из них в магнитофон и включил его, — возможно, проверяя нашу реакцию. Он сиял. Йеуда с негодованием потребовал выключить магнитофон. Ицхак, улыбаясь, подчинился.

Ицхак уже не говорил о р. Натане с издёвкой, а примерно так: «Я понимаю, что рав Натан хотел бы прийти сюда преподавать „Танию“, и я, в принципе, не имею ничего против, но ведь у нас разные *шитот* (в данном контексте: мировоззренческий подход), и потому это невозможно».

Один раз Ицхак высказался о р. Натане с плохо скрываемым восхищением. Это было тогда, когда к р.

Натану приехал пожилой *шохет* и *менакер*¹. Этот *шохет* рассказал Ицхаку, что р. Натан встает очень рано — задолго до *амуд нашахар*² и изучает Тору. «Так что не всё так просто!» — сказал Ицхак.

Ицхак всегда проводил различие между Хабадом как философской системой и частью Торы (перед которой в душе преклонялся), и современными хабадниками. Некоторых из них он считал духовно деградировавшими из-за неспособности адаптировать в своих душах тот высокий духовный свет, который несёт в себе учение Хабада. Подобное отношение находило выражение в таких его высказываниях: «Хабадник — значит, врёт», или «В наше время появились „кашерные формы“ различных деструктивных явлений, в том числе современный Хабад: в его рамках ты можешь, не изучая Тору, оставаться якобы „кашерным“ евреем». Кстати, Ицхак и себя, и Гершона П. иногда в шутку называл «хабадниками». Так, однажды он сказал Гершону: «У нас в *Бейт-мидраше* есть только два хабадника — ты и я!» Среди всех нас Гершон, наверное, был самым рьяным антихабадником. Ицхак же имел в виду то, что они оба отлынивали от изучения Торы.

Примерно через полгода после назначения рабби Натана до нас донёлся слух, что вскоре в наш город

¹ *Шохет* — резник, специалист по еврейскому ритуальному забою скота; *менакер* — специалист по извлечению запрещенных в пищу частей животного.

² *Амуд нашахар* — первый столб дневного света, за 72 минуты перед восходом солнца.

приедет большой хабадский *талмид-хахам* (знаток Торы) — рав Мордехай Г. В первую же субботу после его приезда я как раз был в синагоге. Рабби Натан и все присутствовавшие очень тепло приветствовали р. Мордехая. Он мне понравился — приятный, спокойный такой. Не в пример р. Натану, к которому я иногда даже боялся подойти, опасаясь его вспыльчивости. Я предполагал, что, быстро переметнувшись в *Бейт-мидраш*, я, по сути, его «предал»; ведь первым, к кому я обратился в городе по религиозным вопросам, был именно он. Мне казалось, что р. Натан был на меня в обиде, и подсознательно я чувствовал вину перед ним. Но мы принадлежали к разным поколениям: он был из поколения моих бабушек — единственный из настоящих местных довоенных религиозных евреев, которых мне удалось увидеть! Но у этого аспекта была и обратная сторона: принадлежность к разным поколениям способствовала возникновению у меня ощущения, что р. Натан не способен меня понять.

Долгое время у меня сохранялось впечатление, что р. Мордехай приехал в качестве помощника р. Натана. Надо отметить, что имидж большого *талмид-хахама* так и закрепился поначалу в моём сознании, и я думал, что р. Мордехай гораздо больший *талмид-хахам*, чем р. Натан. Ицхак и Йеуда, понятно, их обоих в наших глазах отнюдь не возвышали. Несмотря на это, как гром среди ясного неба прозвучало для меня сообщение Ицхака, произнесенное им с довольным видом, что р. Натан с р. Мордехаем между собой «поцапались». Я не поверил — настолько это выглядело дико и нереально в моих глазах. «Очередная ицхакова сплетня», — подумал я. Всё же из любопытства я спросил Ицхака, на какой же

почве они рассорились. «Из-за денег, понятное дело», — поглаживая бороду, ответил он. Подобный ответ ещё более усилил моё недоверие к его словам. Однако впоследствии мне, к сожалению, пришлось удостовериться, что разрыв между р. Натаном и р. Мордехаем на самом деле произошёл, причем серьёзный.

Когда р. Натан умер, возник вопрос о новом главном раввине Риги. По еврейскому Закону, в определённых случаях пост от отца переходит к сыну, но в данном случае кандидатуру сына р. Натана — р. Менахема — отмели сходу. В конце концов, порешили, что будет два главных раввина — р. Мордехай и р. Арье Б., в прошлом помощник и заместитель р. Натана. Согласно уставу религиозной общины предполагалось, что они должны быть подчинены «двадцатке». Реб Арье не смог выдержать такого беззакония, когда раввинами руководит нерелигиозная «двадцатка», и благополучно уехал в Израиль, оставив р. Мордехая главенствовать одного — единолично и безраздельно.

ГЛАВА 10. «ХОРОШИЕ ЕВРЕИ», ИЛИ ИНАРА, ГОСПОЖА МАМЕДОВА И ЩЕДРЫЙ АМЕРИКАНЕЦ

В один прекрасный день Ицхак сообщил нам, что фамилия «секретарши» синагоги Нины Михайловны — Мамедова. «Но с еврейством у неё всё в порядке», — добавил он. Я же никак не мог сообразить, каким образом Нина Михайловна Мамедова может быть еврейкой. К тому же внешне она походила скорее на татарку.

И вдруг я вспомнил, что, когда в детстве ходил в синагогу за мацой с сестрой бабушки, Хаей-Сорой Лейбовной, она обратилась там к какой-то женщине на идише. Женщина ответила по-русски: «Что?!», так удивившись, будто к ней обратились по-китайски. Сестра бабушки потом удивлялась: «В синагоге разговаривают по-русски, а не на идиш?!» Тут я вспомнил: это был голос Нины Михайловны!

После моего отъезда в Израиль по поводу Нины Михайловны в синагоге разгорелся скандал: р. Мордехай утверждал, что она гойка, а р. Натан — что она прошла гиюр у раввина рижской синагоги советского периода, реб Гершона.

Уже после смерти Ицхака его вдова Хана рассказала мне об одном из гиуров, проведенном рабби Гершонам. Это был гиюр латышки Инары, жены Артура У, ко-

торый стал первым *баал-тишувой* Риги в последние годы брежневской стагнации. По рассказам Ицхака, этот *баал-тишув* женился на Инаре с его одобрения. Когда Артур обратился к Ицхаку (тогда — Владимиру Петровичу) за советом: «Стоит ли на ней жениться?», Ицхак посмотрел, как Инара моет пол, и, выражаясь его же словами, «по её заднице определил: „Будет хорошая еврейка!“», и сказал Артуру: «Женись!» Кстати, в Израиле Ицхак не прекращал контакты с Артуром и Инарой, хотя, как обычно, за глаза высказывал мне, что он о них думает на самом деле. Об Артуре он говорил: «Он прикован к инариным сиськам». А об Инаре: «Ленивая лабзда (это оскорбительная кличка, которой некоторые русские между собой называли латышей); будучи наркологом по специальности, она не стала подтверждать свой диплом в Израиле. По утрам она встаёт, отправляет детей в школу и детсад, потом курит, пьёт кофе и опять ложится спать».

Инара прошла гиюр у рабби Гершона, вышла замуж за Артура, у них родились дети. Но, согласно рассказу Ханы со слов Инары, когда семья приехала в Израиль, в раввинате у неё спросили: «Сколько человек присутствовало при твоём гиюре?» Инара ответила: «Только реб Гершон». «Тогда, — сказали ей бородатые раввины, — ты и твои дети должны „окунуться“ (то есть пройти гиюр) заново». По еврейскому закону, при гиюре обязательно должны присутствовать трое, а не один или два раввина. В противном случае гиюр считается недействительным.

«Значит, — заключил я, — даже если и правда то, что Нина Михайловна прошла гиюр у реб Гершона, этот гиюр не стоит и выеденного яйца».

Малый зал Рижской синагоги (2015 г., после капитального ремонта)

Интересна история, как она пришла в синагогу. Нина Михайловна рассказала моему другу Рахмиэлю Н., что когда-то она влюбилась в еврея. Родители этого её возлюбленного, по её словам, были категорически против их возможного брака. И она, чтобы доказать им, что она «не лыком шита», «ударилась в синагогу». С той же целью самоутверждения она в своё время защитила кандидатскую диссертацию на тему «Колхозное хозяйство».

Ещё о Нине Михайловне. В 1990 году, сразу же после летнего лагеря «Бней Акива», который организовал мой брат, я попал на семинар «Бней Тора». Оба мероприятия проходили на латвийских курортах, но на се-

минаре было изобилие кашерной еды, чего никак не могу сказать про скудное питание в лагере «Бней Акивы». Однажды я повёз молодого русскоязычного преподавателя семинара Элишу Г. в город, в синагогу. Нина Михаловна попросила у него привезти с семинара *кашерное* мясо. Он ответил в том духе, что постарается. Понятно, мяса никакого она не увидела. Но позднее Нина Михайловна, когда я приводил в синагогу новых «экскурсантов», не раз напоминала, как её «обманул молодой человек».

Через несколько лет я встретил Элишу в Израиле и напомнил ему про историю с мясом. Он сказал, что на чисто ничего такого не помнит. Я ему поверил, потому что не вспомнил он и меня. А вообще-то, всё к лучшему: ведь зачем *гойке* кашерное мясо-то?

Был период, — в году примерно 1993-м, — когда я ходил в синагогу утром на молитву каждый день. Дело было летом, и *Бейт-мидраш* по утрам был закрыт. После молитвы я оставался в синагоге, чтобы поучить Тору. Несколько раз рабби Натан предлагал мне позавтракать, но я вежливо отказывался. Как выяснилось позднее, не зря — *бишулей нохрим*¹ Нины Михайловны всё-таки.

Я замечал, что в синагогу приходит и молится в *тфиллине* человек нееврейской внешности, разговаривающий со старичками только на латышском, причём с сильным английским акцентом. Я подумал: «Что за диковинка такая, прозелит, что ли?» Познакомился же я

¹ «*Бишулей нохрим*» (иврит) — пища, приготовленная неевреем, и в связи с этим запрещенная еврейским Законом для евреев.

с ним в праздник *Суккот*.

Обычно на *Суккот* мы строили *сукку* (специальный шалаш, который сооружают перед осенними праздниками, и в котором евреи обязаны совершать трапезы на протяжении праздника) во дворе у Нелли Т. Она с мужем и детьми гостеприимно принимала нас на первые два дня праздника у себя дома.

Нелли была деятельной активисткой еврейского движения. По натуре очень приятная и общительная, она бесплатно проводила уроки иудаизма для женщин и всячески помогала Ицхаку в работе с ними. Одно время она фактически выступала в роли «*раббанит*». (*Раббанит*, или на идише «*ребецн*», — жена раввина, которая обычно проводит просветительскую и благотворительную работу среди женщин своей общины). Но малая активность её мужа в работе *Бейт-мидраша* наводила меня на предположение, что на самом деле он не является религиозным, а просто исполняет причуды своей жены. Я отгонял от себя эти мысли, но, к сожалению, через несколько лет выяснилось, что они имели основания. Сын Нелли, которого Ицхак послал, вместе с ещё одним еврейским мальчиком, в *йешиву* в Америку, спустя некоторое время вернулся и бросил исполнение заповедей, загулял с *гоухой*. Нелли тоже прекратила соблюдать религиозные правила жизни. Однажды она намеревалась передать что-то Ицхаку. Проезжая мимо *Бейт-мидраша* на машине, она попросила Ицхака спуститься вниз, так как *Бейт-мидраш* находился на последнем этаже. Ицхак сказал ей: «Ну, так сама подымись наверх!» Она ответила: «Я в шортах, и твоим ребятам нельзя смотреть на мой неприличный вид». «Моим ребятам нельзя, а мне можно?!» — негодовал Ицхак.

*Сукка, которую построили ученики Бейт-мидраша
в Задвинье*

Как бы там ни было, в тот праздник возможности построить *сукку* во дворе у Нелли уже не было. В *Суккот* вечером я помолился дома, взял с собой две собственноручно испеченных булочки, кусок жареной рыбы и винегрет, и пошёл кушать в *сукку*, которая стояла во дворе синагоги. Ходить по вечернему городу не очень-то приятно и даже небезопасно, но другого выхода не было. Ицхак в тот раз вообще проигнорировал заповедь кушать в *сукке* в первую ночь *Суккот*. Пойти в синагогу не позволила ему гордость. А жаль, ведь идти по ночному городу вдвоём мне бы было гораздо приятнее!

Я пришел в *сукку*, а там сидел р. Натан и тот американский господин, которого я видел по утрам молящимся. Рабби Натан предложил мне присоединиться к их трапезе. Когда он просил в такой форме, без характерной для него напористости, — я не мог отказать. Я пошёл омыwać руки. Вернувшись, я не застал рабби Натана, он отлучился куда-то. Я произнёс благословение на хлеб, и мы с американским господином начали беседовать по-английски. Но потом вдруг сообразили, что мне не надо ломать свой язык, ибо мы можем спокойно разговаривать на латышском.

Возвратился рабби Натан. Мы очень мило покушали, беседуя втроём по-латышски. Р. Натан говорил на этом языке не блестяще, с еврейским акцентом и несколько по-довоенному старомодно, что, впрочем, некоторым даже нравилось. Ицхак ехидно замечал по этому поводу: «Евреи постоянно мне говорят: „Когда рабби Натан уже перестанет выступать по телевизору на своем корявом языке? Нам стыдно его слушать!“». Не думаю, что Ицхак владел этим языком намного лучше, чем р. Натан; к то-

му же Ицхак не мог скрыть свой русский акцент, в то время как рабби Натану ничего не надо было скрывать — от его еврейского акцента исходил аромат доверенной независимости. Помню, что основной темой разговора был Раши, который написал, что все языки мира произошли от иврита.

К слову, я однажды был свидетелем того, как р. Натан писал по-русски — практически в каждом слове он делал орфографические ошибки. Это, однако, не помешало ему написать книгу рассказов на русском языке.

После праздника я спросил р. Натана: «Этот господин — *гер?*» «Да, да», — уверенно ответил р. Натан. Я не унимался: «А где он проходил *гиюр?*». «Не знаю», — как будто отмахиваясь от мухи, ответил р. Натан. Я почувствовал, что имею дело с не очень серьёзным человеком. Впоследствии я узнал, что американским господином был адвокат и бизнесмен Александр В., впоследствии он создал «Фонд еврейской взаимопомощи». Насколько мне известно, никакого гиюра он не проходил, но утверждал, что его мама была еврейкой, удочерённой местной семьёй. По моим сведениям, когда у прихожан синагоги возник вопрос о его происхождении, никаких серьёзных доказательств своего еврейства он рабби Натану не предъявлял.

ГЛАВА 11. ТАК ВСЁ ЖЁ: БЛАГОДЕТЕЛЬ ИЛИ ТИРАН?

Как я уже писал, у *Бейт-мидраша* была большая проблема с набором учащихся. На объявления откликлось очень мало евреев. Те немногие, которые «клевали» на объявления, «покупались» на иврит — это были, как правило, евреи, которые готовились к отъезду в Израиль. Бесплатные индивидуальные уроки иврита на высоком уровне — это в точности то, что их интересовало. Однако, в качестве обязательной нагрузки им предлагали также и индивидуальные занятия по религии; каждому — что-то своё, в зависимости от того, что решал Ицхак. Как правило, эти люди с приближением отъезда в Израиль благополучно исчезали из *Бейт-мидраша*, так и не став религиозными.

Другая категория — те, которые «клевали» на стипендию. Как правило, это были евреи, жившие в очень стеснённых материальных обстоятельствах. Например, семья Й., вся целиком в течение нескольких лет стала религиозной. Мать, хотя и имела высшее образование, нигде не работала. Отец не имел высшего образования и в советское время работал на заводе; но у него была способность к изучению языков, и он, не имея диплома, давал частные уроки английского. Учеников, однако, было мало. После развала Советского Союза многие заводы

закрылись, и он остался без работы. Денег на существование этой семье катастрофически не хватало.

В семье было два сына. Младший, Давид, считался «уличным шалопаем», что для рижских евреев нехарактерно. Старший, Гриша, смазливый молодой человек, какое-то время работал продавцом в мясном магазине. До прихода в *Бейт-мидраш* они посещали какие-то баптистские собрания. Но мама привела и сыновей, и своего мужа в *Бейт-мидраш*, то есть, по сути, именно она стала инициатором этого святого начинания.

Несмотря на то, что с Ицхаком братья постоянно конфликтовали, через некоторое время они оба стали религиозными. В своих конфликтах с Ицхаком они нередко пытались использовать меня в качестве «буфера», и в какой-то степени им это удавалось. А через несколько лет стали в той или иной степени религиозными и их родители.

Семья жила в страшной бедности. Как мне рассказала Нелли, побывавшая там, у них дома была ужасающая грязь, по квартире ходили крупные тараканы, дети спали без постельного белья. Ицхак решил за свои деньги сделать в их квартире ремонт. Несколько мастеров, приглашённых Ицхаком, на середине работы отказывались и уходили. Как рассказал мне Ицхак, один из них не выдержал, когда наткнулся на обнаруженное в залежах запачканное нижнее бельё. Наконец Ицхаку удалось уговорить пожилого порядочного мастера-латыша, который и завершил ремонт. С моей точки зрения, это был невысказанный, фантастический *хесед* (акт милосердия), который семья в полной мере так и не оценила. Вероятно, они подумали, что Ицхак делал им ремонт не на свои, а на общественные деньги.

Но к чести этой семьи будет сказано, что их конфликты с Ицхаком не влияли на их религиозность. Во многих других случаях, когда люди начинали конфликтовать с Ицхаком, они параллельно прекращали и соблюдать заповеди. Вся семья Й. приехала в Израиль. Оба брата создали еврейские семьи. Когда старший вышел на *шидух* (встреча с девушкой, назначенная при посредничестве сватов) со своей будущей женой, та восторженно рассказала своей подруге: «Меня познакомили с киноактёром!» После женитьбы он стал одеваться по моде иерусалимских ультраортодоксов и потому утратил свой внешний лоск.

Братья Й. привели в *Бейт-мидраш* своего двоюродного брата по отцу — Якова К., и двух двоюродных братьев по матери — Женю и Аркадия Л. Все трое со временем тоже стали религиозными и впоследствии создали еврейские семьи.

А вообще отношения Ицхака с братьями Й. напоминали мне перманентное соревнование. Ицхак кормил учеников *Бейт-мидраша* обедами, в определённые периоды ему приходилось самому выполнять обязанности повара. Кроме того, Ицхак знал о невыносимой экономической ситуации в семье ребят и платил им небольшую стипендию. Стипендии он платил всем учащимся *Бейт-мидраша*; во-первых, почти у всех были экономические проблемы, а, во-вторых, выдача стипендии давала Ицхаку основания держать учеников «в ежовых рукавицах». Всё это он продолжал делать и тогда, когда регулярного субсидирования уже не поступало; и потому нарушения дисциплины он воспринимал очень остро — как личное оскорбление.

Братья Й. жили на другом конце города и регулярно

опаздывали в *Бейт-мидраш*. Ицхак сказал мне: «Гриша просыпается поздно и понимает, что в *Бейт-мидраш* он уже опоздал. Но к часам одиннадцати-двенадцати у него разыгрывается аппетит, а дома в рот положить нечего — и поэтому выхода нет: надо ехать в *Бейт-мидраш!*» В конце концов, Ицхаку всё это надоело. В один прекрасный полдень раздался привычный звонок в дверь. Ицхак подошёл, что-то спокойно объяснил Грише, а потом захлопнул дверь — и Гриша поехал обратно домой.

Однажды Ицхак положил на стол бананы. Через некоторое время он обнаружил, что бананы исчезли. Ицхак рассвирепел и начал расследование. Чем оно закончилось — не имею понятия.

Однажды Ицхак с Йеудой посетили квартиру семьи Й.; по всей видимости, нужно было провести очередную воспитательную беседу. В середине беседы Йеуда заметил пепельницу, которая некоторое время назад непонятным образом исчезла из *Бейт-мидраша*. Йеуда воскликнул: «Это же наша пепельница!» Отец семейства отреагировал: «Ну, а что такого: ребенок поигрался!» Йеуда схватил пепельницу, — и духу его не было в этом доме. Рассказывая об этом, Ицхак с презрением сказал: «Если бы такое произошло с моим сыном, я бы извинялся, бился бы лбом об пол, я бы не знал, куда деваться от стыда, а тут — нате вам: „Ребёнок поигрался!“!»

Всем ученикам было строжайше запрещено говорить кому-либо, сколько человек посещают наш *Бейт-мидраш*. Нередко бывало, что наши конкуренты живо интересовались этим вопросом. Ицхак и Йеуда придумали формулировку, которой следовало всякий раз от-

вечать: «Мы евреев не считаем»; намекая этой фразой, что еврейским Законом запрещено пересчитывать евреев. Такая отговорка обычно раздражала спрашивающих. Однажды такой любопытствующий, получив от меня подобный дежурный ответ, саркастически изрёк: «Это за кого вы их не считаете — за людей, что ли?» Отвечая подобным образом, мы выглядели, как зомби; — ну, в определённой степени мы таковыми и на самом деле были.

Моя мама познакомилась с женой бывшего главного детского психиатра республики Евгения Зальцмана. Это человек удивительной судьбы: ребёнком пережил гетто, потом ГУЛАГ, а когда освободился — уже взрослым человеком! — добился, чтобы ему позволили поступить в вуз. Обо всём этом можно прочесть в книжке его воспоминаний. Несломленный, не потерявший веру в людей, неизменно вызывавший к себе большое уважение и доверие со стороны коллег и пациентов, этот скромный человек достоин самого искреннего восхищения. Моя мама предложила, чтобы его сын стал посещать *Бейт-мидраш*, на что психиатр отреагировал отрицательно: «Я слышал, что там обрабатывают мозги внушением, гипнозом». Вот такие слухи ходили в городе про наш *Бейт-мидраш*.

В противовес своему авторитарному стилю в отношениях с учениками, к своим дочерям Ицхак относился куда более терпимо и щадяще. К примеру, средняя дочь Ицхака училась в старшем классе религиозной школы «литовского» направления «Бейт-Яаков» и изъявила желание перейти в хабадскую школу — не по идеологическим причинам, а потому, что там более высокий уровень преподавания светских предме-

тов. Ицхак не возражал и, несмотря на свою принципиальную антипатию к хабадникам, даже пошёл вместе с супругой, на собеседование к директору этой школы. Потом он, посмеиваясь, рассказывал, что в спорах по учебным вопросам между его старшей и средней дочерьми ученица хабадской школы неизменно выходит победительницей!

Ицхак был, безусловно, харизматичной личностью. Несмотря на то, что в Торе он был неучем (может, за всю свою жизнь он выучил лишь каких-то полторы страницы *Гемары*), и реально в *Бейт-мидраше* ничего не преподавал, само его присутствие там и отдельные реплики, порой короткие, оказывали на нас осязаемое влияние. Возникало притяжение к Ицхаку, своего рода зависимость от него. Когда он уезжал в Израиль, в моей душе возникло какое-то чувство пустоты, хотелось, чтобы он поскорее вернулся обратно. Йеуда не мог восполнить этот вакуум, хотя фактически обучением занимался именно он. Наверное, и он сам чувствовал себя неуверенно во время отсутствия Ицхака, но умел это скрывать.

Однако это только одна сторона медали. В начальный период моего обучения, когда Ицхак почти не появлялся в *Бейт-мидраше*, по поводу него не возникало никаких вопросов. Но когда он туда переехал и стал постоянно маячить перед глазами, я невольно спрашивал себя: «А он-то — что он тут делает?» Учить он вроде никого не учил, да и сам постоянно сокрушался по поводу того, что он неуч, что если бы были деньги, он бы пригласил в *Бейт-мидраш* преподавателей, и эти преподаватели прежде всего должны были бы заниматься с ним,

что Йеуда обещал с ним заниматься и не выполняет своего обещания...

У меня возникала подсознательная мысль: «А с какой стати, собственно, этот бездельник и неуч здесь командует? Вот я уже столько знаю, я по сравнению с ним уже почти *гаон* (в данном контексте — гений, обладатель энциклопедических знаний); что он мне тут будет указывать, составлять расписание и руководить?» И если этот аспект начинал превалировать над желанием подчиниться его харизме, Ицхак это чувствовал и реагировал очень болезненно.

И я «на своей шкуре» ощутил методы, которые применялись в подобных ситуациях. Как гром среди ясного неба Йеуда сообщил мне, что «за недостойное поведение мне объявляется отпуск на обдумывание». Не помню, сколько времени длилось это обдумывание, неделю или больше, но оно для меня было очень тягостным. Тогда я еще не вполне умел учиться самостоятельно, да и еврейских книг у меня дома почти не было, а жажда учить Тору была огромная. Хотя к тому времени я уже учился в светском вузе, тем не менее, я всегда видел своё основное место учёбы именно в *Бейт-мидраше*, и без него чувствовал себя как будто лишённым кислорода.

Каким же счастьем был для меня телефонный звонок Йеуды с приглашением вновь посетить *Бейт-мидраш*. Он мило объяснил, что моё «раскаяние» благосклонно принято во внимание. Я действительно чувствовал себя виноватым и раскаявшимся, но не понимал толком, за что конкретно был наказан. По-видимому, санкции последовали из-за невербально уловленных изменений в моей психологической ориентации, а формальным об-

винением, высказанным мне Йеудой, была какая-то чушь, вроде: «Ты высказывался плохо о гоях»; и возможно, ещё что-то, чего я уже не помню. Я ведь тогда не знал, что Ицхак — *гер*.

Впоследствии я узнал, что не единственный оказался жертвой подобных санкций. На некоторых они, к сожалению, действовали самым отрицательным образом: кто-то Ицхака и Йеуду стал ненавидеть, кто-то покинул *Бейт-мидраш*, а кто-то и вообще прекратил соблюдать заповеди

В другой раз я подвергся «атаке» года через два, когда собрался в поездку на лето в израильскую йешиву. В один из шабатов я был «вызван на ковёр» в кабинет Ицхака. Ицхак в присутствии Йеуды только начал «катить на меня бочку», как я встал, направившись к выходу, и сказал: «Мы с вами видимся в последний раз, и слушать ваши гадости я не желаю!» От неожиданности Ицхак моментально сник и взял свои слова обратно; его лицо из злобно-каменного превратилось в по-человечески доброе.

На этом инцидент был исчерпан, за исключением ещё одного мелкого эксцесса, который произошел примерно за неделю до моего отъезда. Йеуда, несомненно по поручению Ицхака, заявился ко мне домой с требованием возвратить тфиллин. Я подумал: ведь это можно было сделать гораздо более интеллигентно; не заявляться, а позвонить по телефону и вежливо попросить: «Мы бы тебе были очень благодарны, если бы ты смог сдать нам тфиллин», — в таком духе. Я почувствовал, как грубо забирали тфиллин у других, и захотел преподнести Ицхаку и Йеуде воспитательный урок. Я наотрез отказался возвращать тфиллин, но решил: «Отдам — по сво-

ей воле, а не по хамскому принуждению — в день отъезда». Так в итоге я и поступил.

Йеуда, не привыкший к подобным неудачам, побледнел в отчаянии и довольно долго просидел у меня дома. А я цинично предложил ему, указав на кушетку: «Можно отдохнуть, прилечь немножко...». И он ушёл во свояси.

Когда я был в Израиле, мама написала мне письмо, в котором, в частности, были следующие слова: «Ицхак сейчас в Израиле. Искал ли он тебя там? Если ты хочешь, чтобы мы передали привет Ицхаку и Йеуде, то я это могу сделать. Ицхак о тебе спрашивал до твоего письма. Он сказал, что, несмотря на последние разногласия, он тебя очень любит». Ицхак, видимо, чувствовал, что Йеуда несколько переусердствовал в своем рвении, исполняя задание отобрать у меня тфиллин, и впоследствии, после моего возвращения из Израиля, приложил немало усилий, чтобы наладить со мной отношения. Думаю, именно он попросил Йеуду извиниться передо мной. Йеуда пригласил меня в свою комнату, и я почувствовал, что он собирается попросить у меня прощения; мне стало неловко — тут я его опередил и первым извинился.

Приехав в Израиль, я благополучно купил себе тфиллин. А в Риге Ицхак мне с горечью рассказал: «У Сендера Л., когда он к нам приехал на летние каникулы, испортились тфиллин. И я ему выдал твои, оставив себе — в качестве залога — его испорченные. Когда он уезжал обратно в Америку, я не смог найти этот залог, и Сендер, не получив свои тфиллин обратно, отказался возвращать твои. Так что украли твои тфиллин!»

ГЛАВА 12. ГРАНДИОЗНЫЕ ФАНТАЗИИ И ИХ ПРЕТВОРЕНИЕ В ЖИЗНЬ

Кроме задачи привлечения евреев в *Бейт-мидраш*, которая с грехом пополам решалась при помощи объявлений и приглашения в качестве учеников родственников и знакомых, перед Ицхаком стояла также задача удержания уже существующих кадров. И когда он чувствовал, что ученик решил оставить *Бейт-мидраш* и податься в израильскую *йешиву*, Ицхак обращался к подопечному с обещанием исполнить его заветное желание — при условии, что человек останется в *Бейт-мидраше*. Причём заветные желания Ицхак, как правило, угадывал точно: кто-то мечтал о зарубежной поездке, другой — о суперзнающих преподавателях, третий — о *шидухе* (удачном сватовстве), четвёртый — о работе, а пятый — о деньгах. Ицхак старался внушить, что с его помощью заветная мечта обязательно исполнится, хотя, как я потом понял, конкретных возможностей для этого у Ицхака не было. Наверное, он твёрдо верил, что Всевышний поможет. Но когда проходили год-два с момента обещания, а человек за это время еще не вырос из уровня «*шело лишма*»¹ в уро-

¹ «Не во Имя Небес» (иврит) — благое действие, совершенное

вень «*лишма*»², у него возникало чувство горького разочарования: «Вот какой, оказывается, обманщик — Ицхак».

Показательным мне кажется случай с рабби Шломо Н., коллегой Ицхака по русскоязычной израильской *йешиве*. Как рассказывал мне Ицхак, р. Шломо вычеркнул его из списка претендентов на квартиры, которые тогда бесплатно раздавали для *аврехим* (женатых студентов) *йешивы*. Хотя Ицхак и не получил квартиру, ему, тем не менее, выдали некоторую сумму денег на её покупку. Но Ицхак решил употребить эти деньги для бизнеса, а бизнес не удался, — и эти «лёгкие» деньги оказались пущенными на ветер. В своём несчастье Ицхак, однако, винил не столько самого себя, сколько рабби Шломо, полагая, что, если бы он получил квартиру, а не деньги, то не пустился бы в авантюру с бизнесом.

Хотя внешне их отношения выглядели дружескими, Ицхак немного побаивался р. Шломо, потому что у того были возможности Ицхаку навредить. Вероятно, именно по этой причине Ицхак обещал купить р. Шломо и его детям квартиры (!) — причём в то самое время, когда семья самого Ицхака в Израиле снимала жильё. Я предполагаю, что р. Шломо поверил-таки Ицхаку на слово. В доказательство этого приведу рассказ вдовы Ицхака о том, что р. Шломо во время траура посетил её всего на несколько минут, в отличие от других соболезнующих. А ведь Ицхак и р. Шломо были друзьями! Я объяс-

не без корыстных побуждений.

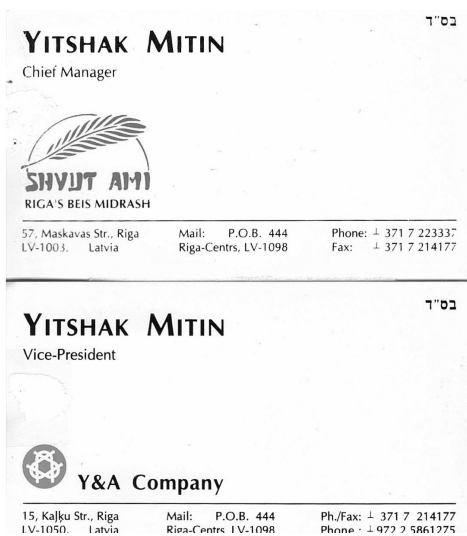
² «Во Имя Небес» (иврит) — благое действие, совершенное из абсолютно бескорыстных побуждений.

нил ей это просто: наверное, Ицхак что-то пообещал Шломо и своей смертью вызвал у того чувство горького разочарования. «Действительно, — ответила она, — Ицхак обещал купить ему и его детям квартиры». Как же такой умный человек, как р. Шломо, мог поверить подобным несбыточным, заведомо фантастическим посулам?

Ицхак пытался параллельно с *Бейт-мидрашем* заниматься также и бизнесом, но постоянно терпел на этом поприще неудачи. Одно из предприятий он затеял со своим бывшим соратником по сионистскому «подполью» — Женей О. Они организовали цех по производству париков и пригласили туда работать, среди прочих, и жену Йеуды. Но эта фирма просуществовала недолго. В один прекрасный день Ицхак с Йеудой стали громко обсуждать в Бейт-мидраше, что Женя, якобы, «оказался говном». (Впоследствии, когда я спросил Женю, по какой причине предприятие закрылось, он сказал, что по объективной причине — внезапно цены на закупку волос резко возросли. Ицхак же, вероятно, хотел в наших глазах свалить вину на Женю, чтобы не выглядеть недотёпой). Парики поделили, контору закрыли — и баста.

По рассказам Ицхака, Женя был женат на гойке, дочери еврея и нееврейки, но тем не менее он относился к Ицхаку с пиететом и впоследствии иногда жертвовал на *Бейт-мидраш* какие-то суммы.

Несмотря на неудачи в бизнесе, Ицхак продолжал считать себя крупным специалистом в деловой сфере, и твердо верил, что Всевышний в конце концов пошлёт ему удачу и богатство.

Визитные карточки Ицхака

Последним планом Ицхака, об успехе которого он мечтал, был проект постройки нового города в Латвии. Этот город Ицхак намеревался заселить религиозными евреями, которые себя неуютно чувствуют в Израиле, и обнести его колючей проволокой — так, чтобы, выражаясь его словами, «ни одна *шикса*¹ туда не проникла». Ни больше и ни меньше! Этот фантастический план Ицхак унёс с собой в могилу.

Примерно за год до того, как Йеуда женился, Ицхак организовал еврейскую школу. Помещалась она в той же комнате, где впоследствии поселился Йеуда с женой. Представляю, какого труда стоило Ицхаку до-

¹ Идиш — проститутка.

быть все необходимые лицензии! В школе было два ученика: сын Артура Ш. и ещё один мальчик, родители которого не ходили в *Бейт-мидраш*. Не знаю даже, был ли этот мальчик евреем.

Артур Ш. (он женат на еврейке) был у нас в должности завхоза и больше нигде не работал: он был одним из очень немногих в истории *Бейт-мидраша*, кому Ицхак обеспечивал полный пансион. Артур должен был попутно выполнять разные другие задания; например, договариваться об аренде помещения в одной из городских школ, где Йеуда совместно ещё с кем-то (скорее всего, это были Нелли Т. и Ривка Л.) давал уроки иудаизма для женщин.

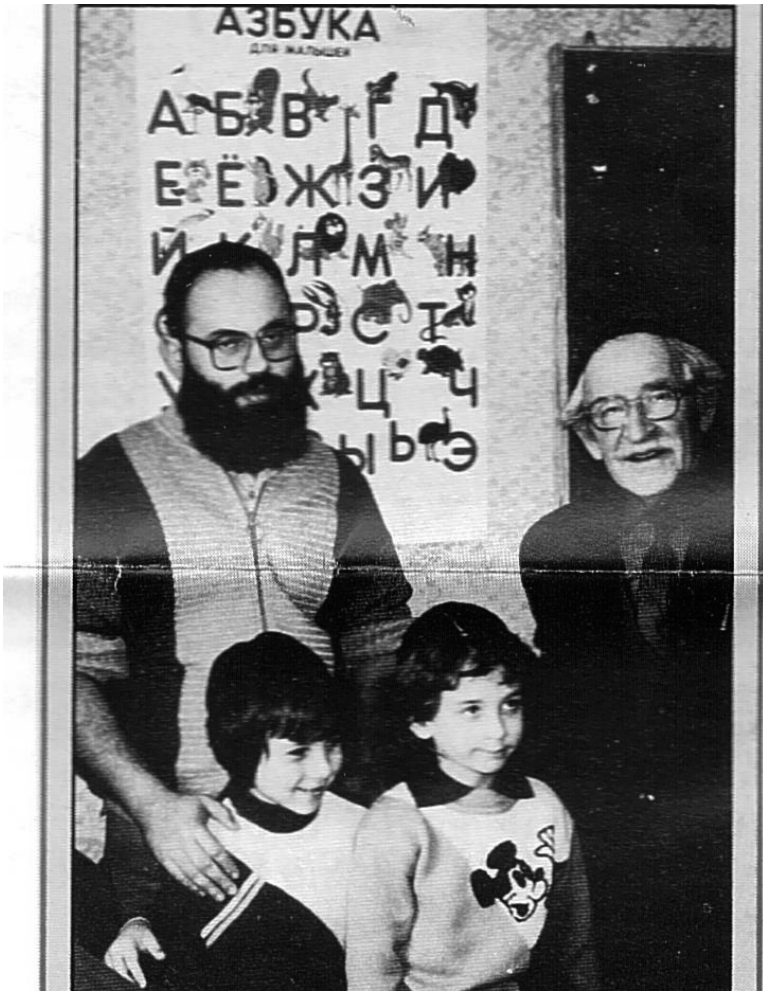
Старший сын Артура должен был пойти в первый класс, и, понятно, Артур не имел ни малейшего желания отдавать его ни в нееврейскую, ни в городскую светскую еврейскую школу. Чтобы удержать Артура от отъезда в Израиль, была реализована вся эта грандиозная идея «еврейской школы». Наняли приятного пожилого учителя — он преподавал светские предметы, а Артур — еврейские. По правде сказать, пожилой учитель был очень спокоен и миролюбив — видно, опытный педагог. Когда он уходил, Артур начинал обучение еврейским предметам. Не помню, участвовал ли в этих уроках второй мальчик, или же Артур преподавал только своему сыну. Как бы то ни было, я понял, что у Артура не хватало терпения, потому что иногда из школьной комнаты доносились очень нервные объяснения.

Ицхак чувствовал, что Артур всё же намерен уехать в Израиль, и это его очень расстраивало. Все усилия, потраченные на организацию первого класса, пойдут на смарку! В личных беседах с учащимися он неоднократно

но заявлял: «Больше никто у меня такой „санаторий“, который здесь получил Артур, не получит». После отъезда Артура в Израиль Ицхак сетовал, что он просил его хотя бы завершить обучение первоклассников — ведь оставалось всего несколько месяцев до конца учебного года! Но Артур не согласился. Очевидно, однако, и то, что перед родителями второго мальчика Артур Ицхака сильно «подставил».

Позднее Ицхак рассказывал, что Артур накупил целый чемодан новой обуви и повёз его в Израиль: в Израиле, мол, дорогая обувь, чтобы не надо было там покупать. Артур сдал его в багаж, и именно этот чемодан украли! Ицхак с довольным видом заметил: «Я ему платил свои кровные деньги, которые, по его утверждению, ему были необходимы на жизнь, а он на них, оказывается, покупал обувь. Но не тут-то было; есть Бог на свете!»

Вообще-то Артур Ш. оказался одним из первых, кого Ицхак возвратил к *тишув*е по приезде эмиссаром в Ригу. Тогда Артур был бригадиром на так называемой комсомольской стройке — молодым людям давали возможность самим построить себе жильё. Недалеко от центра города, в районе бывшего еврейского гетто, выросло огромное уродливое здание, выкрашенное в жёлтый цвет и, по моему мнению, архитектурно не вписывающееся в окружающий колорит. Рассказывают, что Ицхак приезжал к Артуру прямо на стройку, чтобы надевать ему *тфиллин*!

Преподаватели и ученики еврейского класса, организованного Ицхаком в помещении Бейт-мидраша на ул. Бривибас. (Вырезка из газеты «Швут-Ами», апрель 1993 г.)

Однажды ученики *Бейт-мидраша* провели весь праздник *Рош ха-шана* (еврейский Новый год) на квартире у Артура. В тот период мы полностью игнорировали синагогу и потому молились дома, а трубил в шофар Йеуда. В этот праздник со мной произошло нечто, раньше никогда не случавшееся: возникли сильные боли в животе, и большую часть праздника я провёл в туалете. После праздника, благо, всё прошло. Впоследствии, когда я уже жил в Израиле, я понял причину того желудочного расстройства. Ицхак мне рассказал, что жители артурова дома заметили, что они стали серьезно болеть. Позвали экстрасенсов. Те сказали, что дом построен на человеческих костях, — в этом и заключается корень проблемы. Тут вдруг все вспомнили, что в место, на котором построили этот дом, были сброшены кости евреев, уничтоженных на территории гетто! Артур, уже находясь в Израиле, рассказал Ицхаку, что во время строительных работ они действительно находили и свозили на свалку кости — да простит им Всевышний этот страшный грех! Так что не зря интуиция подсказала Артуру поскорее покинуть свою страшную «комсомольскую» квартиру.

К слову, в Израиле Артур стал преподавателем еврейских предметов в *кирувных* школах для русскоязычных детей, а его старший сын — тот самый первоклассник — несколько лет назад женился на девушке из религиозной семьи репатриантов, кажется, из Франции.

Кроме семьи Артура, в *Бейт-мидраше* была ещё одна еврейская семья — Миши И., которая не получала, однако, от Ицхака никакого пансиона. Миша, инженер-электрик, в еврейских предметах был туповат и не мог никому ничего преподавать. Артур утверждал, что Миша

чистокровный еврей, но я не понимал, откуда у него типично русская фамилия.

Интересна история *тишув* Миши и его жены. В своё время они увлеклись христианством. Каким-то чудом они встретили Ицхака. Тот моментально оценил ситуацию, тут же пригласил Мишину жену на беседу, и после разговора с Ицхаком она поменяла свою религиозную ориентацию. Миша ждал её снаружи. Когда Ицхак и Мишина жена вышли, Миша начал было что-то бормотать Ицхаку про всеобщую любовь и братство, но его жена быстро закрыла ему рот. За короткое время они оба стали стопроцентно ортодоксальными евреями. Но и здесь впоследствии не обошлось без осложнений. Поскольку Миша с женой не получали от Ицхака никакого пансиона, они работали. Жена Миши — по профессии музыкальный работник, и она устроилась на работу в городскую светскую еврейскую школу. Ицхак с презрением говорил: «Она учит *гойских* детей еврейским песням». Уже тогда было известно, что значительный процент учеников этой школы — неевреи, родившиеся от смешанных браков.

С первым директором этой школы, Хоной Б., у Ицхака, по его словам, «с первого взгляда возникло полное взаимопонимание». Я недоумевал: «Какое взаимопонимание может быть между Ицхаком и старым коммунистом Хоной?» Но теперь, спустя более чем 20 лет после описываемых событий, мне кажется, что я близок к разгадке. Ещё до знакомства с Ицхаком, на заре перестройки я слышал, как один из «главных сионистов» нашего города сетовал на то, что в еврейской школе запланировано изучать идиш и *«лошн-койдеш»* («святой язык» — иврит молитв и Торы), а не современный разговорный

иврит. Сегодня я думаю, что подобная школьная программа, скорее всего, была составлена в результате влияния Ицхака на Хону. Хона был приятным человеком и самоотверженным учителем. Но недолго он директорствовал, а идиш исключили из школьной программы уже в первые годы существования школы. А мысль о преподавании «*лошн-койдеш*», скорее всего, вообще не была претворена в жизнь, даже на короткое время.

Впоследствии Ицхак попытался привлечь Хону к религии и убедить соблюдать заповеди. Он послал Артура Ш. к Хоне на дом давать частные уроки, понятно, бесплатные. Чем это закончилось, не знаю, но помню, что Артур, сам мигрант из Украины, как о диковинке рассказывал о том, что Хона делает записи в своей телефонной книжке не по-русски, а на латышском языке. Услышав такое, и я стал следовать примеру Хоны!

Уже в Израиле, когда я с семьёй переехал в новостройку в религиозный город, у нас в квартире сначала были проблемы с электричеством. К нам домой должен был прийти электрик из компании, построившей дом. Я открыл дверь и не поверил своим глазам: на пороге стоял Миша. Оказалось, что он живёт в этом городе уже много лет, а свою русскую фамилию сменил на еврейскую.

В этом городе я учился в новом для себя *колеле*, и оказалось, что среди студентов есть и несколько молодых русскоязычных парней. Однажды израильский *аврех* спросил одного из них, говорили ли у него в семье на идише. Парень ответил, что нет, потому что разговаривать на идише в Советском Союзе было, мол, запрещено и опасно. Я спросил этого парня, из какого города он приехал. Он назвал Ригу! Я взорвался:

«В моём родном городе евреи никогда не стеснялись и не боялись говорить на идише! Более того, летом в Юрмале еврейская речь иногда затмевала нееврейские языки, что поражало москвичей и других приезжих евреев!» Я взорвался потому, что такого унижения в адрес евреев моего родного города я не смог стерпеть. Парень был неприятно смущён. И тут я обратил внимание на то, что он носит такую же фамилию, как в данный момент Миша, и внешне тоже его напоминает. На следующий день я его спросил: «Ты случайно не родственник ли Миши?» Тот с неприязненным выражением лица выпалил: «Какое это имеет к тебе отношение?» Но мне подобной реакции было достаточно — это был исчерпывающий ответ на мой вопрос. Йеуда неоднократно рассказывал нам, каким образом надо уклоняться от ответа на вопросы следователя КГБ. Одной из формулировок, которая мне запомнилась, было: «Этот вопрос к делу не относится».

Так я понял происхождение русской фамилии Миши: очевидно, он принадлежал к тому типу евреев, которые в Советском Союзе боялись еврейства и при первой представившейся возможности меняли свою фамилию на русскую. А в Израиле их преследует тот же злосчастный рок (подсознательная самонастройка): они панически боятся, что кто-то начнет (в данной ситуации — напрасно) подозревать, что они — *гои*. Поэтому-то его сын и был вынужден придумать объяснение тому, почему у него дома не говорили на идише — ведь подсознательно он страшно боится, что кто-то подумает неладное по поводу его еврейского происхождения.

ГЛАВА 13. «НЕОБРЕЗАНЦЫ», ИЛИ ЧЕРЕЗ ТЕРНИИ К БРИТ- МИЛЕ

Меня очень мучил тот факт, что ребята в *Бейт-мидраше* не обрезаны. Я не понимал, почему Ицхак ничего не предпринимает, хотя проходит месяц за месяцем? Я полагал по наивности, что Ицхак ищет *моэля*, но ни один из них не соглашается ехать в такую «глушь». Всё это казалось мне, мягко выражаясь, несколько странным. Потом я понял, что Ицхак, как и некоторые другие люди с авторитарным складом характера, способные в экстремальных ситуациях моментально предпринимать правильные действия, в повседневной жизни нередко раздираемы мучительной неуверенностью в принятии судьбоносных решений. Беспомощность, с которой Ицхак уклонялся от организации *брит-милы* (ждал, наверное, что сам *рош-йешива* всё сделает — договорится с моэлем, заплатит ему и прочее), на самом деле заслуживает глубокого сострадания.

Единственный раз Ицхак всё же отважился послать учащихся на религиозный семинар, который происходил в Подмосковье и был организован известной йерусалимской *йешивой*. Поехал я вместе с несколькими новыми учениками, из которых впоследствии в *Бейт-мидраше* никого не осталось; сразу после семинара

они перестали приходить.

На дороге от железнодорожной станции до пансионата «Ласточка», где размещался семинар, нас подстерегли местные хулиганы и потребовали деньги. Мы отказались подчиниться, и только они «подняли на нас свои ноги», как один из наших показал им свой паспорт, где была написана национальность «русский», — и его не тронули. Я же решил прекратить это безобразие и предложил им несколько латвийских купюр (грошовых!). Мразь-придурки вылупили на купюры свои глазастекляшки, взяли их и испарились. Я и по сей день вспоминаю этих ребят с благодарностью за то, что они так быстро от нас отстали.

Через несколько дней мы поняли, что оказались далеко не единственными жертвами местной банды. Та же участь постигла и других ребят, которые проделывали пеший путь от станции к пансионату. Я спросил одного из семинарских раввинов: «Почему вы не встречаете новоприбывших на вокзале?» Тот раздражённо ответил: «А что, по-твоему, мы можем всех встречать?» «А-а, — подумал я, — подлая ты тварь, а ещё раввином называешься! Мы для тебя лишь пешки-тараканы». Но вслух ничего не сказал — уж больно был я в тот момент сломен духом.

Стали обсуждать, что делать. Группа «боевых» горских евреев решила самостоятельно подстеречь хулиганов и показать им, где раки зимуют. Труссы-раввины стали их отговаривать: у нас, мол, мирная религия. «Придурки, — подумал я. — Вас, раввинов, возят на автомобилях, так для вас религия — мирная, а как быть нам? Встречайте нас, обеспечьте нам охрану, то-

гда и для нас религия будет мирная!» Нееврей-охранник, непонятно для чего нанятый, стоял посередине лагеря с полуавтоматом, неизвестно что и от кого защищая, и тоже рассуждал: «Как вы можете пойти кого-то бить, ведь вы же говорите, что ваша религия мирная?» В конце концов, горские евреи никого не послушались и пошли бить хулиганов. Так беспорядки прекратились.

На семинаре происходили вещи, мне непонятные: утром там учили Тору и «охмуряли», а вечером показывали видеофильмы-боевики, в которых били и убивали. Я спросил русскоязычного студента, который приехал в качестве *мадриха*¹: «Что здесь происходит?» Тот ответил, что тоже удивлён, но, кажется, слышал, что *раббанит*, жена *рош-йешивы*, вроде бы сама проверяла фильмы. «Чудеса, да и только!» — подумал я.

Теперь я понимаю, почему все рижане, которые поехали со мной на семинар, затем покинули *Бейт-мидраш*. Можно плясать в иступлении и петь «Тора, Тора», можно громогласно вещать умные слова — всего этого было на семинаре вдоволь; но, не имея в первую очередь элементарного человеческого подхода, латвийского еврея приблизить к Торе невозможно. Правда, из российских евреев было немало таких, которые на том семинаре сделали *тшиву* (среди них был и молодой студент Академии художеств из Челябинска Элияху Левин, который впоследствии станет руководителем венской йешивы). Однако они, в отличие от нас, не-россиян,

¹ Групповода; нечто вроде вожатого в пионерском лагере.

не привыкли к щепетильности — и никакого подвоха не почувствовали. А я понял, что Ицхак абсолютно прав, избегая подобных мероприятий. Однако в данной ситуации он по непонятной мне причине повел себя иначе, и в этом проявилась потрясающая *ашгаха пратит*¹, о чём и расскажу.

На семинар пригласили трех *моэлей* из Англии, которые делали там желающим *брит-милу* (обрезание). Я понял: это судьбоносный момент. Набравшись смелости, я обратился лично к каждому из них с убедительной просьбой приехать к нам в *Бейт-мидраш* для совершения великой заповеди обрезания!

На самом же деле я не верил, что из этого что-то получится. Ну, чего стоит приглашение безвестного молодого парнишки? Я думал, что просто выполняю свой долг: предпринять всё, что в моих силах, чтобы рижские евреи сделали *брит-милу*. Мы ведь в *Бейт-мидраше* считали себя «пупом земли», освящающим наш город изучением Торы и соблюдением заповедей! А какой же мы еврейский «пуп» без обрезания? Всё же мне показалось, что мой сносный английский, религиозность и еврейская искренность, с которыми я обратился к *моэлям*, пришлись им по нраву.

Я уже про семинар почти забыл, но где-то через полгода у меня дома вдруг раздался телефонный звонок: звонил доктор Сифман, главный *моэль* Лондона — один из тех троих. Я не верил своим ушам. Доктор Сифман со-

¹ Божественное Провидение.

бирается к нам приехать, причём за свой счет и совершенно безвозмездно! Моему счастью не было предела. У доктора Сифмана была только одна просьба: сообщить также и рабби Натану о его приезде, чтобы, если и у него тоже есть претенденты на *брит-милу*, и их заодно можно было бы обрезать. Однако именно эта, вроде бы безобидная просьба и была для меня самой трудноисполнимой. Я это хорошо понимал, и потому решил действовать поэтапно.

Доктора Сифмана я заверил, что его просьба будет обязательно исполнена. Ицхаку и Йеуде я сообщил о радостной новости, ничего не говоря об этой просьбе. Они стали готовиться, приглашать на *брит-милу* ещё кого-то из числа тех, кто не ходил в *Бейт-мидраш*, составлять списки. Когда всё было готово, буквально за неделю до приезда д-ра Сифмана, я набрался дерзости (другого выхода не было!) и передал Ицхаку просьбу моэля.

Ицхак наотрез отказался её выполнить. Звонить рабби Натану?! Это было ниже его достоинства. Между нами возник глухой конфликт. Но отступить я не мог: если я не исполню просьбу доктора Сифмана, будет более чем некрасиво. Уважаемый *моэль* проявил немислимое чудо праведности и, приняв приглашение какого-то неизвестного паренька, безвозмездно собрался в восточноевропейскую глушь. А мы из-за порочной спеси не можем исполнить его элементарную просьбу? И вообще, чисто по-еврейски, разве может какой-либо расчёт или обида встать преградой перед *зикуй ха-рабим*¹?

¹ Зикуй ха-рабим (иврит) — честь и заслуга удостоить многих людей

Но Ицхак был неумолим. Он, как обычно бывало в таких случаях, «ушел в отключку», то есть стал недосыгаем. И вдруг меня осенило. ведь доктор Сифман не просил, чтобы именно я или Ицхак сообщили рабби Натану о его приезде. Он попросил, чтобы рабби Натану стало известно об этом, а кто сообщит, — заключил я, — это неважно. Ицхак и Йеуда отказались звонить рабби Натану. Если же позвоню ему я, то мало того, что с *Бейт-мидрашем* я смогу попрощаться — это полбебды: *брит-мила* важнее моих личных интересов. Самое страшное, что может случиться — то, что когда доктор Сифман придет, Ицхак может послать его на все четыре стороны; и этого я боялся больше всего!

И тут Всевышний осенил меня потрясающей идеей. Я попросил своего папу, чтобы он позвонил рабби Натану и — желательно не своим голосом (условие не обязательное, потому что они и так не были знакомы) — сказал ему следующее: «Моему внуку надо сделать обрезание. Я слышал, что к Ицхаку в *Бейт-мидраш* приезжает *моэль*. Можно ли у него сделать обрезание, это будет *кашерно?*»

Папа исполнил роль мастерски, картавя и имитируя (надеюсь, что не утрированно) местечковый еврейский акцент — никак не опознаешь, что говорил мой папа! Рабби Натан ответил, что ни в коем случае нельзя у Ицхака делать обрезание. «Приходите ко мне, и мы всё устроим» (sic!).

На следующий день я позвонил в *Бейт-мидраш*. Из того, что поднял трубку не Йеуда, а Ицхак, я понял,

исполнения заповеди.

что рабби Натан им уже звонил. «Делай, что хочешь, — сказал Ицхак отрешённо, — меня раздавили. Я раздавлен».

Рабби Натан предложил, чтобы *брит-милу* делали в Еврейской больнице, и договорился с медсестрой, чтобы та ассистировала. Мой папа помог найти в центре города квартиру для д-ра Сифмана и его жены; даже за съём квартиры д-р Сифман заплатил сам — он ничего не просил.

Но я всё равно боялся, что люди не придут. Поэтому я попросил у Йеуды список, чтобы за день обзвонить всех претендентов — и наткнулся на глухую стену. Йеуда наотрез отказался выдать или продиктовать мне список. Начался новый виток эскалации отношений: я неоднократно повторял звонки со своей назойливой просьбой.

Наконец, прилетел доктор Сифман, и в назначенный день всем, кому было запланировано, он сделал *брит-милу*. Перед самым началом операций пришел рабби Натан, принёс *кидушный* стакан и бутылку виноградного сока, чтобы произнести благословение, как полагается, после *брит-милы* — об этом мы, конечно, забыли позаботиться. Кидуш (иврит — освящение) — специальное благословение, которое произносят над бокалом вина в субботу. Принято для этого использовать специальный, чаще всего серебряный бокал или стакан. Рабби Натан благословил, чтобы с нами был *Элияху а-нави ма-лах а-брит*¹. Было видно, что, несмотря на некоторое

¹ «Пророк Элияху (Илья) — ангел обрезания» (иврит); считается, что его дух посещает святой акт совершения брит-милы.

смущение, р. Натан доволен. Через несколько минут он ушёл.

Ученик Бейт-мидраша (стоит слева) произносит благословение после обрезания мужчины (стоит справа), приглашенного на брит-милу равом Натаном в первый приезд д-ра Сифмана (стоит в середине) в Ригу

Йеуда, как обычно, был на высоте — это он привёл всех «наших» и пробыл в больнице до самого конца операций, помогая и подбадривая. Потом я узнал, что не все с лёгкостью согласились на брит-милу, и Йеуде даже пришлось некоторых уговаривать, прилагая для этого весь свой недюжинный талант логического убеждения.

Позднее Нелли Т. рассказала мне, что причиной нежелания Ицхака звонить рабби Натану было то, что

к рабби Натану приезжал *моэль* из Франции, но р. Натан не посчитал нужным сообщить об этом Ицхаку, за что тот обижался на р. Натана (и, в принципе, имел на это основания).

Я же старался не отходить от доктора Сифмана и помогал ему, чем мог. Несмотря на сильную усталость, я чувствовал неземное счастье. Я вновь переживаю это ощущение и сейчас, когда пишу эти строки. Но я не рассказал д-ру Сифману, чего мне всё это стоило, и, надеюсь, он никогда об этом не узнает.

Впоследствии д-р Сифман приезжал к нам в город неоднократно, чтобы делать обрезания. Уже после моего отъезда в Израиль Аркаша Л. даже поехал для обрезания к доктору Сифману в Лондон. Билеты и всё остальное оплачивал сам д-р Сифман (!), хотя он не миллионер. Через много лет Аркаша мне рассказал, что был тогда уверен: именно Ицхак изначально пригласил д-ра Сифмана в Ригу.

Вообще Ицхак частенько приписывал себе благие дела, выполненные другими людьми, инициатором которых он считал себя. В полной мере это его качество я осознал в следующей ситуации. Когда я учился в израильской *йешиве*, Ицхак попросил меня достать для Якова К., одного из учеников *Бейт-мидраша*, которого власти попытались призвать в армию, справку из *йешивы* о том, что он является её студентом. Понятное дело, я выполнил это задание. Благо, это было не сложно, поскольку Яков и так собирался туда на учебу, и администрация *йешивы* была рада его принять и выдала справку заочно. Когда через некоторое время Яков действительно приехал в Израиль в *йешиву*, у меня зашёл с ним разговор об армии. Ничего не подозревая, я

спросил его, помогла ли ему та справка, которую я достал? Он в недоумении выпучил на меня глаза: «Это сделал не Ицхак, а ты?!»

ГЛАВА 14. РЕБ МОРДЕХАЙ, ДЕНИС И ЕВРЕЙСКИЙ МАССОВЫЙ ПСИХОЗ

В один из своих последующих приездов в Ригу д-р Сифман прилетел по приглашению р. Мордехая. Предварительно д-р Сифман любезно мне позвонил и спросил, что для меня привезти из Лондона. Я попросил пачку сыра (ведь кашерных молочных продуктов у нас не было). Он сказал: «Этого мало. Что ещё?» Отказываться было неудобно, и я сказал: «Какую-нибудь еврейскую книгу».

Когда *мозль* прилетел, я, как обычно, старался находиться рядом с ним и помогать, чем мог. Вдруг я увидел, что, уже обрезанный, выходит из операционной Денис! Денис, ученик средних классов городской еврейской школы, приходил к нам в *Бейт-мидраш* под видом еврея, но каким-то образом Ицхаку стало известно, что Денис — *гой*, еврей у него только дед, и Ицхак его выгнал.

Во мне вскипела злость. Я набросился на «свежеобрезанного» Дениса: «Лгун! Как ты посмел?!» Тотчас же я метнулся к рабби Мордехая, который на сей раз составлял списки. Но р. Мордехай почти не смутился: «В *Гемаре* написано, что того, кто говорит, что он еврей, не нужно проверять». Надеюсь, что сегодня р. Мордехай уже изучил эту *сугию* (тема в еврейском Законе, всесторонне рассматриваемая в Талмуде и раввинистической литера-

туре), и больше не демонстрирует такое поверхностное знание еврейского Закона.

Я поведал доктору Сифману, что он сделал обрезание *гою*. Моэль очень, очень расстроился; его глаза выражали неизбывную скорбь. Но что же теперь можно поделаться? И он рассказал мне, что уже не в первый раз так «проколотся». Один еврей пригласил д-ра Сифмана в Дублин, чтобы тот сделал его сыну обрезание на восьмой день после рождения, как и полагается по еврейскому Закону. Д-р Сифман прибыл. Кто-то из присутствующих на торжестве шепнул ему, что мать ребенка — *гийорет* (прозелитка). Д-р Сифман обратил внимание, что она носит особый головной убор, — в тех местах, к сожалению, это не было принято и поэтому выглядело странновато. Он спросил отца ребенка о еврействе его жены, и тот подтвердил, что она *гийорет*. «Лондонский *бейт-дин* (раввинский суд) признал её гиюр?» — спросил д-р Сифман. «Безусловно, в чём вопрос!» — таков был ответ.

После возвращения в Лондон д-р Сифман поинтересовался в *бейт-дине* насчёт той *гийорет*. Ему сообщили, что Лондонский *бейт-дин* сделать ей гиюр отказался. В конце концов, она прошла гиюр у рава Пирона. По мнению некоторых уважаемых раввинов, к которому присоединяюсь и я, такой гиюр неправомочен и, фигурально выражаясь, стоит не больше, чем некашерные печенья, изготовленные на фабрике «Лайма»!

Должен заметить, что р. Мордехай допускал такие «проколы» не всегда. К его чести следует сказать, что однажды мне позвонил мой двоюродный дядя Миша Н. и попросил подействовать на р. Мордехая, который отказался принять его сына-*гоя* в свой летний лагерь. Я

объяснил дяде Мише, что р. Мордехай поступил совершенно правильно, и что я ничем не могу помочь. Так я понял, что р. Мордехай, — по меньшей мере, теоретически — стремится не принимать неевреев за евреев. Однако, впоследствии мне стало известно, что, когда речь идет о *гойских* отпрысках богатых спонсоров, он не в состоянии выдержать испытание и принимает-таки их в свою еврейскую школу.

А вообще я могу гордиться тем, что все религиозные лидеры нашего города — Ицхак, р. Натан и р. Мордехай — были против того, чтобы приближать к Торе неевреев. И в этом их разительное отличие от некоторых якобы ортодоксальных раввинов в других государствах бывшего Советского Союза, где «*обгиюрование*» поставлено почти «на поточное производство». И неприятные ошибки, которые не раз допускали в этой сфере и Ицхак, и р. Мордехай, и р. Натан, были совершены не из-за сознательного игнорирования требований еврейского Закона, а ввиду их доверчивости и непрофессионализма при проверке на еврейское происхождение. Сегодня, однако, появилась возможность получить консультацию профессиональных экспертов в этой области. К сожалению, р. Мордехай — единственный живущий из троих перечисленных мной, — всё ещё не пользуется такой консультацией при наборе учеников в свою школу. Подобное поведение в нынешней ситуации ставит его, до определенной степени, в категорию *мезид*, то есть сознательно грешащего.

Надо отметить, что Денис через какое-то время вернулся в *Бейт-мидраш*, и Ицхак позволил ему это, ввиду того, что Денис стал приводить туда ребят из еврейской школы. У Ицхака открылось второе дыхание!

Когда Денис с родителями уезжал в Израиль, он попросил Ицхака, чтобы тот помог ему пройти гиюр. Я тогда уже был в Израиле, и Ицхак попросил меня заняться этим. «Для меня это дело первостепенной важности, — объяснил Ицхак, — поскольку, если что-то пойдёт не так, Денис сообщит об этом ребятам, и те перестанут ходить в *Бейт-мидраш*».

К своему стыду я, хотя и неохотно, но всё же согласился, и повёл Дениса на собеседование к *рош-йешиве*. Тот пригласил участвовать в собеседовании и Сергея К. (они с Ицхаком друг друга недолюбливали). И это было кстати. На собеседовании Денис на вопросы отвечал невпопад: было видно, что Ицхак его готовил. Однако это оказалось «медвежьей услугой»: из-за подготовки Денис не смог вести себя искренне и произвести на собеседников благоприятное впечатление.

Рош-йешива послал Дениса в специальную школу при своей *йешиве*. Директором этой школы был Л. — ветеран ещё советской *тишувы*. Ицхак в разговорах со мной, когда заходила речь о Л., не упускал случая в очередной раз высказать своё к нему презрение. Например, Ицхак смеялся над ним, рассказывая, как в начале путча, учиненного ГКЧП, Л. потребовал от всех подведомственных ему эмиссаров, в том числе и от Ицхака, срочно покинуть пределы СССР, ссылаясь на распоряжение американского раввина Н. Тогда Ицхак и Йеуда, похихикав над «бабской трусостью» Л. и раввина Н., и предполагая, что всё закончится благополучно, остались на месте.

Однажды Л. приезжал к нам в *Бейт-мидраш* с проверкой. Ицхак согласился на этот визит в связи с личной просьбой *рош-йешивы*. Но накануне визита Ицхак неза-

метно исчез. Принимать у себя ревизию, посланную уклоняющейся от субсидирования *Бейт-мидраша* организацией, и к тому же Л., которого Ицхак считал посредственностью, в качестве ревизора, — Ицхак полагал ниже своего достоинства. Йеуда, взявший на себя это неприятное бремя, объяснил гостю, что Ицхак «в разъездах по республике по срочным и неотложным делам». Л., однако, почувствовал неладное. По рассказам смеющегося Ицхака, на его отсутствие Л. отреагировал с раздражением: «Вечно, когда приезжаешь, Ицхака нет на месте!»

С Л. косвенно связана ещё одна история. Реувен Х., с которым я познакомился на *кирувном* семинаре и не поддерживал связи, однажды неожиданно прислал мне письмо. Среди всего прочего он написал, что его жена очень вкусно готовит. С какой целью это письмо было написано, мне было непонятно, ибо ни о каких своих намерениях он в нём со мной ни словом не поделился. Я рассказал про это послание Ицхаку, на что тот со смехом отреагировал: «Он хочет приехать преподавать к нам в *Бейт-мидраш!*» «Какой бред! — подумал я. — Ведь в письме про *Бейт-мидраш* не сказано ни слова». Через несколько лет, уже живя в Израиле, я встретил Реувена, который, между прочим, рассказал мне, что в то время в планах Л. было послать его с женой в *шлихут* в Ригу. Прозорливость Ицхака была восхитительной!

А Денис не смог выдержать условий в школе и сбежал из неё. Так закончился его гиюр. Слава Всевышнему!

Я уже говорил о заслугах моего брата в движении *тшувы* среди молодого поколения рижан. Хотя питание

на первом семинаре, организованном им, было более чем скромное, а жилищные условия кемпинга тоже оставляли желать лучшего, — тем не менее, его самоотверженность, когда он почти единолично без специального опыта организовал и руководил лагерем, не могла не оставить благого следа. Особо хочу отметить ведущего семинаров с израильской стороны, тонкого психолога и прекрасного организатора, еврея родом из Швеции, Моти Изака, который приехал в первый лагерь с семьей и командой редких по своим личным качествам *шлихим* (эмиссаров-вожатых), работавших самозабвенно и безвозмездно. Они вызвали глубокую симпатию со стороны ребят. Подобный альтруистический и человечный подход (а не философские рассуждения) стал основной причиной того, что в душах ребят проснулись первые ростки еврейской веры.

К слову, Моти Изак был категорическим противником того, чтобы неевреев тоже принимали в эти лагеря. Узнал я об этом тогда, когда после отъезда моего брата в Израиль, сам организовал один такой лагерь (к сожалению, на мой взгляд, не вполне удачный). Когда возник вопрос по поводу национальности одной из претенденток на поездку в лагерь, Моти ни в какую не соглашался её принимать, пока она не принесёт свидетельство о рождении своей мамы. Он также наотрез отказался принимать в лагерь *гоюху*, которая утверждала, что её в Израиле ждет еврейский друг. Сердобольный Миша А. подсказал ей, что она должна сказать Моти о своём якобы желании пройти *гиюр*. Вот она — злая ирония судьбы: Миша сам впоследствии женился на «обгиюренной» *гоюхе*, причем «обгиюренной» — ну совсем некашерно! Но Моти был непреклонен, заявив: «Мы не *Сохнут* (Ев-

рейское агентство) — *гиюром* мы не занимаемся».

К сожалению, к своей задаче я тогда отнесся недостаточно серьезно и недоглядел двух *гоек* и одного *гоя* (у всех троих отцы евреи). О том, что матери обеих *гоек* — нееврейки, я с неприятным для себя чувством узнал уже в лагере. А *гоем*-мальчиком оказался уже упомянутый мной Сендер Л. — сын Гриши (тогда Гриша уже взял себе еврейское имя — Цви). На встречу со мной с просьбой принять его сына в лагерь Гриша пришёл в чёрной кипе и очень обеспокоенно выяснял у меня, насколько религиозно-ортодоксальным будет лагерь. Об истинной национальности Сендера он, понятно, со мной не обмолвился ни словом.

Однако и я совершил, к своему великому стыду, сознательный грех, когда пригласил своего двоюродного дядю Сергея С., профессионального педагога, в лагерь. Он поставил мне условие: «Я поеду, но только при условии, что ты возьмёшь и моего внука (нееврея)». И я согласился. Дядя мне очень помог в проведении лагеря.

Глубоко ошибаются те, кто считает, что все *мизрахисты* являются сторонниками массового *обгиюривания*. Настоящие евреи — как Моти — есть и среди *харедим*, и среди *мизрахистов*. Но и проходимцев, допускающих бескровное уничтожение еврейского народа через некашерный, «полукашерный» и «почти кашерный» гиюр — полно как среди тех, так и среди других.

Мой троюродный брат Марик Д. и брат хабадника Саша А. — Миша — тоже были среди тех, в ком лагерь разбудил их еврейскую душу. Что касается Марика, то его начинающую пробуждаться религиозность поначалу подавили в семье, а потом, после отъезда семьи в Израиль, могло показаться, что этот процесс оконча-

тельно довершила израильская светская школа. Но первые ростки невозможно было убить! Теперь Марик — по-настоящему религиозный еврей, и создал прекрасную семью, женившись на *сефардской*¹ девушке. Однако Мише А., брату хабадника, не повезло. Здесь мой брат, к сожалению, сыграл, сам того не желая, роль «злого ангела». Когда Миша приехал в Израиль, мой брат пригласил его к себе в религиозный кибуц. Там Миша познакомился с некашерно «обгиюренной» *гоюхой* и женился на ней. Жаль: такой хороший парень оказался жертвой массового еврейского психоза нашего времени — обсессивного стремления любой ценой «обгиюрить» всё, что движется вокруг.

Это явление остроумно высмеял в своем стихотворении «Желание быть еврейцем» талантливый калининградский поэт Виктор Шапиро:

Тихо над Израйлем
 Дремлет вся натура,
 Грех отцов исправлю
 С помощью гиюра.

Помогите стать мне
 Чистым-галахистым,
 Шляписто-пейсатым,
 Талесно-цицистым.

Дайте мне менору,
 Мишну и Гемару,

¹ *Сефарды* — евреи, выходцы из восточных общин.

Дайте Сефер-Тору,
Филактерий пару!

Дайте место жительства
На Святой Земле,
Выпишите, выпишите
Теудат-оле!

Дайте мне свободу
И гражданских прав,
Дайте мне работу
И «шалом ахшав».

То-то станет весело
И привольно мне:
Прокачусь я с песней
По родной стране!

Закушу, наверное,
Я «Маккаби» — пиво
Пиццей некашерною
В центре Тель-Авива.

Но в такой позиции
Соображаю вдруг:
Стоило ль садиться
За «Шульхан Арух»?

(Пояснения к стихотворению:

Галаха, Алаха — еврейский Закон.

Талес (талит) — четырехугольная одежда, к которой прикрепляют особые кисти — *цицит*.

Менора — храмовый семисвечник, ханукальный восьмисвечник.

Сефер-Тора — свиток Торы, написанный с соблюдением специальных правил.

Теудат-оле — удостоверение нового репатрианта в Израиле, гарантирующее денежную и другую помощь от государства.

«*Шалом ахшав*» («мир сейчас») — движение за мир с арабами и передачу им территорий.

«*Маккаби*» — сорт пива, производимый в Израиле.

«*Шульхан Арух*» — свод законов иудаизма.)

Продолжая тему гиюра, надо сказать, что Ицхак только один раз выстлал перед *гоюхой* «гиюрную дорожку». А дело было так.

Цви Л. был знакомым Ицхака еще с юных лет, и он же был одним из первых, кого Ицхак возвратил к *тшуве*. Второй женой Цви была, однако, гоюха, и ей Ицхак — вопреки своим правилам — помог-таки сделать гиюр. Впоследствии неоднократно, когда Цви проявлял «строптивость», Ицхак сетовал передо мной: «Если бы не я, никакого гиюра бы не было!» А впервые о том, что жена (Ривка Л.) и сын Цви Сендер — неевреи, я узнал только тогда, когда внезапно Йеуда сообщил, что Сендер, сын Цви, поехал в Москву — «на гиюр».

«Как, он гой? А как же он тут всех учил Мишне „Шабат“? Ведь гою запрещена Устная Тора!» — с негодованием спросил я.

«Вот сейчас от тебя мы впервые об этом узнали», — мягко ответил Йеуда.

«Ну да, конечно», — подумал я.

Через некоторое время Цви стал устраивать Сендера в Америку — в *йешиву*. Ицхак поставил условие: «Или ты устраиваешь Гершона П. вместе с Сендером, или я расстрою все твои планы». Это был единственный случай, когда Ицхак отправил кого-то за рубеж не потому, что он ему надоел: у Гершона в семье возникали серьёзные проблемы из-за его соблюдения заповедей, и Ицхак хотел его попросту спасти.

Впоследствии Сендер приехал к нам на каникулы. Тогда на *шабат* у нас собрался *миньян*. Меня Ицхак назначил *габаем* (*габай* — синагогальный служака), который вызывает к Торе. В одну из *алийот* (здесь: вызов к Торе) я вызвал к Торе Сендера: «*Яамод Сендер бен Авраам*» («Вызывается Сендер сын Авраама», — так, согласно еврейскому Закону, вызывают к Торе прозелитов). После молитвы Сендер пожаловался Ицхаку, что, вызывая его, следовало назвать имя его отца (т. е. Цви), а не Авраама. Я показал Ицхаку респонсу в книге «Минхат Ицхак» (написана одним из крупнейших современных авторитетов-законоучителей — раввином Ицхаком-Яаковом Вайсом), где однозначно написано, что вызывать к Торе в подобных случаях нужно именем «бен Авраам». «Тогда, — сказал Сендер, — больше не вызывайте меня к Торе вообще».

Сендер уже успел жениться — на чистокровной еврейской девушке из религиозной семьи. Я не удивлюсь, если мне скажут, что он скрыл от неё свое истинное происхождение.

По правде говоря, был ещё один случай, когда Ицхак без лишних разговоров принял нееврея в *Бейт-мидраш*. Это был Борис Д. Я хорошо запомнил день, когда Ицхак впервые привел его к нам. Бедно одетый, Борис

смущенно, но во весь рот улыбался, и было хорошо заметно, что у него нет одного из передних зубов. Ицхак сразу заявил, что Борис является «во всех отношениях положительным» человеком, и он не ошибся: любой, кому требовалась какая-либо помощь, мог обратиться к Борису, и тот никогда не отказывал. В прохождении *гиюра*, однако, Ицхак не оказывал Борису никакого содействия, и тот «обгиюрился» уже после ицхаковой смерти.

Еще до своего *гиюра* Борис стал жертвой теракта, который был совершен неизвестными в рижском универмаге. Тогда пострадали десятки человек. В больнице он отказывался есть некашерную пищу, и ребята носили ему кашерную еду. По их рассказам, лёжа на больничной койке, основное время он уделял изучению «*Мишны Бруры*». «Мишна Брура» (с иврита — «ясное учение») — одно из основных пособий по исполнению повседневных еврейских законов. Его автор — глава довоенного поколения евреев рабби Исраэль-Меир акоэн из Радуни, известный по названию другой своей книги как «Хафец-Хаим».

Впоследствии Борис женился на *гийорет*, и сегодня он работает одним из основных *машгихей-кашрут*¹ Риги.

Вообще, в отношении претендентов на *гиюр* Ицхак всецело полагался на собственное мнение. В отличие

¹ Надзирающим за исполнением еврейских законов приготовления пищи на производстве, в ресторанах и других местах, запросивших раввинский сертификат о соблюдении *кашрута*.

от Бориса, другому господину, по национальности латыш, не повезло. Он неоднократно просил у Ицхака *гиюр*. Ицхак был с ним очень вежлив и неоднократно жертвовал ему деньги на жизнь, но всякий раз интеллигентно его выпроваживал. У этого господина была жена и, если не ошибаюсь, пятеро детей. Он в детстве перенес энцефалит и всю жизнь испытывал серьёзные материальные затруднения. По его словам, желание принять еврейскую религию в нём вызвала книга «Ты и твой дом», которую он однажды купил в подземном переходе рядом с вокзалом.

Ицхак порекомендовал претенденту на *гиюр* съездить в Москву, но тот вернулся без успеха. Ицхак решил: «Этот парень хочет выжить на хребте еврейского народа!» и однажды отказал ему уже окончательно, прекратив давать ему деньги. В связи с этим господин прислал тогда в *Бейт-мидраш*, — который на конверте он на латышском языке назвал «еврейской школой», — жалобное письмо в таком духе: «Вот, мол, как это получилось: из-за того, что у вас разногласия с Москвой, я остался не у дел... И Ицхак даже перестал оказывать мне материальную помощь! За что же вы меня так?»... Что с ним сегодня — не имею ни малейшего понятия.

ГЛАВА 15. ЧЕРВИВЫЙ ГОРОХ, ИЛИ КАК МЫ ВОРОВАЛИ ЯБЛОКИ

Рав Йеуда Г., которого Ицхак считал своим близким другом, однажды приехал в Ригу. Ицхак стал обзванивать всех евреев, которым требовалось дать или получить *гет* (разводное письмо, составленное согласно правилам еврейского Закона). Без такого документа разведённая женщина не вправе выйти замуж повторно. Но не все мужья соглашались дать бывшей жене *гет*.

Один из таких «бывших мужей» стал назойливо названивать Ицхаку и говорить ему какие-то глупости по поводу *гета*, бывшей жены, детей и тому подобное. Было ясно, что давать *гет* он не хочет. Ицхаку надоели эти звонки, и он выпалил по телефону: «Если еще раз позвонишь, яйца оторву!» После этого Ицхак перестал поднимать трубку телефона и включил автоответчик. Обиженный бывший муж оставил на автоответчике несколько сообщений с угрозами, вроде такой: «Ты сказал, что оторвешь мне яйца. Я скажу всем своим друзьям, что, если со мной что-то случится, чтобы знали, что обращаться надо к тебе».

В одном из своих последних сообщений он уже говорил почти жалобно: «Ицхак, ты мужик? Если ты мужик, ответь мне...». Ицхак дал мне прослушать все его сооб-

щения. Наконец, в *Бейт-мидраш* пришел рав Йеуда Г. и ответил на очередной звонок. Что говорил мужик, я не знаю, но я слышал, как рав Йеуда Г. отвечал ему: «Какие яйца, о чём вы говорите?», и перешёл на тему *гета*. Ицхак сожалел, что допустил такую досадную ошибку со злополучными «яйцами».

Когда Ицхак умер, рав Йеуда Г. активно занялся всем, что подобает делать в подобных ситуациях, и, в том числе, организацией сбора пожертвований для денежной помощи вдове. Рав Йеуда Г. пригласил свою знакомую журналистку и попросил меня рассказать ей про Ицхака. Позднее мне звонила другая её коллега. А преподаватель нашего *Бейт-мидраша* Йеуда К. отказался давать интервью, объяснив это тем, что никакие слова не могут передать правдивый рассказ о таком выдающемся человеке, как Ицхак. Когда статья была опубликована, вдова Ицхака любезно позволила мне ксерокопировать газету, и я убедился, что Йеуда К. в своём отказе давать интервью был прав. Мои слова в этой статье были пересказаны, мягко выражаясь, неточно. Тогда я ещё не знал, что для израильской, в том числе и *харедимной* прессы, подобный подход считается нормальным явлением.

К слову, рав Йеуда Г. просил меня в интервью с журналисткой припомнить разные истории вроде той, которую якобы ему рассказывал Ицхак. «Однажды из-за неимения средств, нечего было дать покушать в *Бейт-мидраше*. И Ицхак приказал ученикам пойти и срывать яблоки». Я ничего подобного раньше не слышал, и предполагаю, что эта история была плодом фантазии талантливого литератора р. Йеуды Г. (он закончил Сорбоннский университет по специальности

«литература»). Да и не росли у нас в городе беспризорные яблони. За яблоками я в детстве ездил вместе с родственниками в сельскую местность — в нескольких часах езды от Риги.

Но был иной случай: когда рав Йеуда Г. приехал к нам с визитом, он застал учеников *Бейт-мидраша* за перебиранием червивого сухого гороха. В тот период мы занимались этим каждый день приблизительно в течение часа, а иногда и дольше. Друг Ицхака, приятный латыш Гунарс, работавший инструктором по вождению автомобиля, иногда привозил нам бесплатно большой мешок с картошкой. Но на сей раз он привёз большой (уж слишком большой!) мешок с червивым горохом. Я проинструктировал ребят, руководствуясь брошюрой рава Моше Вая, как нужно проверять горох. Но такая проверка отнимала у нас уйму времени и сил. Ицхак предложил раву Йегуде Г. присоединиться к нашему перебиранию, на что тот с ужасом воскликнул: «Кто вас так научил перебирать горох?!» и показал нам ускоренный способ перебирания. Все мы были очень рады и вместе с равом Йеудой стали перебирать горох по новому методу. Но горох был уж очень червивый, и, в конце концов, рав Йеуда Г. не выдержал и воскликнул: «А нельзя ли купить другой горох?!» «Нет, нельзя», — ухмыляясь, ответил Ицхак. Наверное, этот горох имел для Ицхака некое сакральное значение; ведь он, как я предполагаю, был, как-никак, пожертвованием *Бейт-мидрашу*.

Ицхак и на самом деле любил поучительные истории. Так, иллюстрируя свой принцип, согласно которому «запрещено задавать лишние вопросы», Ицхак рассказывал «историю про кабанчика». Звучала она так: «Од-

ни люди, чтобы засадить свою престарелую бабушку в психушку и таким образом завладеть её жилплощадью, вызвали „скорую помощь“. Врач проверил — бабушка вроде нормальная, и собрался уезжать. Тогда родственники дали ему взятку. „Ну, — решил врач, — чем чёрт не шутит, повезем старушку в больницу“. Везут её в районную „психушку“ за городом, на дворе ночь. Случайно задавили кабанчика, или уже ранее кем-то задавленный кабанчик валялся на проезжей части — не помню точные детали. Врач с водителем смеются: „Вот и этого кабанчика сейчас отвезем в дурку“. Приехали. В приемном покое проверили бабушку: вроде нормальная. „Ну, — сказал врач приёмного покоя, — надо бабушку везти обратно“. „А того кабанчика тоже повезёте обратно?“ — пошутила бабушка. Но не тут-то было: врач решил, что она-таки ненормальная и оставил её в психиатрической больнице».

Когда я впервые выслушал этот рассказ, Йеуда К., наверное, слышал его уже в десятый раз. Тем не менее он не смог сдержаться и прыснул от смеха.

В молодости, вместе с Гришей Л., Ицхак работал санитаром на психиатрической бригаде «скорой помощи». И я не удивлюсь, если окажется, что именно он был непосредственным участником этой истории.

ГЛАВА 16. «ТАЩИ Евреев в Бейт-Мидраш!», или нетрадиционный Кирув

Был в моей жизни период, когда я проникся идеей «спасать евреев» родного города. Каким же образом спасать? Приводить их в *Бейт-мидраш*, где мудрый Ицхак будет возвращать их к *тшуве*! И если я встречал в городе какого-либо знакомого ровесника-еврея, я предлагал ему уроки иврита и заманивал в *Бейт-мидраш*. Там уже ждал Ицхак со своим арсеналом психологического воздействия.

Так, повстречав Свету М., с которой я был знаком по еврейской тусовке, я пригласил её с мужем в *Бейт-мидраш*. Они пришли. Видимо, у них были жилищные проблемы, потому что Ицхак предложил им какое-то жильё (понятно, бесплатно), в надежде, что они, проникнувшись великим духом *харедимного* милосердия, — начнут «приближаться» к религиозному образу жизни. Но через некоторое время Ицхак понял, что никаким «приближением» даже и не пахнет, несмотря на неоднократные беседы с ними, которые вели как Ицхак, так и Йеуда. И Ицхак поручил мне грязное дело: сообщить супругам о том, что они должны съезжать из предоставленного жилья. Мне до сих пор очень стыдно, что я согласился исполнить это мерзкое задание. Потом мне рас-

сказали, что Света с мужем вскоре уехали в Израиль в какой-то нерелигиозный киббуц и были этим очень довольны.

Среди всех, кого я приводил тогда в *Бейт-мидраш*, остался и сделал *тишуву* только Дима Ч., сын чистокровной еврейки и одноклассника моего папы, приятного русского человека, доцента-математика. Дима был способный мальчик, отличник или почти отличник, любил шахматы. Учась в школе, мы с ним иногда перезванивались, но потом контакты прекратились. И вдруг в один прекрасный вечер Дима неожиданно позвонил мне: «Помоги уехать в Израиль, у меня проблемы с документами».

«Конечно, — ответил я, — нет проблем. Я знаком с человеком, который может тебе помочь. Только приходи сейчас, поскольку сегодня ночью он улетает в Израиль».

Дима пришёл. Уже вечерело, и я повёл его в *Бейт-мидраш*. Буквально с порога Ицхак стал обсуждать с Димой немецкую философию. Ицхак мне рассказывал, что в молодости «проштудировал всю немецкую философию», причём на языке оригинала. Он подал еле заметный знак Йеуде, и на столе моментально появилась бутылка «Абсолюта» и салатика, оставшиеся после *шабата*. Ицхак поил и кормил Диму, и они продолжали вести свою философскую беседу. А мы с Йеудой К. стояли и смотрели на всё это заворожённо, как на колдовство.

При посредстве алкоголя Дима дошёл «до ручки», то есть почти до полной «отключки». Ицхак вызывал такси. Я почти что отнёс Диму на себе в такси, мы поехали ко мне домой, и я «свалил» его на кровать. Утром я заме-

тил, что у Димы, впервые за всю историю нашего знакомства, появился в глазах просветлённый взгляд — я такого у него никогда раньше не видел. По всей видимости, в нём проснулась еврейская душа!

Той ночью Ицхак улетел в Израиль. А Дима на следующий день пошел в *Бейт-мидраш* за сеткой, которую он там забыл. Уводя его пьяного из Бейт-мидраша, я обратил внимание на то, что здесь остается его сетка, но сознательно не взял её — чтобы у Димы был повод за ней вернуться. С тех пор он стал ходить в *Бейт-мидраш* регулярно: видимо, почувствовал, что это — то место, куда он стремился всю жизнь. В течение нескольких месяцев он сделал полную *тишуву*.

Когда Йеуда К. уехал в Израиль, его заменил Дима. На этом поприще он сделал немало важного и полезного в еврейской религиозной жизни Риги. Интересен и в какой-то степени парадоксален тот факт, что практически с самого начала своей *тишувы* Дима меня невзлюбил. Возможно, не последнюю роль в этом играла его подсознательная обида за обман: ведь заманил же я его в *Бейт-мидраш*, как мы помним, фактически обманом. А человек не любит, когда его обманывают — даже тогда, когда обман оборачивается для него благом.

К сожалению, Дима женился на *гийорет*, которая, к тому же, на двадцать лет его старше. Сознательно или подсознательно, даже в этом Дима повторил опыт Ицхака, первая жена которого, известная местная пианистка, была тоже на двадцать лет его старше.

В рассматриваемый период, когда я приводил своих знакомых в *Бейт-мидраш*, я вспомнил о своём ровеснике, с которым некогда отдыхал в детском санатории — Диме Т. Я ему позвонил, но оказалось, что Дима уже

уехал в Израиль. Я не отчаивался, вспомнив, что у Димы есть брат. Хотя с ним я знаком и не был, тем не менее, я решил попробовать заманить в *Бейт-мидраш* хотя бы его. Уже не помню каким чудом, но мне это удалось. Лёва, брат Димы Т., появился у нас в *эрез шабат* (канун субботы). Он, как и Дима, обладал ярко выраженной еврейской внешностью, но был, на мой взгляд, отталкивающе непривлекателен, да и в общении для меня неприятен.

Ицхак Лёву «охмурил» довольно быстро: буквально через несколько дней он уже надел «талит катан». Всё было, вроде бы, в ажуре, за исключением одного: Лёва, как оказалось, был женат на *гояхе*! Ицхак мне потом рассказал, как в беседе Лёва поведал ему историю своей женитьбы: «Ему очень захотелось, а она сказала: „Как только ЗАГС, так сразу!“ В тот же день и расписались». В такой ситуации Ицхак решил, скрипя зубами, идти навстречу *гиюру*: вместе с Лёвой он приглашал на *шабат* и его *гояху*, вёл с ней беседы.

Однажды Ицхак попросил меня, чтобы на *шабат* Лёва и его *гояха* переночевали у меня. Когда мы пришли ко мне домой, Лёва заявил, будто Ицхак ему сказал, что он со своей женой «могут спать в одной комнате, но на разных кроватях» (sic!).

Несмотря на брак с нееврейкой, Лёва уже постоянно носил чёрный костюм, и для полного *харедимного* обмундирования ему не хватало лишь круглой чёрной шляпы. В один прекрасный *шабат* Ицхак поднялся, снял с крючка шляпу Йеуды К., без разрешения хозяина надел её на Лёвину голову и стал радостно кудахтать: «Ой, как она тебе подходит! Теперь будет твоя!» Йеуда сохранял хладнокровие и не реагировал. Хотя впослед-

ствии он один раз слабо выразил недовольство: мол, экспроприировали без спроса шляпу... В итоге, Йеуда остался без шляпы, а Лёва просто сиял от счастья. У меня создалось впечатление, что он ощущал у себя на голове не шляпу, а корону.

Через несколько месяцев Лёва исчез из *Бейт-мидраша* вместе со шляпой. Ицхак решил вынуть деньги, которые он положил в «*идочницу*» (копилку для сбора пожертвований), закрытую на ключ. Но денег там не оказалось. Подозрение пало на Лёву. Ицхак ему позвонил: «Что ты сделал с *идочницей* — целовал её, обнимал?» — и всё в таком духе. Лёва божился, что это не его рук дело. Дима Ч. сказал мне, что «теперь Лёва боится Ицхака, как огня».

Вскоре после этого, в один из *шабатов*, *Бейт-мидраш* обокрали. По словам Ицхака, по краже можно было узнать «почерк» того, кто знаком с внутренним укладом *Бейт-мидраша* и законами *шабата*. Ицхак был почти уверен, что кража произошла по лёвиной наводке. Он обратился к каким-то частным детективам, возлагал на них большие надежды, но в итоге от них не было никакой пользы, и инцидент посчитали исчерпанным.

Печальной была и история с Рафиком, очередным моим «приведенцем». Рафик был моим одноклассником. Встретил я его на улице, неподалеку от Старого города, и спросил: «Не хочешь ли учить иврит?» Рафик пришёл сам и привёл своего друга-еврея, с которым учился в Политехе. Друг собирался в Израиль, и для него уроки иврита были тем, что надо. Впоследствии этот друг благополучно уехал в Израиль, а Рафик продолжал приходить; с ним занимались и я, и Йеуда.

Рафика я знаю с первого класса. Когда мы учились в начальной школе, я не раз бывал у него дома. После пожара, который произошёл в здании школы, мы оба перешли в другую (в которой в своё время учился и Йеуда), но там мы учились уже в параллельных классах. Его родители были типичными белорусскими евреями: простые, предельно честные, гостеприимные, «местечковые» такие. Я же тогда (по глупости, конечно) думал: «Как можно расти сыном таких примитивных родителей?»

Рафик по характеру походил на своих родителей, и я всегда его любил: во-первых, как еврея, во-вторых, как человека. Но глубокого общения между нами не было, слишком разными по своему складу мы выросли. К тому же для него еврейство было просто данностью — как его руки или ноги. Для меня же с детства еврейская национальность имела какой-то сверхважный, сакральный смысл.

Я не мог поверить, что привел Рафика в *Бейт-мидраш*; это мне казалось какой-то иллюзией, сном! Но прошло время, и сон завершился: Рафик сообщил, что его «не убедили», и он извиняется, но больше приходить не будет. Даже в этом Рафик проявил свою натуру настоящего белорусского еврея: он не мог, как делали другие, просто «слинять». Он должен был извиниться и сообщить причину своего ухода. Ицхак сконцентрировал всю свою душевную мощь и, не откладывая, помчался к Рафику домой. Меня мучило томление. Последняя надежда — на ицхаково чудо. Наверное, Ицхака мучила совесть за то, что он положился на нас и не проводил с Рафиком пространных бесед лично.

Ицхак вернулся буквально измождённый. «Рафик —

олигофрен, — сказал мне Ицхак. — Сегодня в разговоре с ним я сделал максимум того, на что способен. Если ничто не подействовало, и он ничего не понял, значит — у него просто нет мозгов». Для меня это была тяжелая минута. Нет, Рафик не олигофрен! Совсем нет.

Предполагаю, что Рафик никуда не уехал, женился на гойке, где-то работает... Но я уверен, что если бы в нужный момент рядом с ним оказался бы не я (человек, по сути, чуждый менталитету Рафика) и не Ицхак (прозелит с уникальными методами убеждения), а такой же простой белорусский еврей, как и сам Рафик, он обязательно смог бы найти ключ к его святой душе!

ГЛАВА 17. ЗАПОЙ, «КАНИКУЛЫ», ИЛИ ТАК УХОДИЛ ИЦХАК

В отличие от обычных *йешив*, регулярных каникул у нас не было. Но раз в полгода-год, всякий раз — в разное время, звонил Йеуда К. (а после его отъезда — Дима Ч.) и объявлял каникулы.

Приблизительно за полгода до моего отъезда в Израиль в *Бейт-мидраше* опять объявили каникулы. Но я почему-то через несколько дней позвонил Ицхаку. Раньше я этого в каникулы не делал. Каникулы — значит каникулы, и надо терпеливо ждать, когда позвонят и пригласят обратно. Ицхак поднял трубку. В его голосе было что-то непривычно жалобное. Я подумал, что ему плохо.

— Ицхак, я к вам сейчас приду!

— Приходи, приходи скорей!

Я помчался к нему. Ицхак ждал меня на лестничной площадке — в рубашке и белых трусах, штанов на нём не было. Он был вдрызг пьян. Я чуть не упал в обморок.

Потом я понял, почему он был без штанов: у него были постоянные позывы к мочеиспусканию, но помочь он мог лишь с большим трудом и потому подолгу простаивал в туалете. Без штанов проделывать всё это было гораздо легче.

Так я узнал, что Ицхак страдал хроническим алкоголизмом, и каникулы объявлялись на время его запоев.

Запой были редкими — примерно раз в полгода-год, а в промежутках между ними Ицхак «алкоголь даже не нюхал». Возможно, диагноз его болезни не звучал как «хронический алкоголизм», а это была дипсомания — *непреодолимое влечение к интенсивному пьянству на фоне подавленного настроения с тяжелыми алкогольными эксцессами, но без признаков зависимости* (цитирую по определению из статьи «Расстройства личности» в книге «2000 болезней», изданной в Москве в 1998 г.).

В *Бейт-мидраше* всё было в беспорядке, лежали разбросанные пустые бутылки из-под коньяка «Белый аист». Увидев меня, Ицхак подумал, что я принёс ему спиртное. Я обнаружил одну непочатую бутылку этого напитка (Ицхак по ошибке решил, что коньяк уже закончился) и тайком вылил её содержимое в унитаз.

Пришёл Дима Ч. и принес очередную бутылку — он всё ходил и ходил в ближайший магазин спиртного. Это ему осточертело; в последний раз продавщица предложила ему, в дополнение к покупке, получить «в подарок грушу», о чем он мне с негодованием рассказал. Я остался в *Бейт-мидраше* спасать Ицхака, а Дима ушёл. Но уходя, он оставил мне номер телефона «личного нарколога» Ицхака.

Ицхак стал пьяно откровенничать. «Сейчас я открою тебе великую тайну: я — *гер!*» — сказал он, закатив глаза. Об этом я знал и раньше из упоминавшейся выше статьи еврея-журналиста. Но, правда, тогда я не на сто процентов поверил написанному. Глаза у пьяного Ицхака были страшные...

Через несколько дней мне всё-таки удалось добиться

уже почти невербального согласия на вызов нарколога. Теперь Ицхак был уже в состоянии, близком к белой горячке.

Пришёл нарколог, приятный молодой человек, латыш. Поставил Ицхаку капельницу, сделал внутривенные вливания, а также поставил катетер для вывода мочи. Врач приходил неоднократно, повторяя процедуры. Примерно через неделю Ицхак почти пришёл в норму, по крайней мере — внешне.

Я был счастлив и уже собрался уходить домой. Но Ицхак стал меня слезно просить: «Мне нужен только глоток спиртного, чтобы голова стала соображать». Я ответил: «Позвоню наркологу: если он разрешит — принесу». Я позвонил; нарколог категорически запретил. Тогда Ицхак пошёл в туалет, а когда возвратился, меня обуял ужас — передо мной стоял тот самый страшный человек, которого я увидел неделю назад без штанов, со свисающими *цицит* на лестничной клетке. Всё лечение как рукой сняло! Оказывается, в туалете стоял флакон с одеколоном, и Ицхак его выпил!

Я был в отчаянии и не знал, что делать. Тут на пороге появился Дима; наверное, каким-то шестым чувством он узнал, что пришёл его час. Меня попросили покинуть помещение.

Я ушёл, но меня мучил сильный страх за жизнь Ицхака. Во время лечения я спросил нарколога, насколько опасны такие запои. Он ответил, что «в один прекрасный момент организм может не выдержать». «Вообще, — рассказал мне нарколог, — я уже не раз предлагал Ицхаку пройти курс лечения в нашей больнице. Но он постоянно отказывается — это же ниже его достоинства. А что будет, если о его болезни станет известно?

Ведь он же тут за святого», — спросил нарколог. Я не почувствовал в его словах никакой издёвки; я говорил с ним по-латышски, и потому он мог быть со мной вполне откровенен.

После этого я почти каждый день подымался на последний этаж, где находился *Бейт-мидраш*, и подолгу звонил и стучал в дверь. Но мне открыли только один раз, да и то сразу же перед носом дверь захлопнули. На телефонные звонки также не отвечали. Я послал в *Бейт-мидраш* факс со следующим текстом: «Немедленно прекратите безобразие, а то я сообщу о том, что происходит, *рош-йешиве*». Реакции не последовало. (Позднее Ицхак мне рассказал, что факс они получили, и благодарил, что *рош-йешиве*, вопреки своей угрозе, я ничего не сообщил).

Тогда я решил написать письмо раву Зильберу, адрес которого чудесным образом у меня нашёлся, — ведь Ицхак был его *хасидом* (последователем, приверженцем). Сверху я написал красной ручкой «*пикуах нефеш*» (опасность для жизни), изложил ситуацию и спрашивал: «Что делать?»

Через некоторое время рав Зильбер мне позвонил. Он сказал, что всё это происходит по причине того, что Ицхак в отчаянии из-за отсутствия средств на содержание *Бейт-мидраша*. Рав Зильбер сказал, что постарается помочь, а также прислать к нам *шалиаха*. По его относительно спокойному голосу я понял, что за жизнь Ицхака беспокоиться не надо — всё будет хорошо. Ну, я и успокоился немного. Действительно, через некоторое время занятия в *Бейт-мидраше* возобновились, и «всё возвратилось на круги своя».

Кстати, была и некоторая польза от того, ставшего

историческим, запоя: после него Ицхак перестал разговаривать во сне. Я однажды слышал это — не какие-то отдельные слова, а членораздельная речь, диалог, в котором он что-то кому-то доказывал. Ицхак мне говорил, что такое свойство сопровождало его практически всю жизнь — вплоть до того запоя.

Рав Зильбер, как я понял, не рассказал Ицхаку о моём письме, а только спросил обо мне: «Кто это?» Ицхак ответил: «Это наш человек». Предполагаю, что рав Зильбер, в дополнение к своей молитве, предпринял в тот момент фантастические усилия, чтобы оказать *Бейт-мидрашу* финансовую помощь. Прислал он и *шалиаха*, но здесь потерпел неудачу. *Шалиахом* оказался Гершон Л. — неженатый «*пирхах*»¹ в ультраортодоксальной одежде: длинном сюртуке и круглой шляпе, сын одного из пионеров московской *тишувы*, профессора-математика Л., в свое время «*обгигюрившего*» свою жену. С Ицхаком Гершон не поладил, но зато очень хорошо поладил с нашим собственным *пирхахом* — Давидом Й.

Уже после отъезда Гершона рав Йеуда Г. сообщил Ицхаку неприятное известие: когда Гершон пришел в *раббанут* (раввинат) регистрировать свой будущий брак, выяснилось, что московский *гигюр* его мамы никак невозможно подтвердить. Рав Йеуда предложил ему *обгигюриться* заново. Пришла его мама, известная *харе-димная* активистка, и стала во весь голос скандалить:

¹ *Пирхах* (совр. жаргонный иврит) — шалопай, сорванец. Иногда это слово употребляется в более жёстком значении: «вконец от рук отбившийся подросток».

«Как вы смеете?!» Невозмутимый р. Йеуда отреагировал: «И вам тоже, многоуважаемая госпожа, а также всем остальным вашим отпрыскам нужно заново пройти гиюр».

В конце концов, Гершон и его мама наново *обгюрились*. А вот одна из сестёр Гершона, Оснат А. — наотрез отказалась. Известный специалист по еврейской генеалогии, один из создателей системы проверки еврейского происхождения р. Игаэл Йегуди однажды высказался по поводу подобной семьи так: «Это же надо: в самом сердце *харедимного* города развели такой *гоюшник*».

Через несколько лет Ицхак в очередной раз приехал в Израиль. Мы с ним, как обычно, очень мило общались. Он рассказал, что ему в *йешиве* задерживают зарплату, а хозяин квартиры, в которой жила семья Ицхака, требовал немедленной уплаты. Не знаю, почему йешива так поступала; вероятно, в тот момент на её счету, на который спонсор-миллионер перечислял ицхакову зарплату, был большой минус, и потому не было возможности нужную сумму обналичить и выдать Ицхаку.

Я предложил Ицхаку одолжить ему свободную тысячу долларов. Он согласился. Через несколько дней он мне позвонил с вопросом: «Можно, я употреблю эти деньги не на квартиру, а на бизнес?» Я ответил: «На что вы их употребите, — это ваше дело». И в течение нескольких ближайших дней он улетел в Ригу. Потом мне стало известно, что для покупки обратного билета он использовал одолженные у меня деньги.

Когда он зашёл ко мне в *йешиву*, чтобы забрать тысячу долларов, мне показалось, что он вёл себя необыч-

но. Как правило, всякий раз, когда он брал займы у меня деньги, он предлагал, что напишет расписку. На этот раз он ничего такого не сделал. Тогда я его попросил об этом сам, но он отреагировал необычно: «А что, это обязательно нужно делать?» и написал мне расписку на клочке бумаги. Видимо, он чувствовал, что уходит из этого мира и не сможет собственноручно возвратить деньги. К чести вдовы Ицхака следует сказать, что после его смерти она возвратила мне все деньги, которые он в своё время у меня одолжил.

После того, как Ицхак улетел, я подошел к *рош-йешиве*, чтобы, по просьбе Ицхака, передать ему какие-то его слова. Я начал: «Реб Ицхок (так в ашкеназском варианте произносится имя Ицхак) просил...», а *рош-йешива* прервал меня, язвительно-ехидно передразнив: «*а-Рав, а-Гоэн, а-Цадик!*...» («Раввин, гений в познаниях в Торе, праведник» — титулы, которые употребляют, говоря о великих раввинах; но в своей совокупности они чаще всего употребляются посмертно). Я понял, что продолжать нет смысла.

Интересно, что это был не единственный раз, когда обычно очень сдержанный и корректный *рош-йешива* направил свой едкий юмор в адрес Ицхака. Так, однажды Ицхак попросил меня передать очередной отчёт о его работе непосредственно в руки *рош-йешивы*. Этот отчёт был оформлен не кустарно, на печатной машинке, а красиво, на компьютере: помимо прочего, там были диаграммы и тому подобные украшения. В этом отчёте, в частности, была изложена история о предложении, сделанном Ицхаку англичанином Роландом, и о реализации этого предложения. Для наглядности был отпечатан схематический круг, разделенный на секторы, пока-

зываются, сколько процентов от собираемых Роландом пожертвований на *Бейт-мидраш* он обязался отдавать по назначению, а сколько — оставлять себе. *Рош-йешива* бегло, ещё даже не читая, перелистал отчёт, а увидев круг, спросил с улыбкой: «А это что — *уга ше-нишбера?*» «*Уга ше-нишбера*» буквально переводится как «пирог, который сломался», а в переносном смысле это выражение означает что-то вроде «у разбитого корыта», «утраченные иллюзии», «надежда, которая не оправдалась»... Как и в случае с «гаоном-цадиком», так и здесь *рош-йешива* в своём провидческом юморе оказался неотразим. Я же только неловко пожал плечами — было обидно за Ицхака.

Не имею права утаить эту прискорбную историю, которая, возможно, и оказалась последней каплей, угробившей Ицхака. Англичанин Роланд Г., милейший вроде бы человек, основавший в Прибалтике «Балтийский фонд», предложил Ицхаку сделку. Ицхак формально делает Роланда *рош-йешивой Бейт-мидраша* и оформит для этого необходимые бумаги. Роланд будет время от времени заезжать в *Бейт-мидраш* и давать там лекции. За это Роланд будет собирать на *Бейт-мидраш* пожертвования, отдавая большинство собранных средств *Бейт-мидрашу* и оставляя себе лишь возмещение за дорожные и гостиничные расходы, а также удерживая минимальную плату за потраченное время. В итоге, по утверждению Ицхака, милейший Роланд не исполнил своих финансовых обязательств. Поверив Роланду, Ицхак продемонстрировал ещё одно своё, довольно неожиданное для меня качество — детскую наивность.

Ицхак попросил меня поговорить с Роландом.

На мои претензии последний раздражённо воскликнул: «But I have not enough for my wages!» («Но мне не хватает на зарплату!») По-видимому, он хотел сказать, что сбор пожертвований оказался неудачным, и собранных денег хватило лишь на покрытие издержек и минимальную зарплату. Тогда Ицхак попросил меня позвонить и пожаловаться на Роланда раввину-миллионеру Авиэзеру В. По телефону в разговоре с равом В. я передал ему, кроме всего прочего, также и слова Роланда, что тому не хватило на зарплату, на что миллионер отреагировал так: «Я его понимаю». Ицхак был очень недоволен, что таким образом Роланд остался чистым в глазах рава В., и больше меня не просил никому звонить. Я мог вздохнуть с облегчением. Был ли на самом деле Роланд мошенником или нет, мы уже никогда не узнаем.

Видимо, и *рош-йешива* каким-то «шестым чувством» постиг, что Ицхак уходит из нашего мира. Примерно через неделю после моего неудачного разговора с *рош-йешивой*, в котором он шутивно назвал Ицхака «гением и праведником», на траурных объявлениях, развешанных в Иерусалиме от имени его *йешивы*, действительно будут написаны высокие слова об Ицхаке — но в контексте данного разговора они явно были юмористически гипертрофированы.

Через несколько дней мне сообщили о смерти Ицхака. Для меня это было как гром среди ясного неба. Впоследствии Борис Д. рассказал мне, что Ицхак умер после инъекции большой дозы транквилизаторов, которые вколол ему Алик, сердобольный врач. По-видимому, Ицхак сумел внушить ему, что они необходимы — таким методом после моего отъезда в Израиль Ицхак «заме-

нил» свой алкоголизм. Когда я рассказал вдове Ицхака, что знаю об обстоятельствах его смерти, она сказала мне, что «Дима просил Алика не трогать».

Года через два после смерти Ицхака его вдова, госпожа Хана, показала мне статью о нём, которую якобы с её слов написала и опубликовала одна журналистка. В пространной статье почти не был упомянут *рош-йешива*, и вдобавок, в его имени была допущена досадная ошибка. У сына *рош-йешивы*, рабби Авраама, читавшего подобные издания, это вызвало неприятные чувства. Я указал вдове на ошибку, но она отклонила моё предложение попросить за эту опечатку прощения у *рош-йешивы*.

В другой ставшей мне известной статье на иврите об Ицхаке содержалось ещё больше ошибок. Например, утверждалось, что здания, принадлежавшие еврейской общине до войны, теперь были возвращены нынешней общине якобы по ходатайству Ицхака (sic!). Но Ицхак тут ни при чём. Покойный главный раввин Натан Б. активно участвовал в работе парламентской комиссии, разрабатывавшей регламент реституции еврейского имущества. Автор статьи с лёгкостью приписал Ицхаку заслуги рабби Натана.

Кроме того, в статье говорилось, что в здании, где во время войны помещался юденрат, теперь якобы находится Еврейская светская школа, где преподают также и основы еврейской религии. На самом же деле там находится Еврейская религиозная хабадская школа, руководимая равом Мордехаем Г. Городская Еврейская светская школа размещается совсем в другом районе. Тот же автор от имени рава Йеуды Г., поведал о том, что Ицхак якобы был профессионалом в деле проверки еврейско-

го происхождения. К чести Ицхака, еврейское происхождение учеников его и на самом деле интересовало, но уровень его «проверок» был непрофессионален, а заслуга в том, что несколько гоев, ошибочно заявлявших себя евреями, были в итоге разоблачены, принадлежит не Ицхаку, а Йеуде К.

ГЛАВА 18. REQUIEM, ИЛИ КОЛОКОЛА ПО БЕЙТ- МИДРАШУ

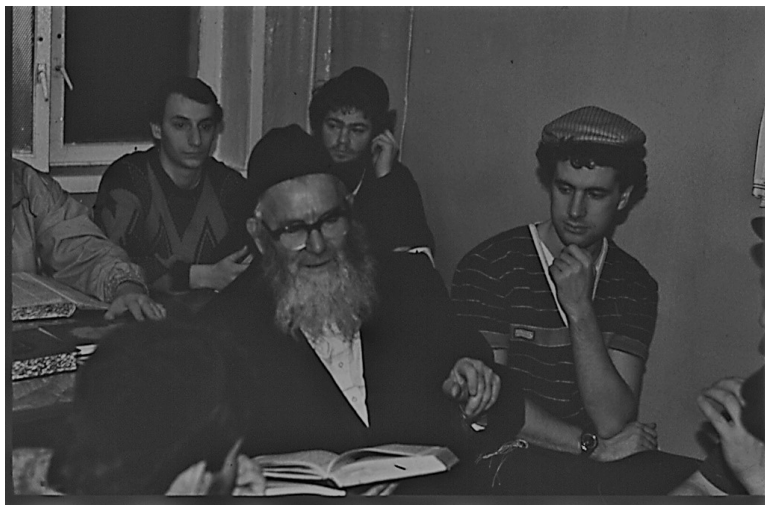
Отношения Ицхака с *рош-йешивой* были своеобразными. С одной стороны, Ицхак его глубоко уважал как знатока Торы и считал его благословение «очень сильным» и действенным. Рав Зильбер сказал Ицхаку, что *рош-йешива* является одним из крупнейших знатоков Талмуда в нашем поколении. Но с другой стороны, Ицхак не упустил случая рассказать, как уважаемый им рав Хаим-Меир К. с насмешкой заметил: «Что это за *рош-йешива*, который боится заходить к себе в *йешиву*?» Ицхак видел в этом замечании намёк на дикость и бескультурие русскоязычных *баалей-тшува*, учащихся *йешивы*.

Однажды, вернувшись в Ригу из очередной поездки в Израиль, Ицхак, довольно хихикая, сообщил мне, что *рош-йешива* назвал его диктатором. «У меня в *Бейт-мидраше* порядок, — сказал Ицхак, — а у *рош-йешивы* в его *йешиве* — бардак. Конечно, *рош-йешива* тоже хотел бы быть диктатором и навести порядок, только вот не может — кишка тонка».

Согласно рассказу самого Ицхака, однажды рав Зильбер сказал ему, что хотел бы давать в той *йешиве* регулярные уроки, но пока нет такой возможности. «Рав Зильбер, всё будет в порядке!» — заверил его Ицхак, и договорился с самыми влиятельными студентами *йе-*

ВОСПОМИНАНИЯ О ПРОЗЕЛИТЕ

шивы о занятиях с ним в *хевруте*. Во время этих занятий Ицхак как бы невзначай периодически «капал» этим студентам на мозги: вот, мол, жаль, что у нас здесь нет урока рава Зильбера. И когда позднее в *йешиве* был поставлен вопрос о целесообразности учредить урок рава Зильбера, все учащиеся проголосовали «за». Ицхак говорил, что за это дело рав Зильбер считает себя «его вечным должником». Поэтому я не удивился, когда рав Зильбер пришел на похороны Ицхака — несмотря на перелом руки и запрет врачей, — и произнёс очень трогательную поминальную речь.

Раввин Ицхак Зильбер даёт урок в подмосковной йешиве (начало 1990-х годов)

Когда умер рав Зильбер, в той *йешиве* организовали *эспед* (траурное собрание). Выступал *рош-йешива*. В се-

редине его речи я не поверил своим ушам: он стал рассказывать о подвижничестве, с которым рав Зильбер помогал *Бейт-мидрашу* Ицхака! Ицхак действительно несколько раз говорил мне вскользь, что каждый раз, когда он приходил к раву Зильберу и жаловался на то, что *рош-йешива* оставил *Бейт-мидраш* без копейки денег, рав Зильбер всегда доставал средства, пусть и небольшие. Моральная же поддержка Ицхаку со стороны рава Зильбера была огромной и просто неоценимой! Но ведь существует множество рассказов про *месирут нефеш* (подвижничество, жертвенность) рава Зильбера; неужели *рош-йешива* не смог найти рассказа поярче? Ответ, я думаю, заключается в том, что с Небес направили *рош-йешиву* связать память об этих двух людях.

Не могу сдержаться и расскажу здесь малоизвестную, но удивительную историю о раве Ицхаке Зильбере. Лет десять назад подошёл ко мне в *колеле* незнакомый внешне человек и обратился по имени: «Здравствуй, узнаешь меня?» У меня хорошая память на лица, но этот человек представился моим знакомым, а я не могу его сразу узнать! Но его голос мне показался до боли знакомым. И я прозрел: «Ты Лёня З.!» Тот удивился: «Меня никто не узнает! Ты первый после рава Зильбера, кто меня узнал. Как тебе это удалось?!»

Лёня учился в подмосковной *йешиве*. Однажды на уроке *Гемары* преподаватель, *бааль-тшува* из России, которого я знал как кроткого и сравнительно вежливого человека, отвесил ему, тогда 19-летнему парню, оплеуху. Это произошло, когда Лёня указал преподавателю на элементарно неправильный перевод текста. Оскорблённый Лёня ушел из *йешивы*, бросил соблю-

дать заповеди, уехал в Израиль и пошёл там в армию. Внешне он очень переменялся: в юности он был изрядно полным, а теперь стал стройным и сбрил бороду; его лицо изменилось до неузнаваемости. В Израиле кто-то из друзей пригласил его на празднование брит-милы. Он пришел в солдатской форме, встал поодаль, и вдруг услышал голос рава Зильбера: «Лёня, иди сюда!» В другом конце помещения стоял рав Зильбер, окруженный бывшими учениками подмосковной йешивы. Йешиботники стали громко возражать: «Рав Зильбер, что с вами? Какой это Лёня? Никакого сходства!» На что праведник парировал: «Вы смотрите на физическое тело, а я смотрю в душу! — и настойчиво повторил: — Лёня, иди ко мне!» Лёня подошёл, и рав Зильбер взял его за руку. С тех пор Леня вновь возвратился к еврейской религии. Кстати, преподаватель, так недальновидно отвесивший Лёне оплеуху, теперь специально попросил у него прощения. Но я чувствовал, что в глубине своего сердца Лёня его так и не простил.

На похоронах Ицхака рав Йеуда Г. сказал мне, что Ицхак был единственным настоящим *гер-цедек* (*гер-цедек* — подлинный искренний прозелит), которого он встретил в своей жизни.

Тело Ицхака привез в Израиль Дима. Громкоговорители с автомобилями, сообщая о похоронах, возвещали: «*Мэс-мицвэ*». Ивритские слова *Мэт-мицва* (в ашкеназском произношении «мэс-мицвэ») буквально означают «мертвец заповеди», то есть умерший, найденный на улице или в любом другом месте, погребением которого никто не занимается. Заняться его погребением — святая обязанность каждого еврея, кто его обнаружит.

ישיבת "שבות עמי"

אוי מה היה לנו

זומים ומזועזעים אנו מפטירתו הפתאומית של האי גברא
 דרא מוותיקי תלמידי "שבות עמי", ראש הישיבה בריגה,
 זיץ תורה בישראל במסירות נפש ורבים השיב מעוון

האברך הרה"ג

יצחק מיטין זע"ל

שר הקים וניהל בשליחותם של מרנן ורבנן את
 ישיבה הגדולה וכולל האברכים בריגה שברוסיה
 ירב רחוקים והעמיד תלמידים לדבר ה'
קשה היא האבירה ואין לה תמורה

ארונו יגיע מרוסיה היום, יום רביעי כ"ג תמוז תש"ס
 הלוינו תצא בשעה 7.00 בערב מביהכנ"ס שומרי החומות
 רמות ד' ירושלים בדרכה להר המנוחות.

המתאבלים מרה
 ההנהלה, הרמ"ם והתלמידים

02-5389930
 04-54-888

Траурное объявление, извещающее о смерти Ицхака

В траурных объявлениях было написано: «*Аврех, а-Рав а-Гаон, Рош-йешива*». В прессе писали: «Умер от остановки сердца в середине того, как давал урок Торы». Ну, а как иначе можно было написать для рядового израильского читателя — *харедима* (ортодокса)? Ведь не объяснять же ему, что можно быть *гаоном*, выучив лишь полторы страницы *Гемары*; можно быть *рош-йешивой*, ни разу в жизни не дав урок Торы и, более того, даже не будучи евреем от рождения?

После смерти Ицхака его вдова мне сказала: «Он всю жизнь героически боролся со своим алкоголизмом, но так и не смог его победить». Как бы ни смотреть, однако, на ицхаков алкоголизм (или, точнее, на дипсоманию), парадоксально следующее, сколь бы кощунственно это ни звучало: вероятно, Ицхак подсознательно чувствовал, что своей смертью он вызовет немислимый, почти фантастический *хесед* (акт милосердия) который будет оказан его осиротевшей семье. Например, Ицхак очень волновался о судьбе своих дочерей ещё задолго до достижения ими возраста «на выданье». Он говорил: «Сколько грязи во время *шидухим* (сватовства) выльется, если станет известно о моём гиюре». В связи с этим Ицхака не покидала подспудная тревога. Но мёртвые избавлены от хлопот. Популярность, которую он приобрел после смерти благодаря публикациям в прессе, способствовала тому, что его дочери вышли замуж за весьма достойных евреев из религиозных семей. Вдобавок для вдовы Ицхака собрали деньги и купили ей квартиру — и эта, казавшаяся несбыточной его мечта тоже, наконец, сбылась.

После смерти Ицхака бразды правления в *Бейт-мидраше* на короткое время взяла его вдова, но в итоге потерпела на этом поприще фиаско. Реально там стали

хозяйничать братья Женя и Аркаша Л.

Ицхак рассказывал мне, что в один из его отъездов в Израиль он, как обычно, оставил Диму Ч. за главного в *Бейт-мидраше*. Тот привёл своего знакомого еврея-учителя, и в качестве «своего детища» стал демонстрировать ему обстановку. Оба были слегка подвыпившими. Аркаша преградил дорогу Диме и потребовал отдать ему ключи. Диме пришлось подчиниться, потому что, хотя Аркаша лет на десять младше Димы, он его на порядок сильнее. Когда вернулся Ицхак, Дима рассказал ему эту историю в уверенности, что тот накажет Аркашу за самовольные действия. Диме Ицхак ничего не сказал, но, рассказывая мне обо всём этом, посмеялся: «Это кого ещё надо наказывать-то: уж не двух ли „бухариков“, гуляющих по *Бейт-мидрашу*? Всё правильно Аркадий сделал».

Через несколько лет после смерти Ицхака Аркаша женился и приехал на стажировку в пресловутую израильскую *йешиву*. Благо, в тот момент в ней открылся *колель*, который я иронически называю «колель усиленного питания». Это учебное заведение двух-трёхкратной стипендией привлекает неимущих русскоязычных *аврехим* на двухгодичные курсы подготовки «специалистов по *кируву*», предварительно подписав с ними договор о том, что по окончании обучения они обязуются в течение нескольких лет заниматься освоенной профессией, то бишь *кирувом*. По окончании Аркадием «колеля усиленного питания» американский миллионер спонсировал-таки его поездку «рош-йешивой» в рижский *Бейт-мидраш*. Но такая «лафа» длилась недолго: поняв, что Аркаша не следует принципам «массового *кирува*», спонсоры прекратили выплачивать ему зарплату. Тем не менее, Аркаша ещё на много лет задержался в Риге;

благо, его жена нашла там хорошую работу.

Старший брат Аркаши, Женя, стал религиозным гораздо раньше младшего. Впоследствии он обнаружил серьёзные, гораздо выше средних, способности к изучению Талмуда, и постарался успешно их реализовать. Его успех в учёбе способствовал и заключению брака с дочерью раввина-сефарда, *даяна* (судьи) в одном из израильских казённых религиозных судов. В этой семье Женю очень полюбили.

В Риге же *Бейт-мидраш* стал постепенно чахнуть, и, в конце концов, превратился в жилище Л.-отца, который там мирно в одиночестве обитает, в окружении двух ицхаковых библиотек: святых и светских книг.

История последнего помещения Бейт-мидраша довольно примечательна. Поначалу оно занимало одну квартиру на последнем этаже небольшого многоквартирного здания на улице Маскавас (Московской), в котором до войны была синагога. Это здание было частично возвращено религиозной общине, и синагога выделила эту квартиру Ицхаку за символическую плату. По моим сведениям, Ицхак заплатил соседям по этажу несколько тысяч долларов и подыскал им другую квартиру, в которую они и переехали. Ицхак проделал брешь в стене и объединил обе квартиры. Плюс к этому — он обнёс металлической сеткой лестничный пролёт с предпоследнего этажа — ведь весь последний этаж принадлежал теперь ему. Никто, кроме посетителей *Бейт-мидраша*, не пользовался территорией этого пролёта. Так лестничная клетка стала излюбленным местом для учёбы наших «бейт-мидрашников». По-видимому, они подсознательно желали таким образом про-

демонстрировать свой «баалут» (право владения этой территорией). Гриша Левин в своих воспоминаниях сообщает, что причиной учёбы именно на лестнице было то, что там, в отличие от квартиры, разрешалось курить, а курить хотелось, по его словам, «с голодухи». Но, насколько я помню, сам Гриша не голодал.

Лестничный пролёт, ведущий на последний этаж здания на ул. Маскавас, где находился Бейт-мидраш. Этот пролёт был «оккупирован» Ицхаком под нужды Бейт-мидраша, оборудован железной дверью и оградой

Впоследствии суд постановил, что (поскольку основная часть здания синагоги во время войны была разрушена), по новым законам Латвии возврату прежним владельцам, то есть еврейской религиозной общине, подлежит только земля, на которой здание находится, но не само здание. Таким образом, жильцы получили возможность приватизировать свои квартиры. А переселённые Ицхаком бывшие соседи по этажу подали иск в суд с требованием возвратиться обратно. Скорее всего,

их иск не был удовлетворен, поскольку, насколько мне известно, Л.-отец продолжает обитать в обеих квартирах, да и металлическое ограждение находится там по сей день.

После смерти Ицхака об «умирающем» Бейт-мидраше проявил немало бескорыстной заботы рав И. П.: он давал, например, за свой счёт уроки по телефону. Ребята, которые были воспитаны Ицхаком, не желали иметь дело ни с кем, кроме рава И. П. *Рош-йешива* тоже сначала предпринял попытку спасти *Бейт-мидраш*, но оставшиеся ученики восприняли это, как желание обеспечить зарплатой своих безработных приближённых, и воспротивились присылке любых эмиссаров, им предлагаемых.

Так в течение нескольких лет умирал *Бейт-мидраш*. Не зря всё-таки мудрый *рош-йешива* скептически отнёсся к решимости вдовы Ицхака взять бразды правления в свои руки. «Прозелитка, и к тому же — женщина!» — сказал он мне, своим лицом выражая недовольство. Как прозелиты, так и женщины ограничены еврейским Законом в сфере администрирования в общественных организациях.

ГЛАВА 19. КЛУБНИЧКА

Ицхак не раз говорил с нами о женщинах. Основной мыслью этих его разговоров было то, что женщины — «главное испытание нашего времени». Каждое поколение, говорил Ицхак, имеет свой особый *йеицер а-ра* (злое начало, дурные побуждения). В древности, например, люди имели страсть к животным (в этот момент Ицхак сжимал губы, как для поцелуя, чтобы дать слушателям почувствовать силу этой страсти). Вот, например, мужик ухаживает за коровой, носит ей цветы, просто «умирает от любви» к ней...

О своей первой любви Ицхак рассказывал так. В школе, подростком, ему понравилась одна еврейская девушка. Когда это стало известно, к нему подошёл парень из другого класса и сообщил, что она — «б...». Тогда Володя купил два напильника, ежедневно приносил их в школу и на переменах стачивал один о другой, чтобы превратить их в острые ножи. В один прекрасный день тот парень не выдержал и попросил у Владимира прощения. «А девушка, — как, смеясь, добавил Ицхак, — и на самом деле оказалась б...».

Ицхак нередко говорил, что «наша (то есть ваша, ребята!) основная задача — научиться строить из себя нормальных людей». Это даёт основания полагать, что нас, учеников *Бейт-мидраша*, Ицхак считал в той или иной степени ненормальными. Однажды он раздал

неженатым ученикам (каждому персонально, выказывая заботу) бутылочки с какими-то драже. Из его пояснений можно было предположить, что это было средство, снижающее либидо, или нечто в таком роде.

Тем не менее, забота Ицхака порой бывала подлинной. Так, он очень страдал от болей в спине, и полагал, что они — последствия мытья окон — этой работой он зарабатывал семье на жизнь в советское время. Ицхак нашел нейрохирурга, русского человека, который, кроме операций, также вёл прием и в поликлинике, где лечил массажем и мануальной терапией (в рекламе это называлось «методом Касьяна»). Позднее Ицхак нашёл и других специалистов, пару из Белоруссии, которые совместно лечили сочетанием мануальной терапии (муж) и экстрасенсорного воздействия на расстоянии (жена). Это были не только профессионалы, но и, к тому же, приятные и достойные люди. Они с большим уважением относились к Ицхаку, а когда тот посылал к ним учеников из *Бейт-мидраша*, жаловавшихся на боли в спине, то эти медики отказывались брать деньги за свои услуги. Но Ицхак бывал очень недоволен, если ребята ему не сообщали, что денег с них не взяли. По всей видимости, Ицхак считал, что лечению не подобает быть бесплатным, либо не хотел оставаться в долгу перед медиками. В любом случае для меня очевидно, что Ицхак не брал бы деньги у ребят, а из собственных средств заплатил бы медикам за лечение.

Эти врачи — пример того типа людей (очень немногочисленных), к которым Ицхак питал искреннее уважение. Ими могли быть как евреи, так и неевреи. Таких людей отличали три основных качества: интеллигентность в поведении, благородство, и главное — бескоры-

стие. Впоследствии я убедился, что почти все, о ком Ицхак говорил с восхищением, обладали этими поистине замечательными, — если не сказать сверхчеловеческими — качествами. Например, латыш Вилнис, бесплатно ксерокопировавший и переплетавший для *Бейт-мидраша* святые книги, необходимые нам для учёбы. С ним Ицхак был знаком ещё с советских времен, когда тот, ярый антисоветчик, подпольно и бесплатно размножал еврейскую литературу для руководимого Ицхаком (тогда — Владимиром) сионистского движения Риги. Или секретарша «йешивы-патрона» госпожа Рахель: к ней можно было обратиться с любой просьбой о помощи, и понятия «отказ» для нее не существовало. Или рав И. П., с которым Ицхак старался встречаться всякий раз, когда приезжал в Израиль; познакомил их рав Зильбер. Методические указания в вопросах изучения Торы, даваемые равом И. П., были более чем ценными, и Ицхак успешно претворял их в жизнь. Ицхак сказал мне однажды: «Рав И. П. и его супруга хотят делать людям добро, и поэтому, даже если иногда они и делают ошибки, их надо прощать».

Ицхак очень любил выражение: «Любоф (именно так он произносил это слово) зла — полюбишь и козла!», и всячески пугал учеников ужасами семейной жизни. Например, он рассказывал, как одного его знакомого нееврея «обворожила» девушка, даже ноги ему мыла в тазике (!). Парень спросил своих друзей, стоит ли на ней жениться, и они, понятное дело, горячо посоветовали ему связать с нею свою судьбу. Немедленно после того, как молодожёны расписались, жена стала устраивать дома такой террор, который парню и в кошмарах не снился.

В Израиле в один из приездов Ицхака я посетил его дом. Когда я вошёл, его жена что-то готовила на кухне. «Вместо того, чтобы заниматься сексом, она готовит пироги!» — сказал мне Ицхак с ухмылкой. На самом же деле его жена была ему очень предана, питала к нему большое уважение и послушно выполняла все его задания, в том числе и весьма неприятные. Хотя она и заслуженно «пилила» его по поводу алкоголизма и других неприятных качеств. У Ицхака же было несколько «принципов», которых он придерживался, когда приезжал домой. Например, все необходимые починки в квартире он оставлял на самый последний день — чтобы домашние не приучались докучать ему своими просьбами. В частности, когда в доме испортился туалет, нужно было каждый раз открывать и закрывать кран, чтобы слить воду — и это безобразие продолжалось вплоть до его очередного отъезда, в день которого он, наконец, соизволил исправить поломку.

Ицхак более всего ценил в себе два качества (которыми он, по собственному мнению, обладал): предсказуемость своих действий и возможность с ним договориться. После долгого знакомства с Ицхаком действительно можно было в какой-то степени прогнозировать его реакции: они всё-таки были достаточно стандартными. Что же касается второго свойства, то он с довольным видом повторял слова своей жены, которая говорила ему: «Ты мне не подходишь ни в каком плане, ни в человеческом, ни в сексуальном. Но одно твоё качество покрывает все: с тобой можно договориться!»

Однажды Ицхак разоткровенничался: «Мне никогда ни одна женщина не отказала! Кроме только одного слу-

чая. Сижу я со своим знакомым, смотрю в окно и вижу: на скамейке красивая женщина. Говорю ему: «Красивая баба сидит, давай снимем!» «Ты что, как можно?» «А вот увидишь, всё получится, — говорит Ицхак (тогда ещё Владимир). — А ты иди покупай водку!» Владимир спустился вниз, подсел к женщине и стал с ней беседовать. В итоге женщина сказала, что очень хотела бы с ним пойти, но она замужем. В принципе она в процессе развода, и «как только разведётся — так сразу»...

Я сам был свидетелем того, как Ицхак умел влиять на женщин — на сей раз в положительном смысле. На праздники женщины в рижской синагоге обычно стояли внизу вместе с мужчинами — прямо как у реформистов. Молиться в таком *миньяне* еврейский Закон запрещает. *Эзрат-нашим* (женская половина) в синагоге располагается на втором этаже, но для женщин, видимо, было ниже их достоинства находиться на галёрке. В *Йом-Кипур* (Судный День) Ицхак сообщил неслыханную новость: он хочет вместе с нами пойти на утреннюю молитву в синагогу. Я запротестовал: «А как же женщины, которые стоят внизу?» «Всё будет в порядке!» — заверил Ицхак. Мы пришли. Внизу, как я и ожидал, стояло несколько еврейских женщин, уже немолодых. Ицхак подошел к каждой из них и персонально — каждой — что-то сказал. Через считанные минуты внизу не было ни единой женщины! Неслыханное достижение, о котором раввин Натан Б. даже и мечтать не мог! Поражённый, я спросил Ицхака, как ему это удалось? Он ответил, что просто обратился к каждой женщине персонально со словами: «Мадам, вы не могли бы...» и так далее, то есть вежливо и галантно дал возможность женщинам почувствовать свою

важность в глазах Ицхака, и тем самым вызвал в них желание исполнить его просьбу.

К слову: в тот *Йом-Кипур* Ицхак остался в синагоге на молитву *Изкор* (поминальная молитва по умершим родителям-евреям). Те, у кого родители живы, во время этой молитвы выходят из синагоги. Я был в недоумении, но по намёку Ицхака, кажется, понял ход его мысли. Он не раз мне рассказывал, что его мать, русская женщина родом из Архангельской области, была внешне похожа на еврейку. Когда после войны она оказалась в Риге, к ней на улице подходили еврейские женщины, пытаясь заговорить на идише. Потом, когда Ицхак служил в стройбате, туда привезли партию новобранцев из Архангельской области; по его словам, они были еврейской внешности, хотя евреями не были. В силу всего этого Ицхак таил в душе надежду, что в Архангельской области остались какие-то «пропавшие» евреи, и его мать — одна из них. За неё он, очевидно, и произнёс молитву *Изкор*.

А вот ещё пример ицхаковой галантности. В начале перестройки, когда активизировалась деятельность на почве еврейской культуры, в Риге нам была известна единственная печатная машинка с еврейским шрифтом. Она находилась во владении вдовы еврейского советского писателя-идишиста, который носил фамилию Разумный. Помню, как мой брат, молодёжный еврейский активист того времени, в разговорах со своими товарищами негодовал по поводу того, что они никак не могут заполучить эту машинку. Вообще-то вдова эта по национальности была полькой, страдала каким-то психическим заболеванием и была лет на двадцать младше своего мужа. В разговорах она постоянно на-

зывала его гениальным писателем. По слухам, она завлекла к себе домой молодых еврейских парней под тем предлогом, что ей требуется помощь, а там пыталась их совратить. Наткнувшись на неудачу, она начала распространять про парня всякие гадости. Ну, прямо-таки как жена Потифара!

Я видел её однажды на митинге, посвященном жертвам Холокоста, на месте массовых расстрелов евреев в пригороде Риги — Румбуле. Там выступала какая-то еврейка со стихами на идише «*Тифе грибер*» («Глубокие могилы»), других ораторов уже не помню... Вдруг грузная немолодая женщина с нееврейским лицом стала читать стихи по-русски с каким-то диким воодушевлением, причём не с импровизированной трибуны, откуда выступали все ораторы, а сбоку, и без микрофона — по-видимому, официально ей слово не предоставили. Вокруг неё стала кучковаться публика, и я подумал, что это стихи её собственного сочинения. Это была она — «вдова безумная старика Разумного», как назвал её мой папа.

Так вот, у Ицхака была печатная машинка с еврейским шрифтом. В один прекрасный день Ицхак поведал мне, что это «машинка Разумного»! Я был поражён: ведь этой машинки тщетно домогались еврейские активисты; каким же образом Ицхаку удалось ее заполучить? Ицхак довольно улыбнулся: «Назавтра после того, как вдова продала мне свою машинку, она мне позвонила и сказала: „Мне кажется, что я продешевила!“ „Не волнуйтесь, мадам; скажите, сколько вы ещё хотите, и я немедленно привезу вам деньги на дом!“». После этого мадам Разумная в сердцах призналась Ицхаку, что такого благородного мужчину она видит впервые в жизни.

В евреях Ицхак не любил качество, которое называл «быть маменьким сынком». В качестве носителя такого качества он приводил в пример К. — одного из первых *баалей-тшува* нашего города. По словам Ицхака, К. подыскали жену — религиозную еврейку из Грузии по имени Манана, однако К. оказался «маменькиным сынком», и потому Манана перестала соблюдать заповеди и сбежала от него уже в Израиле. Впоследствии Манана умерла. Как я понял, Ицхак с супругой поддерживали с ней хорошие отношения вплоть до её смерти.

Замечу, что я обращал внимание на халатное, небрежное соблюдение Ицхаком законов *йихуда*. *Йихуд* — еврейские законы, запрещающие мужчине уединяться с посторонней женщиной. Есть способы, как избежать подобных нарушений; например, в квартире оставить открытой входную дверь, и тому подобное. Я ему не раз на это указывал, однако у Ицхака всегда были отговорки типа: «Когда я открываю входную дверь, заходят чужие люди»... Однажды, в ответ на мои очередные претензии по поводу *йихуда*, Ицхак рассказал, что знает случай, когда религиозная еврейка ехала в двухместном купе междугороднего поезда с неевреем! «Ну, а что ты на это скажешь?» — спросил меня Ицхак. Через несколько лет, уже совсем в другой ситуации, Ицхак поведал эту историю в деталях. Еврейской религиозной женщиной оказалась Манана, а неевреем — Ицхак (тогда — ещё Владимир). Среди ночи Манана проснулась и стала в ужасе кричать: «Володя, Володя!», а Владимир её успокоил: «Всё хорошо, Манана, всё хорошо!» Так Ицхак проиллюстрировал тот факт, что К. был «маменьким сынком», и поэтому — по мнению Ицхака — Манана от него сбежала. Когда перед отъездом этой семьи

в Израиль Ицхак посетил их дом, он был возмущён тем, что святыне еврейские книги у них лежали стопками на полу, а Манана ходила без чулок, вынудив его «смотреть на её волосатые ноги». А что касается законов *йихуда*, то мне показалось, будто Ицхак считает, что в этой сфере он, подобно ангелу, практически лишен *йецер а-ра*, и потому законы *йихуда* к нему не относятся.

С пиететом Ицхак отзывался о раввине Йеуде Г., которого противопоставлял коллегам по *йешиве*-патрону. Ицхак говорил о раве Г.: «Он не пойдёт по бабам, он ведь уже и так всю Америку в своё время отымел, и в канаве там валялся! Но *тишуву* он сделал настоящую — из глубины души. Он стоял в нескольких шагах от *хупы* (свадебный балдахин) с *гойкой*, но понял: дальше идти некуда! Свой настоящий *шидух* (чистокровную чешскую еврейку) Йеуда нашел у Стены Плача». Ицхак рассказывал, что с Йеудой Г. познакомился в *йешиве*, когда рав Зильбер попросил Йеуду позаниматься с Ицхаком «*Кицур шулхан арухом*» в преддверии ицхакова *гиюра*. По словам Ицхака, между ним и Йеудой Г. с первого взгляда возникло полное взаимопонимание.

Я рассказал Ицхаку, как на рубеже восьмидесятых–девяностых к нам в Ригу приезжал Леон Юрис, автор знаменитого романа «Эксодус». Он выступал в большом зале Латвийского Общества Еврейской культуры (ЛОЕ-Ка). Тогда один еврей задал писателю вопрос о творчестве Фейхтвангера. Юрис ответил, что этого писателя не читал, и потому ничего не может сказать. В зале почувствовалось волнение: для интеллигентных евреев Риги Фейхтвангер казался важным символом принадлежности к еврейской культуре. Я же послал Юрису записку с вопросом: еврейский народ — это единая этническая

сущность или же конгломерат разных народов, объединенных единой религией? Юрис поднял глубокомысленный взор и сказал, что «это очень интересный вопрос», но далее отвечал приблизительно так: «Вот, мол, в своё время я написал „Эксодус“ — роман о еврейском народе, а сейчас вот пишу об ирландцах — тоже народ выдающийся и свободолюбивый. И вообще, жена моя, после того, как прошла гиюр, с удивлением отметила, что в ней самой и в её жизни ничего ровным счетом не изменилось»... То есть тем, что гиюр его жены был формальным, Юрис как бы даже похвастался.

После завершения встречи один из наших еврейских деятелей проводил гостя в малый зал, где его уже ждал Еврейский детский хор — всеобщая гордость рижских евреев. Специально для Юриса хор исполнил еврейскую народную песню. Когда дети закончили петь, Юрис в качестве благодарности за оказанный почёт и высокое искусство показал юным певцам пальцами «козу-дерезу!» Я тогда почти потерял дар речи: ничего подобного от знаменитого писателя не ожидал. А вот Ицхак совершенно неожиданно для меня отреагировал на рассказанную мною историю так: «О! Теперь я стал Юриса уважать!»

Ещё одного «маменькиного сынка» по определению Ицхака, Сендера К., я помню с момента *брит-милы*, которую он сделал в первый приезд д-ра Сифмана в Ригу. Тогда Сендер ещё регулярно не посещал *Бейт-мидраш*. На *брит-миле* он вел себя как-то вызывающе самоуверенно и бравировал, обращаясь к присутствующим с сентенциями вроде следующей: «А ты уже использовал по назначению свой кашерный аппарат?»

Через несколько месяцев Сендер стал регулярно

приходить в *Бейт-мидраш* и, по всей видимости, потерял работу, потому что Ицхак взял его на полный пансион. Ицхак почему-то изменил данному слову после Артура Ш. «больше никому здесь не делать санаторий». Со стороны Сендера К., однако, переход на полный пансион к Ицхаку был роковой ошибкой — Сендер попал в полную от него зависимость. Где-то с полгода Сендер, женатый, кстати, на еврейке, «пансионился», усиленно изучал *Гемару* и прочее в течение полного дня — до того момента, когда Ицхак взялся за его жену: «А почему она не ходит в *микву*?» Ицхак в этом грехе обвинял не столько жену, сколько самого Сендера, который не может «загнать ее в *микву*». А нам он говорил: «Сендер — маменькин сынок; жену надо приласкать, погладить, и тогда она сама всё для мужа сделает, в том числе и в *микву* побежит!» В итоге Ицхак отправил Сендера искать работу. Я слышал, что, в конце концов, эта история закончилась не очень хорошо: Сендер сбежал в Израиль, оставив жену.

В тот период, когда Сендер был ещё в числе учеников *Бейт-мидраша*, по моей инициативе Ицхак созвал заседание для выяснения еврейства парня по имени Герман. «Заседали» Дима Ч., Сендер К. и я. Германа привела в *Бейт-мидраш* его мама, утверждавшая, что и со стороны отца, и со стороны матери она еврейка. По документам, которые она показала тогда Ицхаку, она всё же еврейкой не числилась. Но эта женщина принесла какие-то архивные бумажки, по которым якобы прослеживалось её еврейское происхождение. Она сообщила Ицхаку о своей цели: она хотела, чтобы в паспорте ей поменяли запись национальности на «еврейка», а также поменяли в её документах имена —

«Пётр» на «Пинхас», например, и таким образом она получит возможность уехать с детьми в Германию. Для достижения этой цели она хотела получить справку от Ицхака о своем еврействе и его «заключение» о том, что русские имена в её документах — на самом деле еврейские, но «написаны в русской транскрипции». На основании этой справки она надеялась получить письменную рекомендацию Языковой комиссии Латвии для Министерства внутренних дел — исправить русские имена, фигурирующие в её документах, на соответствующие еврейские. Ицхак, конечно, никаких справок ей не выписал, но предложил Герману учиться в *Бейт-мидраше*, представив его нам как человека с не до конца выясненным происхождением, нуждающемся в «*гиюре ле-хумра*». «*Гиюр ле-хумра*» (иврит) — переход в еврейство, осуществлённый лицом сомнительного происхождения (по поводу которого есть вероятность, что он всё же на самом деле является евреем). Этот вид гиюра применяется, согласно еврейскому Закону, к общинам, происхождение представителей которых является сомнительным (как, например, «эфиопские евреи» и «Бней Исраэль» из Индии). Однако в наши дни «*гиюр ле-хумра*» применяется некоторыми раввинами также для «обгиюрования» обманщиков, подделывающих документы или другими подобными способами ложно демонстрирующих своё еврейство.

В один прекрасный день Ицхак попросил меня, чтобы я стал заниматься с Германом. Я наотрез отказался обучать его Устной Торе, хотя Ицхак пытался меня убедить: ведь в данной ситуации, якобы, речь идет только о «*сафеке*» (сомнение, сомнительная ситуация), а не о стопроцентном *гое*. Благодаря моим родителям я

был более или менее материально независим, и поэтому давить на меня Ицхак решался только в исключительных случаях. Дело происходило после моей поездки в Израиль, когда я купил там множество священных книг, которые привёз с собой, так что мог преспокойно учиться дома. Собственно, этим я и занимался в периоды обострения отношений с Ицхаком. Я заявил Ицхаку, что с Германом могу учить только иврит и *Пиркей Авот* (раздел *Мишны*, в котором излагаются еврейские этические ценности).

Так я стал с ним заниматься, выбирая мишнайот, в которых отражаются общечеловеческие этические ценности. *Мишна* — это часть Устного Закона, переданного, согласно традиции, Всевышним Моисею на горе Синай вместе с Пятикнижием (Письменной Торой). Со временем, когда возникла опасность, что устное учение будет забыто, мудрецы приняли решение записать его в виде *Мишны*. *Мишна* содержит 63 трактата в 6 разделах (трактаты подразделяются на главы, а главы — на отдельные законы, каждый из которых называется, как и вся книга, — «мишна»). Но в один прекрасный день мне эти занятия надоели, и я потребовал от Ицхака выяснения статуса Германа. На это Ицхак отреагировал предложением созвать «заседание раввинского суда». Пришла мама Германа и принесла свои бумажки, приговаривая при этом, что «лучших документов и быть не может». Тогда я мало что в этом понимал, но и мне показалось странным, что цепь между ее «прапрабабушкой» и «прабабушкой» связывалась через какое-то нотариально заверенное показание свидетелей о еврейской девушке, которую якобы родители привезли из Одессы в некое село, чтобы выдать её там замуж за *гоя*. Сендер

сразу почувал неладное и стал недвусмысленно намекать, что намерен голосовать за то, что эта женщина является нееврейкой. Дима Ч., который во всём оглядывался на босса (так в разговорах с другими он иногда называл Ицхака), вышел на совещание с Ицхаком. Вернувшись, он дал понять, что будет голосовать за то, что эта женщина — еврейка. Я решил: ведь и на самом же деле история непонятная; ну, так пусть Герман и останется по-камест «сафеком». На том и порешили.

Герман, в принципе, был неплохим парнем, только мне казался туповатым. Ицхак, непонятно — всерьез или шутя, — заявлял нам, что готовит его к поездке в Москву в раввинский суд рава Гольдшмидта, «на гиюр». Каким же образом проходит «подготовка»? Ицхак помогает Герману «выучить наизусть (!) историю своей семьи» (понятно, для Гольдшмидта). В конфиденциальных же беседах со мной Ицхак говорил, что Герман так же далек от *гиюра*, как, фигурально выражаясь, от планеты Сатурн.

В конце концов, я сказал Ицхаку: «Не понимаю, что происходит с Германом! Может, он занимается онанизмом, и из-за этого он такой тупой?» «Онанизм — это личное дело каждого», — парировал Ицхак. Но заниматься с Германом я перестал.

Уже не помню к чему, но Герман однажды рассказал нам, что он любит поэзию Цветаевой. Услышав это, Ицхак сморщился, как от вида дохлой крысы: «Она же была лесбиянкой!» Герман смутился и робко попытался защититься: «Но у неё были высокие чувства...». Ицхак был непреклонен: «Это — мерзость!» Я решил «для прикола» защитить Германа и при этом «подзудить» Ицхака (поэзия Цветаевой меня никогда не интересо-

вала): «Согласно Рамбаму (один из крупнейших еврейских законоучителей периода Средневековья), лесбиянство — в отличие от гомосексуализма — не является одним из видов разврата, а лишь формой непристойного поведения». Но Ицхак был непреклонен: «Лесбиянство — мерзость».

Эту историю я вспомнил через несколько лет, когда уже жил в Израиле и присутствовал на уроке Торы, который давал рав Ицхак Зильбер. Один из слушателей спросил: «Рав Ицхак, а лесбиянство разрешено по Торе?» Рав Зильбер спокойно, без эмоций ответил: «Разрешено», и сразу же продолжил урок, не дав присутствующим возможности развить тему. Очевидно, что он не спорил с Рамбамом, а просто хотел наиболее доступно выразить ту мысль, что, в отличие от гомосексуализма, за который по Торе полагается смертная казнь, лесбиянство считается гораздо более лёгким грехом.

В связи с Германом я вспоминаю и Эмиля. Это был грузный молодой человек с печальным лицом, на мой взгляд — немного странный. На первых порах Эмиль, приходя в *Бейт-мидраш*, сразу стучался в комнату Ицхака и подолгу там просиживал. Ицхак нам потом поведал, что Эмиль находится на психиатрическом учёте, и что его собственные родители «сдали его в психушку» из-за того, что он хотел уехать в Израиль.

Однажды я — вместе с кем-то, уже не помню, с кем — был у Эмиля дома для того, чтобы повесить *мезузы*. Эмиль жил в квартире вместе с мамой, типичной советской еврейкой — фармацевтом, и женой — приятной и кроткой еврейской девушкой, раза в три меньшей по габаритам в сравнении с Эмилем. Эмиль рассказы-

вал, что его жена очень стесняется своих родителей — бедных и малообразованных евреев.

Заниматься с Эмилем было поручено мне. Но мне было очень тошно слушать, когда Эмиль нудно рассказывал историю о том, каким образом он сошёл с ума. «Квинтэссенция» его рассказа заключалась в том, что с ума он сошёл из-за «усиленного занятия онанизмом». Очевидно, что не только меня, но и других, в том числе и Ицхака, Эмиль доставал своими откровениями, потому что в один прекрасный день Ицхак заявил публично: «Эмиль гонит туфту: все занимались онанизмом, и никто от этого ещё с ума не сошел». По-видимому, определённое внушение было сделано и самому Эмилю, потому что разговоры про онанизм прекратились.

В какой-то период Ицхак назначил Эмиля «завхозом» — с зарплатой. На этом поприще Эмилю пришлось на своей шкуре испытать всё непостоянство ицхакова характера. Вообще со своими подчиненными — поварами, уборщицами — Ицхак поступал как африканский царёк. Помню, например, как он уволил одну уборщицу, когда обнаружил после её уборки слой пыли на холодильнике. Реакция была незамедлительной: кому-то из своих учеников Ицхак приказал на завтра встретиться с уборщицей в городе на нейтральной территории и передать ей её последнюю зарплату! (Это вместо того, чтобы с ней по-человечески поговорить и в точности изложить свои требования).

Как завхоз, Эмиль в очередной раз выполнил задание Ицхака что-то организовать. И уже после того, как он проделал работу и обо всём договорился, Ицхак вдруг дал «отбой» мероприятию. Эмиль был в отчаянии. Вскоре, как и следовало ожидать, он был освобождён

от своей должности. Одновременно с закатом своей зав-хозной «карьеры» он прекратил регулярно появляться в *Бейт-мидраше*.

Ицхак очень уважал рава Хаима-Меира К. Этот раввин, в прошлом — румынский подданный, был в своё время заключённым ГУЛАГа. Когда Ицхак нашёл-таки Йеуде невесту и тот женился, Ицхак был очень горд тем, что, в конце концов, исполнил наказ, данный ему рабби Хаим-Меиром. Уважаемый раввин, даже будучи смертельно больным, когда Ицхак его посещал, первым делом буквально умолял его «женить Йеуду». Но еврейских религиозных девушек в нашем городе практически не было. Те немногие, кто посещал организованные Ицхаком «женские уроки», возможно, находились на определённом уровне приближения к исполнению заповедей, но, тем не менее, религиозными в полном смысле этого слова не были. Впоследствии, через некоторое время после женитьбы Йеуды, все эти уроки Ицхак прекратил. Однажды он мне признался, что организовал их лишь с одной целью — найти *шидух* (сватовство, невесту) Йеуде. Но я не сомневаюсь в том, что Ицхак не закрывал бы их и после женитьбы Йеуды, если бы поступало мало-мальски достаточное финансирование.

Как рассказывал мне Ицхак, один *шидух* Йеуды распался из-за того, что мама невесты выдвинула обязательное условие: она потребовала, чтобы даже после *хулы* (брачной процедуры, совершённой по еврейскому религиозному Закону) молодожёны, выражаясь словами Ицхака, «в кроватку не пошли, пока не зарегистрируют свой брак в ЗАГСе». Ицхак мне говорил, что впоследствии эта девушка вышла замуж за еврея, но религией

в её семье «даже не пахло». Когда Ицхак об этом рассказывал, его глаза выражали сожаление, а лицо показалось мне вдруг похожим на мордочку морской свинки, — такое же невинное и незащитное. Никак не мог понять Ицхак, почему девушка, которая в его глазах была уже почти религиозной, в итоге всё бросила. Или, возможно, Ицхака подсознательно мучила совесть из-за того, что именно он своими действиями отворотил её от еврейской религии?

Другую претендентку на статус йеудиной жены Ицхак отправил в Москву на учёбу, в женское учебное заведение рава Вайса. При этом вместе с ней Ицхак послал и другую женщину, желавшую пройти гиюр. Девушка доверилась ей и якобы раскрыла свои секреты, а именно: что религия её, на самом деле, нисколько не интересует, что Ицхак ей противен, а Йеуду она не уважает. Эту информацию женщина регулярно сообщала Ицхаку по телефону.

Когда невеста должна была вернуться из Москвы, Ицхак послал Йеуду на вокзал её встречать, наказав, что встретив, он должен «сесть с ней на скамеечку и вежливо объяснить, что между ними всё закончено». По словам Ицхака, когда Йеуда сказал ей всё это, она «схватила Йеуду за член» (!). Потом Йеуде звонили из упомянутого женского учебного заведения и пытались его увещевать: «Как ты смеешь? А ещё религиозным называешься...».

Другая претендентка, видимо, демонстрируя свою религиозность, собралась отнести свою посуду на окунание в *микве*. Йеуда должен был ей в этом помочь, ибо она точно не знала, как это делают. Информаторы, однако, доложили Ицхаку, что в *микве* девушка планирует

Йеуду соблазнить, чтобы проверить, подходит ли он ей в сексуальном плане. Ицхак в этой ситуации поступил изящно: вместо Йеуды он послал в *микву* на встречу к «девушке с посудой» Цви Л., ровесника Ицхака. Девушка «обломалась», и *шидух* завершился.

К слову, Цви ещё раз в своей жизни оказал подобную услугу. Здесь он выручил уже не Йеуду, а Ицхака. Некий бизнесмен проявил внимание к Ицхаку и обещал дать пожертвование на *Бейт-мидраш*. Для этой цели он попросил Ицхака приехать в гостиницу на взморье — на встречу с ним. Ицхак же сделал контрпредложение: встретиться на территории *Бейт-мидраша*, от чего бизнесмен категорически отказался. Тут-то Ицхак и стал подозревать неладное: почему же так важно, чтобы Ицхак приехал в гостиницу? уж не собираются ли его там соблазнить, а потом скомпрометировать? — и послал на встречу вместо себя Цви. По словам Цви, ему немедленно был задан вопрос: «А где Ицхак?» Получив ответ, что Цви Л. в данном случае полномочный заместитель Ицхака, бизнесмен «с досады аж сплюнул и выругался матом». Всё это Ицхак рассказал нам с довольной улыбкой.

Возвратимся к *шидухам*. По всей видимости, Ицхак был измотан *шидухами* Йеуды, так что, хотя он и понимал, что остальных парней нашего *Бейт-мидраша* тоже надо сватать, их он кормил лишь обещаниями. Разве что иногда отговаривался, что «ты, мол, ещё не готов». Ицхак делал вид, что он «ищет и ищет, но ничего не может найти», — а на самом же деле бездействовал, не прилагая для поисков ни малейших усилий. Но он был заинтересован как можно дольше держать ребят у себя, и по-

этому отговаривал их от отъезда в Израиль. Причиной такого подхода не в самую последнюю очередь был его страх, что *Бейт-мидраш* опустеет окончательно.

Дима Ч. тоже был в числе «ожидающих». Когда я уже жил в Израиле, Ицхак мне рассказал, что в *Бейт-мидраше* в тот период поварихой работала нееврейка. Она понравилась Диме, который, конечно, стеснялся Ицхака и ничего ему не говорил. Но в один прекрасный день Димины родители обратились к Ицхаку с претензией: «Почему ты, Ицхак, противишься *гиюру* поварихи?» Как для Ицхака, так и для самой поварихи было неожиданностью узнать как про *гиюр*, так и вообще про то, что Дима ею интересуется.

И на сей раз проблема была решена «изящно». Как-то вечером сидели Ицхак и Дима в *Бейт-мидраше*. Дима покуривает трубку, а Ицхак по-дружески рассказывает Диме, как бы между прочим, что он видел, как какой-то ухажёр усаживал повариху в свой автомобиль. «Какая скромная на вид, а вот оказывается, и ухажёр у неё есть», — заметил Ицхак. Дима промолчал, углубившись в курение своей трубки. Можно лишь предположить, какую душевную травму он получил от этой выдуманной Ицхаком истории с ухажёром! Но так Ицхак спас парня от страсти к нееврейке, и это с его стороны было большой *мицвой* (исполнением заповеди, благим деянием).

Я тоже однажды пережил разочарование, причину которого поначалу объяснял непостоянством ицхакова характера. Ицхак с Йеудой послали меня с Мишей С. на базар закупать продукты на *шабат*. Мы с Мишей постарались, как могли, и принесли всё, что купили, в *Бейт-мидраш*. Каково же было моё удивление, когда Йеуда нам сообщил, что по непредвиденным обстоя-

тельствам *шабат* сегодня в *Бейт-мидраше* не состоится! Для меня это было как гром среди ясного неба, ощущение было мерзкое. Не помню уже, объявил ли тогда Йеуда каникулы. Но сегодня я понимаю, что если объявил, — это означало, что у Ицхака внезапно начался запой, что и было причиной отмены *шабата*.

Миша С. впоследствии сыграл с Ицхаком злую шутку. Ицхак организовал Мише поездку на учёбу в Израиль, в русскоязычную *йешиву*. Мишины родители в разводе: его отец с новой семьёй живёт в Израиле. Ицхак с Мишей летели в самолете вместе. По рассказам Ицхака, когда он предложил Мише какое-то угощение, тот отказался, заявив, что он «ещё не помолился *маарив*». (*Маарив* — вечерняя молитва. Еврейский Закон запрещает начинать трапезу с хлебом, не помолившись *маарив*, однако лёгкий «перекус» разрешён). Когда они прилетели, Миша попросил разрешения первым делом посетить своего отца, и Ицхак согласился. Но вот прошли день, два, три, неделя — а Миша в *йешиве* так и не появился! Ицхак позвонил его папе, а тот говорит: «В *йешиву* Миша не приедет. Я показал ему израильских мальчиков и девочек, и ваша религия его больше не интересует!» Эта история была тяжёлой пощечиной для Ицхака. Помимо этого, насколько я понял, Ицхаку пришлось из своего кармана возратить 400 долларов *йешиве*, оплатившей Мише билет.

Примерно через полгода после возвращения из Израйля Миша С. вновь сделал *тишуву*. Я встретил его на улице рядом с *Бейт-мидрашем*, неуверенно мнущегося: зайти или не зайти? Я сказал ему: «Что мнётся?» и повёл в *Бейт-мидраш*. К чести Ицхака будет сказано,

что он принял Мишу как ни в чём не бывало, никогда не напоминал ему о прошлом и ни разу не попросил его вернуть 400 долларов.

К сожалению, через некоторое время Миша опять бросил религиозную учёбу и стал работать проводником в междугороднем поезде. Однажды мама одного мальчика, который в тот период посещал *Бейт-мидраш*, попросила проводника — которым по воле случая оказался Миша — передать посылку со съестным, в том числе колбасу, по прибытии на место назначения — кажется, в Минск. Посылку Миша, однако, не передал, объяснив, что её отобрали на таможне. Ицхак, направляясь из коридора в заднюю комнату *Бейт-мидраша*, на ходу и как бы невзначай, спокойным голосом, но со скрытым ехидством бросил реплику: «Сожрал колбасу с проводницами!»

Привожу это высказывание, чтобы показать, с какой лёгкостью Ицхак был готов *«лэламэд хова»* (делать негативные выводы) о другом человеке.

Сегодня Миша живёт в Америке, он пополнил и полысел. Однако самое главное в этой истории — это то, что он женился на еврейке и родил еврейских детей. Задним числом можно сказать, что в этом существенном факте есть и определенная заслуга ицхакова воспитания, которое, как ни скажи, но Миша всё-таки получил.

Прочитав эти строки, Миша написал мне в письме: «Честно, не помню историю с колбасой, но скажу точно, что если сказал, что отобрали на таможне, — значит отобрали. Мой брат Илья в курсе насчёт таможни, так как сам столкнулся с этим...

В Израиле меня должны были встретить представители йешивы, но так как этого не произошло, Ицхак,

светлая ему память, предложил отвезти меня к отцу. Я был тогда семнадцатилетним парнем, впервые попавшим за границу, и моему отцу было несложно переубедить меня — отказаться от йешивы. Конечно, этот поступок долго терзал меня, но я нашёл небольшое утешение, когда во время одной из поездок в Ригу из Америки я пожертвовал тамошней синагоге тысячу долларов...

Сейчас я благополучно живу в штате Орегон с любимой женой и тремя чудными детьми. Старшему скоро исполнится 17 лет, среднему сейчас 9, а моя младшенькая родилась только полтора месяца назад. Я живу в доме стоимостью в полмиллиона, работаю в 10 минутах от дома на машине (20 минут на велосипеде) с годовым окладом в шесть цифр (не считая центов). Зимой катаюсь на лыжах; летом велосипед, альпинизм, походы; путешествую круглый год. Но самое главное, я благословен быть в окружении моей семьи, братьев, родителей, и даже бабушки с дедушкой, здоровья им и долгих лет. Бейт-мидраш дал мне жизненный урок. И хоть я не молюсь и не соблюдаю все обряды, я глубоко верю в Бога, в большинстве случаев придерживаюсь кашрута, всех праздников и постов».

Последние слова Миши были для меня открытием, ибо я почему-то думал, что он стал антирелигиозным.

Я тоже не раз оказывался жертвой ицхакова свойства скоропалительно делать негативные выводы; один случай кажется мне очень смешным. В один из периодов напряжения в наших отношениях с Ицхаком я не ходил в *Бейт-мидраш*, и нееврейский мальчик Денис доложил Ицхаку, что я якобы прихожу в Еврейскую светскую школу и накладываю там ребятам *тфил-*

лин вместе с хабадниками — страшный грех в глазах наших «бейт-мидрашников»! Худшего «моци шем-ра» (злословия и оговора) я — тогда пламенный и почти патологический антихабадник — себе и представить не мог! Об этом курьёзе рассказал мне Гриша Й.; по его словам, Ицхак склонялся поверить в этот бред.

В целом же об уровне ицхаковой точности, когда он рассказывал о других людях, свидетельствует следующий эпизод. Однажды на улице Ицхак показал мне на немолодого высокого еврея с пучком волос, собранных «в хвостик», который шёл по противоположной стороне улицы. Ицхак рассказал, что этот еврей уклонялся от службы в советской армии, симулируя энурез. Через двадцать лет, посетив Ригу с кратковременным визитом, я познакомился с этим евреем — Соломоном А., у которого, между прочим, несколько высших образований, среди которых математическое, астрономическое, художественное. Я стал расспрашивать его об Ицхаке, и он мне рассказал, что они действительно вместе лежали в психиатрической больнице. Соломон лечился там от энуреза, который возник у него вследствие нервного перенапряжения от выпускных школьных экзаменов, а Ицхак (то бишь Володя) — симулировал, чтобы «откосить» от армии!

Какое же его состояние, трезвое или пьяное, отражало глубинные, истинные фибры его души? А может, и само стремление к запоям у него было вызвано подсознательным желанием «вернуться к самому себе»? Как Ицхак, так и его супруга в определённой мере винили в его алкоголизме колдовство. Так, после очередных «каникул» (тогда я ещё не знал про его алкоголизм), я застал Ицхака за распарыванием подушек.

В одной из них он якобы нашёл записку с колдовской формулой. Таким образом, он сделал вывод, что его заколдовали.

После смерти Ицхака его вдова мне рассказала, что в один из своих запоев он ей позвонил и сказал: «Посмотри газету» — уже не помню, какую. У коллеги на работе она попросила газету, а в ней было объявление об услугах колдуньи, избавляющей от колдовства. Впоследствии, протрезвев, Ицхак был очень удивлён и сказал, что ни про какую газету он ничего не знает и жене не звонил. В связи с этим госпожа Хана сделала вывод, что ей звонили какие-то потусторонние силы или же просто произошло чудо.

Когда Хана пришла к колдунье, та зажгла свечи, и от них пошёл чёрный дым. «Плохо дело», — заключила колдунья. Хана пришла к раву Зильберу со страшной вестью: «Ицхака заколдовали!» На это рав Зильбер ответил: «В наше время колдовства нет!» Вскоре Ицхак поправился — очевидно, в заслугу молитв праведного раввина.

Чрезвычайно серьёзное отношение к колдовству и, вообще, ко всякой чертовщине проявлялось у Ицхака также и в других формах. Так, однажды он с многозначительным видом раскрыл перед нами молитвенник с русским переводом и ткнул пальцем в слова молитвы, в которой мы просим Всевышнего оберечь нас от сатаны. «Так ведь есть сатана на свете!» — воскликнул Ицхак с каким-то непонятным восторгом, дав нам понять, что нет никакого другого способа спастись от сатаны (так он силён!), как только с помощью молитвы Всевышнему.

В другой раз он с миной омерзения на лице рассказал, что в предисловии к какой-то религиозной книге,

опубликованной на русском языке, написали, что чертей не существует — или что-то в подобном духе. Ицхак то ли вырвал эти листы, то ли зачеркнул эту, по его мнению, крамолу (детали уже точно не помню).

А недавно я, кажется, понял корень всего этого. Если верить Льву Гумилёву, то для православного христианства характерен дуалистический подход, в чём-то сходный с зороастризмом. Согласно православной доктрине, Всевышний дал сатане автономию и свободу в действиях до поры до времени (на иврите подобный подход называется *«штей решуйот»* — форма идолопоклонства, в которой «злomu началу» люди ошибочно приписывают самостоятельную силу). В католицизме же, согласно Гумилёву, доктрина в данном аспекте более близкая к иудаизму: западные христиане считают, что сатана — не более чем «служка», выполняющий «особые задания» Всевышнего (приблизительно так Гумилёв написал в своей книге «Древняя Русь и Великая степь»).

Всё-таки оказалось, что православное мироощущение Ицхака с гиюром никуда не исчезло. Но интереснее тот факт, что, несмотря на атеистическое воспитание и материалистическую среду, в которой он рос, православное мироощущение было у него в крови. И не помешала этому даже немецкая философия, которой он был прямо-таки напичкан!

А вот другой пример. К нам приехал преподавать Михаэль А. *Рош-йешива* рав К. попросил Ицхака принять этого сотрудника в качестве личного одолжения. Ицхак составил для него расписание, которое начиналось с девяти часов утра. Михаэль же, со своей стороны, ни разу не пришел на свое первое занятие; видимо, он определил для себя, что его рабочий день начинается

в десять. Ицхак негодовал: «Он по ночам пишет *мезузы*, а утром не может встать!» — но в глаза Михаэлю ничего не говорил. После его отъезда Ицхак написал *рош-йе-шиве* отчёт, где указал на все проступки Михаэля. По словам Ицхака, когда *рош-йе-шива* читал отчет, его лицо потемнело. Сомневаюсь, посылали ли Михаэля после этого ещё раз в какой-либо *шлихут*.

Однако не все проступки Михаэля были указаны в отчёте. Некоторые из них были осмеяны Ицхаком конфиденциально в кругу учеников. Так, на банном полотенце Михаэля, висевшем в общей душевой, Ицхак усмотрел что-то вроде фигурки голой женщины. Кроме того, Михаэль давал нам уроки *софрута* (искусства еврейского сакрального письма), и на доске был им нарисован, по всей видимости, *кульмус* — специальное перо, которым *софер* (переписчик) пишет священные тексты. Доску не вытерли, а на следующий день, увидев рисунок, Ицхак с воодушевлением воскликнул: «Это же ...!» (*нецензурно*), давая нам понять, какое же, якобы, низкое существо этот Михаэль.

Впоследствии выяснилось, что доля истины в таком подозрении, к сожалению, была — Михаэль женат на непонятно каким образом «*обгиюренной*» *гоюхе*.

Ицхак ненавидел проявления мелочности, или, как он говорил, «жмотства». Для него было противно, когда Михаэль на субботних трапезах выносил из своей комнаты привезенные из Израиля конфеты и раздавал каждому по штучке, вместо того, чтобы выложить коробку конфет на стол. Ицхак вежливо отказывался от своей «порции», и так же поступал подражавший Ицхаку Дима Ч.

Особое презрение в глазах Ицхака заслужил Миха-

эль, когда попросил Ицхака заплатить ему за грошовые *сойферские* чернила, которые мы попросили Михаэля оставить. Ицхак заплатил ему, не подав и вида, но нам потом он высказал всё, что на эту тему думал.

Сам же Ицхак, как мне помнится, ни в коей мере не был жмотом. Иногда он дарил нам подарки, делая это, по возможности, конфиденциально и тонко чувствуя, от чего человек получит подлинную радость. Мне, например, он подарил трёхтомник некодифицированных молитв «на все случаи жизни». Я его искренне поблагодарил, на что Ицхак выдал нечто совершенно неожиданное: «Это я должен тебя благодарить за то, что я на хаяву присоединился к еврейскому народу!» Не знаю, почему благодарить нужно было именно меня — ведь я не имел ни малейшего отношения к его *гиюру*. Но я почувствовал, что всё это он сказал совершенно искренне. Эти слова вышли из глубины его сердца, и, вне всякого сомнения, они свидетельствуют о том, что, невзирая на всю свою противоречивость, Ицхак был, тем не менее, выдающимся человеком.

Когда Михаэль был у нас, Ицхаку ещё не было известно о том, что *гиюр* жены Михаэля, мягко выражаясь, оставляет желать лучшего. Через некоторое время после отъезда Михаэля к нам приехал новый преподаватель, посланный равом Зильбером и потому принятый Ицхаком поначалу без пререканий — младший брат жены Михаэля, Гершон Л. Но протекция рава Зильбера ему не особо помогла, и Ицхак с Гершоном уже спустя короткое время были «на ножах». Это не помешало Ицхаку рассказать мне о добрых поступках матери Гершона, к которой Ицхак ходил советоваться в первый период своей жизни в Израиле. «Все ходили советоваться к рав-

винам, а я к Л.!» — смеялся Ицхак. Однако его отношение к ней резко переменялось после отъезда Гершона, когда друг Ицхака рав Йеуда Г. сообщил ему, что *гиюр* Л. и её детей, в том числе Гершона, весьма сомнителен. В советское время этот акт проходил подпольно, а точные детали *гиюра* остались неизвестными и вряд ли могут быть выяснены. Тут-то Ицхак дал волю своему презрению по отношению к Л.-матери, которая, по словам рабби Йеуды Г., пришла скандалить в *раббанут* по поводу непризнания её *гиюра* и поначалу отказывалась «окунуться вторично»!

«Как бы то ни было, — подумал я, мысленно обращаясь к Ицхаку, — ведь она сделала тебе, Ицхак, добро; и в данном аспекте совершенно неважно, еврейка она или нееврейка. И как ты можешь так быстро об этом забыть?» Но в глаза сказать ему это мне не хватило духа.

Да, Ицхак мог моментально поменять свое мнение о человеке. Например, о раввине Б. он отзывался уважительно — до того момента, как о последнем стали ходить дурные слухи. Для Ицхака, впрочем, непроверенных слухов оказалось вполне достаточно, и с тех пор он в беседах со мной называл рава Б. не иначе как «раввин-гинеколог». В один прекрасный день дело дошло до того, что Ицхак стал рассказывать мне параноидальные басни о каких-то специальных «публичных домах для раввинов», где якобы работают девушки, отличающиеся кристальной белизной тела, «без единого пятнышка».

ГЛАВА 20. ВШИВАЯ СПЕСЬ, ИЛИ «КИТАЙСКАЯ МЕСТЬ» И РИМСКИЙ ПАПА

Особая тема — ицхакова гордость. Как читатель уже мог убедиться, Ицхак был незаурядным человеком: сын гэбиста и одновременно диссидент; русский писатель — и поклонник латышского языка и культуры; ценитель классической музыки, знаток философии и права — и хронический алкоголик без всякого академического образования; принципиальный противник тоталитаризма — и тиран в своей собственной вотчине; бескорыстный спаситель — и интриган. На святом языке это называется «носэ афахим» (заключающий в себе противоположности) и, безусловно, свидетельствует об определенной искре святости.

Мне он рассказывал и о том, что в юности его систематически преследовали сновидения, в которых он видел одни и те же незнакомые ему улицы и здания. Попав в Вильнюс, он все их узнал! Ицхак рассказывал, что в том же Вильнюсе «христианские начётчицы», когда он мимо них проходил, обращали на него — религиозного еврея с длинной бородой — внимание, и он чувствовал, что они делают это не просто из-за его внешнего вида. Рав Йеуда Г. сказал мне, что в последний период своей жизни Ицхак якобы видел через закрытую входную

дверь квартиры того, кто стоит за ней на пороге.

В общем, необычный человек. Отсюда, наверное, и гордыня, хотя сам он её отрицал. Но вот пример, который мне рассказала его вдова. Ицхак уезжал из Израиля и, как обычно, заказал место в маршрутном такси, направляющемся в аэропорт. В сопровождении жены он пошел к «маршрутке». Машина его уже ждала: по всей видимости, Ицхак должен был прийти раньше. С привычным израильским амикошонством водитель сказал Ицхаку: «Что, ребе, замешкался?» Услышав такое, Ицхак сунул водителю в лапу 20 шекелей и, к изумлению его и пассажиров, повернулся спиной к такси и пошёл обратно в сторону дома. Водитель выскакивает из машины, просит Ицхака вернуться — а тот ни в какую. Потом Ицхак с женой обсуждали этот случай, и она пыталась объяснить ему, что такое поведение — признак гордыни, но он с ней не согласился. По всей видимости, он считал, что это не гордость, а лишь самоуважение, и я думаю, что он был прав. Как бы там ни было, многим советским евреям не мешало было бы у него поучиться самоуважению. Хотя та форма, в которой он культивировал это качество, была не еврейской: это была видоизменённая «китайская месть». Существует история о том, как один злой китайский феодал лишил бедного крестьянина и дома, и имущества, и семьи. Тогда крестьянин взял и отомстил феодалу — повесился перед его окном.

Или вот другой случай: в рижском аэропорту работник паспортного контроля говорит Ицхаку: «Ваш паспорт недействителен!» — и показывает на пустую строчку, где должна была красоваться подпись Ицхака. В Израиле же не требуют расписываться в своём пас-

порте в присутствии чиновника: хочешь — расписываешься, не хочешь — не расписываешься. Но Ицхак не стал этого объяснять, а контролёр сказал «Проходите!» и поставил в паспорте печать. Ицхак потом признался: «Если бы он сказал мне расписаться, я бы взял паспорт и вернулся обратно — в *Бейт-мидраш* кушать кашу!»

Вообще Ицхака раздражали манеры поведения некоторых его знакомых, например, их навязчивая тенденция к «тыканью» (в Латвии односторонний переход «на ты», которому не предшествовало взаимное на это согласие, считается оскорбительным). Бесило его и их обыкновение не здороваться. Однажды Ицхак за это отыгрался. В Израиле он встретил на улице бывшего соученика по *йешиве* и поздоровался с ним. Тот отреагировал: «Я не узнаю вас. Напомните мне, пожалуйста, кто вы?» «А вы постарайтесь вспомнить!» — задорно сказал Ицхак и пошёл дальше, оставив собеседника в недоумении. «Наверное, подумал, что какой-то большой раввин с ним поздоровался!» — со смехом рассказывал потом Ицхак.

Еще один пример, рассказанный им самим. Когда Ицхак учился в *йешиве*, необходимые ему для учёбы книги, и в том числе и словари, он приносил с собой из дома, чтобы ни от кого не зависеть. Люди пользовались его словарями, полагая, что они общественные. В конце дня он собирал их по всему помещению и уносил обратно домой, а на завтра опять привозил. Однажды один из его коллег подошёл и раздражённо воскликнул: «А, вечно все словари у тебя!» — и схватил необходимое ему пособие. Ицхак никак не отреагировал, а в конце дня, как обычно, отыскивал книгу на од-

ном из столов и увёз домой.

Каждый день Ицхак привозил в *йешиву* чемоданчик, набитый святыми книгами — в нём были не только словари. Над Ицхаком смеялись: зачем тебе весь этот чемоданчик? Разве ты изучаешь эти книги? Ты в них хоть слово понимаешь? Однако Ицхак не поддавался «наездам» со стороны общества и продолжал ежедневно привозить и увозить свой чемоданчик. А рав Хаим-Меир К., с особой теплотой относившийся к Ицхаку, поддержал его: «После ста двадцати, на Высшем Суде, на чашу весов положат и этот чемоданчик тоже!»

Эта история свидетельствует о той огромной тяге к духовности, которая была у Ицхака. Он питал трепетный пиетет к книге «*Йесод ве-шореш а-авода*» («Основа и корень веры» — книга раввина Александра Зискинда, в котором раскрываются тайны служения Всевышнему на уровне тончайших побуждений души). Не знаю, сколько страниц в ней он смог прочесть, но он относился к ней так, как искренний и глубоко верующий деревенский житель относится к Библии. Уже один только этот факт свидетельствует о том, насколько духовным человеком в своей основе был Ицхак.

Однажды, когда я уже жил в Израиле, Ицхак преподнес мне изумительный урок этнопсихологии. В начальный период своего обитания на Святой Земле я какое-то время жил на «территориях», и часто до своего поселка (так называемого *ишува*) добирался *тремиом*, то есть автостопом. Однажды я не заметил, как сел в машину к водителю-арабу, а когда понял — страшно перепугался, но виду старался не подавать. Араб же благополучно довёз меня до места назначения и был очень мил. Когда в очередной раз Ицхак был

в Израиле, и мы встретились, я рассказал ему эту историю. Ицхак оживился и поведал мне, каким образом можно моментально отличить араба от еврея: «Если чувствуешь, что перед тобой русский человек — значит, это араб!» Сперва я Ицхака не понял, но постепенно проникся тонкостью и глубиной его наблюдения. Ведь, на мой взгляд, арабы ведут себя либо нарочито гостеприимно и дружелюбно (по типу «рубаша-парень»), либо по-хамски. А подобные стереотипы поведения, в принципе, характерны и для русских — с тем отличием, что русский человек, когда он ведёт себя, как друг, как правило, делает это искренне, а когда хамит — значит, ты это сам как-то спровоцировал. От чего у арабов зависит их поведение — для меня по сей день является загадкой. Евреи же, даже сильно ассимилированные и обрусевшие, никогда не достигают по своей интенсивности и аутентичности подлинной «русскости» в своем поведении. Но всю глубину ицхаковых слов я понял только недавно, когда прочел слова Н. А. Бердяева о том, что русские — суть восточный народ, а «европейскость» — это, хотя и существенный их пласт, но не сущностный. «Русский народ по своей душевной структуре народ восточный. Россия — христианский Восток, который в течение двух столетий подвергался сильному влиянию Запада и в своем верхнем культурном слое ассимилировал все западные идеи». (Цитирую по книге «Русский народ: Терминология, исследования, анализ», сост. Андреев А. Р. с соавт., Москва, «Кучково поле», 2001, стр. 346). Да, Ицхак, как это нередко бывало, зрел в корень!

Одним из любимых занятий Ицхака было уговари-

вать своих прихожан-школьников переходить в вечернюю школу, а студентов — брать академический отпуск. Так люди, с одной стороны, переходили на полный учебный день в *Бейт-мидраше* (положительный момент), а с другой — теряли остатки своей независимости (отрицательный). Ицхак считал ошибкой практикуемое в других русскоязычных (в том числе и в подмосковной) *йешивах* уговаривание учащихся бросить университет (даже на последнем курсе), оставляя их тем самым без профессии. По его мнению, такое «уравнивание» с коренными израильтянами, которые находятся совсем в ином положении, глубоко порочно и обманно: у израильтян есть возможность не приобретать профессию и не работать, посвящая всё свое время изучению Торы. В форме же академического отпуска Ицхак, как ему казалось, нашел компромисс между двумя подходами: с одной стороны, формально ты не прекратил учёбу в университете, а с другой — постоянно учишь Тору. Максима В. Ицхак поехал устраивать в вечернюю школу почему-то в тот самый день, когда к нам в город приехал Папа Римский Иоанн Павел II, знаток многих языков. Ицхак, хихикая, рассказал, что, когда они с Максимом появились в каком-то офисе, перед Ицхаком встали — решили, что он из свиты Римского Папы! Я почувствовал, что Ицхаку этот курьез пришелся по душе.

Но фальшь Ицхак не терпел. Однажды в *Бейт-мидраше* в присутствии Йеуды К., с трудом сдерживавшего презрительную улыбку, Ицхак попытался пропустить меня вперёд: «А не коэн ли ты случайно?» (Коэны — евреи из рода священнослужителей, потомки Аарона. Есть заповедь оказывать им почёт). Я почувствовал, что это розыгрыш, и тут Ицхак объяснился: «Раввин-миллионер

Авиэзер В. хотел пропустить меня вперёд, спросив, не *коэн* ли я?» — его лицо выражало сарказм. Конечно, упомянутый раввин хорошо знал, что Ицхак — прозелит, так зачем же играть в кошки-мышки? Но самому равву Авиэзеру Ицхак ничего не сказал, ибо реагировать на подобное было ниже его достоинства!

Или другой случай: *рош-йешива* попросил Ицхака поехать на семинар в Москву, сказав, что за места в гостинице заплачено (или это само собой подразумевалось, уже не помню). Ицхак очень не любил подобные мероприятия, но считал, что некрасиво и некорректно отказывать *рош-йешиве*. Ицхак заплатил из своих денег за визу и билет и поехал в Москву. В гостинице регистратор его спрашивает: «Будете расчётной карточкой платить за номер или наличными?» Ицхак потерял дар речи. Стали проверять списки и обнаружили, что вместо того, чтобы внести его в список бесплатных участников семинара, его поместили в список тех, кто должен за это платить! Ицхак схватил свой чемоданчик, повернулся спиной и пошел к выходу — на обратный поезд! Однако он не стал разбираться или звонить *рош-йешиве*, как поступил бы любой из нас. Его самолюбие на самом деле было задето. И реагировал он соответствующим образом: «китайская месть»!

Рав Авиэзер, приезжая в Ригу, непременно давал в *Бейт-мидраше* лекции. Ицхак никогда не выступал в качестве переводчика. Эту роль исполняли другие, в частности, однажды — я. Благодаря этому я с ним разговорился, и в личной беседе он рассказал мне с восхищением, что знаком с одним нашим земляком — *бааль-тшувой*. В его судьбе рав Авиэзер принимал непосред-

ственное участие. «Между прочим, — сказал он, — этот *бааль-тишув* в свое время был женат на *гойке*, латышке, а, став религиозным, оставил её. Впоследствии она сама приехала в Израиль и прошла *гиюр*, после чего они вновь поженились».

В один прекрасный день мы удостоились чести познакомиться с этим *бааль-тишувой*, Авраамом К. Он был в своё время альпинистом, и когда в Армении произошло страшное землетрясение, поехал добровольцем участвовать в спасательных работах. Дима Ч. познакомился с ним — необычно высоким молодым *харедимным* человеком в синагоге, когда Авраам был в Риге по своим личным делам. Дима привёл его в *Бейт-мидраш*, и они стали в упоении — ночь напролёт — учиться вместе.

Но в отношениях Авраама с Ицхаком не обошлось без эксцессов. Главным источником, из которого мы черпали правила и законы соблюдения субботы, был «*Кицур Илхот Шабат*» («Краткий свод законов Шабата») рава Яакова Йехезкеля Позена, и эту книгу некоторые из нас знали если не наизусть, то, по меньшей мере, очень хорошо. Ицхак не любил, когда кто-то в *Бейт-мидраше* вёл себя не в соответствии с принятыми у нас нормами и обычаями. Авраам носил в субботу на запястье часы, в связи с чем напоролся, неожиданно для себя, на откровенный «негатив». Ему стоило больших усилий доказать, что на самом деле есть законоучители, которые это разрешают. Ицхака, со своей стороны, объяснения мало интересовали: «У нас должно быть, как у нас!» (имелось в виду, что гости должны соблюдать обычаи хозяев).

В нескольких статьях, вышедших в свет после смер-

ти Ицхака, по ошибке написали, что Авраам К. был его учеником. Через несколько лет в Израиле я ещё раз повстречал Авраама (он меня не вспомнил) — на обрезании его сына, которое он пришёл провести у нас в *йешиве*. Ох, как мне тогда хотелось сказать матери обрезаемого младенца что-то смачное на латышском языке (Авраам им совершенно не владеет, а у меня за пределами Латвии возникает ностальгическое желание поговорить с кем-то по-латышски), но я сдержался — зачем портить людям праздник!

ГЛАВА 21. РАВВИН- МИЛЛИОНЕР И ФИЛОСОФ- ЭКСТРАСЕНС

Добрый ангел рав Авиэзер В. в определённый период «подкидывал» Ицхаку какие-то средства на *Бейт-мидраш*, и хотя речь не шла о крупных суммах, эти деньги были ощутимым подспорьем. «Отдашь, когда сможешь!» — говорил рав Авиэзер. Ицхак говорил мне, хихикая: «Понятно, никогда не смогу!»

Рав Авиэзер познакомился с Ицхаком, когда *рош-йе-шива* предложил ему посетить наш *Бейт-мидраш*. Приём р. Авиэзера Ицхаком был организован блестяще: на встречу с раввином Ицхак собрал в *Бейт-мидраше* кучу народа — кого я раньше и в глаза не видел, и эти статисты создавали иллюзию большого количества людей, его посещающих. Однако в последующие приезды рава Авиэзера Ицхак уже не считал нужным устраивать этот спектакль, и раввин видел более или менее реальную картину, что, впрочем, нисколько не повлияло на его решении пусть скромно, но всё же помогать *Бейт-мидрашу*. Ицхак же с улыбочкой несколько раз вспоминал, что рав Авиэзер сказал о нём: «Ицхак — не бизнесмен, но товар показать умеет!»

В один из тяжёлых периодов существования *Бейт-мидраша*, у Ицхака в течение целого года не было средств, чтобы платить за съём помещения (тогда он на-

ходил в квартире на улице Гертрудес, бывшей ул. Карла Маркса). Рав Авиэзер сжалился и сказал Ицхаку, что, если он найдёт спонсора, который оплатит половину долга, вторую половину внесёт рав Авиэзер. Ицхак сказал хозяину квартиры: «Или ты прощаешь половину долга, или никаких денег вообще не увидишь!» Хозяин согласился, а Ицхак сказал раву Авиэзеру, что нашел спонсора. Тот заплатил свою обещанную половину, и с проблемой квартирной задолженности было покончено.

Когда Ицхака просили составить смету: сколько и на какие нужды требуется *Бейт-мидрашу* денег, он принципиально отказывался это делать, считая, что однажды предъявленная смета окажет в будущем «медвежью услугу» — никак нельзя будет потом доказать, что ситуация изменилась и требуются уже другие суммы. Но для рава Авиэзера, как своего старого знакомого, Ицхак однажды сделал исключение: тот его долго и нудно расспрашивал, сколько и на что требуется, и Ицхак, как послушный арестант на допросе, всё конкретно изложил. Но рав Авиэзер на сей раз не дал ни копейки. Ицхак позвал меня, он почти плакал: «Раввин нарушил *Галаху*! Запрещено расспрашивать о нуждах, а потом ничего не дать!»

Тогда я еще не знал об алкоголизме Ицхака, но теперь понимаю, что раввин-миллионер спровоцировал тогда очередной приступ ицхакова запоя: незамедлительно после изложенного разговора были объявлены каникулы. Как я сегодня полагаю, спровоцировал ицхаковы запои и *рош-йешива*, когда Ицхак возвращался из Израиля в Ригу без денег. «Ты сможешь справиться сам!» — улыбаясь, говорил *рош-йешива* Ицхаку. По-ви-

димому, он считал, что, как и любой другой руководитель *йешивы*, Ицхак сам должен заниматься сбором пожертвований на своё заведение. Но Ицхак по своим личным качествам был профессионально непригоден к такому роду деятельности. Во-первых, роль *шнорера* (просителя милостыни) казалось ему унижительной. Во-вторых, он стеснялся своего весьма посредственного иврита. Забыв немецкий, он перестал понимать и идиш; но даже тогда, когда он ещё помнил немецкий, на идише он не мог вымолвить ни слова — хотя и частично понимал его. Попытки Ицхака выучить идиш не привели ни к каким результатам — идиш оказался для него слишком уж специфически-еврейским языком... И английско-го он не знал. А без знания языков «собрать на *йешиву*» — суть пропащее дело!

Согласно букве закона, *рош-йешива* перед Ицхаком был чист. Как я понимаю, изначально Ицхак поехал в Ригу с условием, что зарплату и деньги для работы ему будет давать американский миллионер М., а не *рош-йешива*. И то, что миллионер в какой-то момент сократил выплаты Ицхаку, как минимум, вдвое, не ставило *рош-йешиву* ни перед какими обязательствами. Когда Ицхак жаловался на отсутствие средств, *рош-йешива* говорил: «Так закрой свой Бейт-мидраш!» Рассказывая об этом, Ицхак твердил: «Я Бейт-мидраш не закрою, пусть он сам его закрывает!» Дима Ч. объяснил мне однажды: «Гордость Ицхака не может позволить ему работать в Израиле дворником». Для Ицхака подобное отношение было прежде всего личным оскорблением, плевок в лицо, он воспринимал это так, как если бы ему говорили: «То, что ты делаешь, никому не нужно!» — и впадал в запой.

К чести *рош-йешивы* должен отметить, что, когда

Ицхак умер, он, после некоторых проволочек, выплатил его вдове компенсацию, которую принято платить в подобных ситуациях. И это несмотря на то, что формально Ицхак не был работником его *йешивы*, и, с точки зрения закона, *рош-йешива* не был обязан это делать.

Одна «ипостась» Ицхака так и осталась во многом сокрытой от меня, а именно — его бытие как философа. Ведь Ицхак был не только знатоком философской литературы, но и сам он тоже, по всей видимости, был философом. Однажды он с лицом, полным восторга, показал мне какое-то место в одной из книг Хайдеггера и высказался в таком духе (если я правильно его понял), что «если нееврей достиг подобного прозрения, то это свидетельствует о скором приходе *Машиаха* (Избавителя)».

У Ицхака было несколько излюбленных выражений-цитат, которые до некоторой степени проливают свет на его мировоззрение. Одно из них: «*Понять — это принять и научиться пользоваться!*» — произносилось им в каждом случае, когда кем-нибудь предпринимались попытки получить более глубокие разъяснения в основах иудаизма, или когда кто-то из учеников проявлял колебания в вере.

А вот другое выражение: «*Политика — это политика, как говорил кардинал Мазарини!*» — произносилось с ехидством, когда речь заходила о *рош-йешиве* — его Ицхак неизменно называл «большим политиком».

Нельзя не упомянуть и тривиальное выражение: «*Потом — будет суп с котом*» — которое произносилось Ицхаком в гневе, когда вызванный «на ковёр» пытался увильнуть от ответа на вопрос, заданный ему Ицхаком, и говорил: «Потом скажу!»

Ицхак не любил «пустые философствования». Лишь однажды, в один из своих приездов в Израиль он — единственный раз в моей жизни — надиктовал мне свои философские измышления. Я сохранил этот листок и привожу в точности написанное на нём.

«Каждый человек, в каждый данный момент, мысля любое содержание, начинает фактически с начала! Но важно до конца держать мысль, как в первый раз. Никто за нас не научится мыслить и действовать.»

Парадокс: безумие этого мира состоит в том, чтобы делать всё самостоятельно, как бы с самого начала, в истине титаническом напряжении мысли. Но эту нечеловеческую ситуацию мы переживаем каждый день».

В продолжении этой беседы Ицхак стал давать методические указания по поводу изучения *Гемары*. Суть их заключалась в том, что необходимо от этого процесса получать удовольствие (и это, на самом деле, правильно). Подытоживая, эту мысль Ицхак сформулировал так: «Е... (нецензурно) *Гемару!* И это не важно, что у *Гемары* нет дырочки!» В такую вот экстравагантную форму облекал Ицхак иногда свои мысли, в том числе и глубокие.

Однако не буду чрезмерно ехидствовать и признаю факт, что от общения с Ицхаком я получал поистине редкое интеллектуальное удовольствие: глубина и оригинальность его мысли были порой изумительными, даже если не всегда и не во всём с ним можно было согласиться.

Примерно за полгода до своей смерти Ицхак с большой радостью внезапно открыл для себя философскую базу системы преподавания, которую он практиковал в *Бейт-мидраше*. Произошло это благодаря

брошюре фирмы «Санрайдер», в которой излагались основные принципы многоступенчатого маркетинга. Супруга Ицхака, уволенная с постоянной работы в иерусалимском муниципалитете, по всей видимости, в поисках какого-то достойного занятия, стала агентом этой фирмы. Будучи одной из крупнейших компаний многоступенчатого маркетинга, «Санрайдер» производит и сбывает под видом пищевых добавок средства, составленные из трав на основе древнекитайских рецептов. Склонная, как и Ицхак, к мистике, г-жа Хана на себе проверила, что эти «безобидные травы» действительно весьма эффективны, и стала заниматься их сбытом и привлечением новых распространителей. Заодно и Ицхак стал активно употреблять эти «снадобья» — а ведь он, как не раз мне признавался, долгое время занимался поиском пищевых добавок, которые улучшат его самочувствие и тем самым «изменяют его жизнь». В брошюре «Санрайдера» излагался основной принцип многоступенчатого маркетинга: действие на нижнем уровне пирамиды приводит к цепочке благоприятных последствий на всех более высоких её уровнях, работники которых получают дивиденды, фигурально выражаясь, «лёжа на печи» — от продаж, сделанных нижним коллегой. Ицхака осенило: ведь это тот же принцип, что практикует и он в *Бейт-мидраше*, заставляя каждого, кого чему-то научили, научить тому же и другого: так создаются многоуровневые «цепочки Торы»! Получается, что, когда, например, пятый по счёту ученик преподаёт тот же материал шестому, ученики от первого до четвёртого в этот момент тоже получают от этой учёбы «дивиденды» (пассивно) — то есть заслугу, которая будет им «оплачена» в Будущем

Мире! «Надо подогреть снизу!» — с почти счастливой улыбкой сказал Ицхак. Он был уверен, что понял секрет успеха.

Сочетание противоположностей было для Ицхака характерным, но его увлечение немецкой философией, думается, не идёт в разрез с другой его ипостасью — пристрастием к мистике. В этом он сильно отличался от своих коллег по израильской *йешиве* — в своём большинстве рационалистов, хотя частенько поверхностных. В отличие от них, Ицхак с пиететом относился к брошюрам с мистическими откровениями, а также к открытиям, связанным с кодами в Торе. С одним из известнейших специалистов в области таких кодов, тоже бывшим рижанином, профессором-математиком Рипсом — Ицхака связывали очень тёплые отношения. И это не только благодаря кодам, а в первую очередь потому, что Ицхак очень уважал его как личность: этот человек во время советской интервенции в Чехословакию повторил, по чешскому примеру, в качестве протеста в Риге акт самосожжения, но был спасён, а впоследствии сделал *тишуву* и стал религиозным. Йеуда К. рассказывал, что когда Вацлав Гавел, уже будучи президентом, прибыл в Израиль с официальным визитом, он пригласил на торжественный банкет и Рипса тоже. Но последний, когда услышал, что Гавел в своем выступлении защищал палестинцев, махнул рукой и игнорировал приглашение.

Уважение, которое Ицхак питал к экстрасенсам, проявлялось даже в том, что необходимость в точности исполнять детали заповедей он иногда объяснял экстрасен-

сорными причинами. Так, он говорил, что еврей, утром проверяя и завязывая слегка раскрутившиеся *цициёт*, «подпитывается энергией», а неевреям (бедняжкам! — так следовало из контекста) для той же цели приходится совершать прямо-таки акты идолопоклонства. А вообще, Ицхаку была свойственна характерная и для многих других прозелитов крайняя педантичность при исполнении определённых ритуальных деталей — далеко не основополагающих в еврейском Законе. И частенько это происходило за счёт нарушения серьёзных запретов Торы. Так, если кто-то говорил благословение на еду стоя, Ицхак мог прервать его на середине, заставляя сесть; человек садился и говорил благословение заново. Таким образом, Ицхак причинял еврею грех произнесения Имени Всевышнего всуе, — и всё из-за пристрастия к «ритуальным деталям» (которые, безусловно, важны, но не ценой нарушения заповедей).

Ещё один пример. В один прекрасный день у Гриши Й. возникли проблемы с желудком, и поэтому ему требовалось часто ходить в туалет. Поэтому *исукей де-зим-ра* — первую часть утренней молитвы — в тот день он произносил без *тфиллин*, чтобы их не снимать-надевать много раз. Ицхак, едва увидев Гришу, молящегося без *тфиллин*, зверски заорал на него и чуть ли не взял за воротник — не разобравшись по сути, что происходит. Такое поведение я объясняю тем, что даже малейшее «ритуальное безобразие» в глазах Ицхака было, фигурально выражаясь, хуже, чем смертный грех.

ГЛАВА 22. ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ, ИЛИ ВСТРЕЧА С ИГАЛЕМ АМИРОМ

Ицхак очень любил повторять выражение, которое рав Зильбер сказал ему лично: «Ты что думаешь: ты в санаторий попал? Ты в лагерь попал!» Под лагерем подразумевался *олам а-зе* (в буквальном смысле — этот мир) — тот бранный мир, в котором мы обитаем. Ему противопоставляется *олам а-ба*, то есть мир будущий, в котором люди получают вечное блаженство за исполненные в этом мире заповеди, свершённые добрые дела и стойкость в преодолении испытаний и искушений. Всеми фибрами своей души Ицхак пытался внедрить в нас это ощущение «лагеря», душевного состояния и поведения «зэков от религии». Да, он порой перебарщивал, утрировал, ошибался, оступался, даже невольно осквернял Святое Имя Всевышнего. Возвратив некоторое количество евреев к Торе, других же от неё он отвратил. Всё это правда, но преступлением мне кажется не упомянуть и другую сторону этой монеты: это был человек, который фактически из праха возродил еврейскую религиозную жизнь в нашем городе. Это был человек с чистым сердцем, страстно любивший Всевышнего и способный в любой момент бескорыстно совершить подвиг ради Него и ради другого человека — еврея или

нееврея. Он был простым русским парнем, впитавшим в себя лучшие качества русского народа, и в его душе горел очень высокий и чистый огонь. Я не сомневаюсь в том, что среди всех прозелитов нашего поколения Ицхак — самый выдающийся. И автор этих строк, и вместе со мной немало других людей должны быть ему очень, очень благодарны, несмотря на свои многочисленные — заслуженные и незаслуженные — обиды.

Ицхак не раз намекал мне, что с неприятным для себя удивлением обнаружил, что ему «справиться с КГБ было легче, чем с еврейским истеблишментом»! Я думаю, что механизмы, по которым функционирует КГБ, Ицхак хорошо понимал и чувствовал, а вот механизмы еврейского мира, хотя он и силился познать их — ни в какую перед ним не раскрывались. На самом же деле Ицхак ломился в открытую дверь — и не мог понять некоторые вещи, очевидные для еврея. Он самоотверженно подвижничал, совершал подвиги, но по сути был «не на своём месте» — и в этом заключается причина его трагического самоощущения. Среди неевреев есть множество выдающихся и достойных людей, и в своём подавляющем большинстве они не стремятся «в еврей», а остаются самими собой, и в лоне своего народа приносят пользу как своей нации, так и всему человечеству. Да, Ицхак страдал алкоголизмом; да, были и другие непонятные для меня моменты в его личности, но всё это можно ему простить, потому что он родился неевреем. Поэтому-то Тора и заповедует: люби прозелита, но не наделяй его властью, ибо изначальный багаж его души обязательно приведёт его к искажениям и потере равновесия в социальной сфере в том случае, если он будет наделен властью внутри еврейского социума.

И пусть не пытаются «исхитриться» стоящие у еврейской «кормушки» так называемые «*парнасим*» (административные руководители еврейской общины), которые для собственного удобства назначают прозелитов главными раввинами общин на всём постсоветском пространстве: еврейский народ им этого не простит, а Тора, которую они таким образом оскверняют, надевает траурные одежды и скорбит: «*Асауни банай пластер*» («Мои дети сделали из меня посмешище»).

Но, анализируя недостатки Ицхака, нельзя полностью игнорировать и такой аспект, как *маком горэм*. Это означает, как учит Устная Тора, что конкретное место, где находится человек, может быть причиной того, что он подвергнется искушению. Механизм этого следующий: в том месте, где какими-то людьми (евреями или неевреями) был совершён грех (например, разврат), появляются черти — невидимые существа, созданные Всевышним из духовно нечистой субстанции, которые возникли вследствие этого греха. Они же и искушают человека, попавшего в зону их обитания, вызывая в нём сильное и с трудом поддающееся контролю греховное желание.

Я очень люблю свой родной город Ригу. Но Ицхак рассказывал, что рав Зильбер, который в советское время там побывал, отзывался о нём так: «Очень *тумной* (то есть духовно нечистый) город». И на самом деле: я читал интервью с местным гомосексуалистом, который утверждает, что чуть ли не половина мужского населения Риги принадлежит к такому сексуальному меньшинству. Как бы там ни было, никто не будет отрицать особую, чарующую атмосферу этого города, где даже воздух пропитан «свободой» и *эфкерутом* (распушенностью

в божественном, неагрессивном значении этого слова). Возможно, Ицхак, взявший на себя миссию озарить еврейской святостью этот город, поставил себя под удар негативных духовных сил, витающих в его атмосфере.

В дополнение хочу отметить, что конфликтные ситуации, сложившиеся у Ицхака со многими еврейскими организациями Риги, нельзя объяснить лишь его специфическими чертами характера. Возможно, здесь имело место влияние латышского менталитета. В латышской мифологии особое место занимает персонаж по имени Кангарс, который якобы вызывает раздоры между латышами. И неспроста латыши, когда обвиняют кого-то своего соплеменника в предательстве национальных интересов, оскорбительно называют его «Кангарс».

Я и сам в значительной степени являюсь носителем языка, менталитета и культуры латышской нации и отношусь к ней с уважением, не взирая на клин, который история Второй Мировой войны вбила между латышами и еврейским народом. Но должен заметить, что мне показалась меткой фраза, произнесённая одним из знакомых латышей: «Знаете ли вы, какое любимое национальное блюдо у нашего соплеменника? — другой его соплеменник!» И местные евреи, в том числе и автор этих строк, и этнически русский Ицхак, родившийся и выросший в Риге, безусловно, преломили в себе (каждый в своей степени и форме, часто даже не отдавая себе в этом отчёт) местный менталитет — как его положительные, так и отрицательные аспекты. Возможно, это послужило одной из причин раздоров, которые были характерны для местной еврейской общины как в период довоенной независимой Первой Республики, так и во времена, описанные в этих воспоминаниях.

Описание Риги, из любви к этому городу, я хотел бы закончить на мажорном аккорде. Атмосфера в нём, по сравнению с Россией, всегда была относительно либеральной. Так, например, в первые годы своей *тишувы*, в тёплое время года я ходил по городу в *кипе*, без дополнительного головного убора. И только один раз на меня обратили внимание: женщина, стоявшая неподалеку от меня в очереди за билетами на поезд, сказала по-русски мужчине рядом с ней: «А что у него за шапочка на голове такая; баптисты, что ли?» На что мужчина ей ответил, выговаривая «г» фрикативно, по-украински: «Нет, это синагога». Мне было очень смешно.

Однажды, возвращаясь домой из *Бейт-мидраша*, я увидел идущего навстречу низкорослого смуглого молодого человека, которого сопровождала белобрысая девочка. «Ну, — подумал я, — опять грузин какой-то возвращается к себе в „Викторию“». Неподалеку находилась гостиница «Виктория», где частенько останавливались какие-то кавказцы. Но когда мы с этим парнем поравнялись, я был ошеломлён: у него на голове была цветная вязаная кипа! Ошарашенный, я прошел ещё несколько метров; и лишь тогда парень меня окликнул — он увидел, что на моей голове кипа чёрная бархатная. Мы разговорились.

Через несколько дней и Йеуда К. рассказал мне, что познакомился в синагоге с двумя израильтянами — выходцами из восточных общин, приехавшими Ригу в качестве посланников «Бней Акивы». И я догадался, что белобрысая девочка, очевидно, была активисткой рижской «Бней Акивы».

А ещё через несколько лет, спустя несколько дней после убийства Ицхака Рабина, утром сквозь сон, я

ПРИЛОЖЕНИЕ

ГРИГОРИЙ ЛЕВИН ВОСПОМИНАНИЯ ОБ ИЦХАКЕ

(Публикуется в сокращении)

Эта статья посвящена памяти моего учителя Ицхака бен Авраама Митина, дело жизни которого кардинально изменило лицо еврейской Риги, и чьи заслуги перед рижским еврейством невозможно переоценить. Несколько слов перед началом.

Многоуважаемые господа еврейцы, мне приходится со всей ответственностью сознаться в том, что эти заметки прошли через решето крайне недоброжелательной цензуры. Цензуры, прежде всего, внутренней, моей собственной. Так или иначе, всё это часть еврейской истории нашей Риги, и я старался в основном излагать лишь факты и избегать неизбежно субъективной их оценки. Стараясь не навязывать никому своего мнения, я — потомственный рижанин во многих поколениях — излагаю события именно такими, какими они видятся мне и какими они показались многим друзьям моим, часть из которых уже покинула нас...

Так уж сложилось, что с Володей Митиным я знаком с первого класса, более того — частенько соседствовал с ним за одной партой. Учились мы в 81-й школе-семи-

летке прямо напротив «Канторы Глубокого Бурения» — печально знаменитого «углового дома на Энгельса», в незапамятные времена заложенного как отель «Санкт-Петербург». В своё время здание приспособили для специфических нужд охранки, гестапо, НКВД и так далее — в годы застоя этот процесс было принято называть «преemptивностью поколений». Должен сказать, что подвалы под бывшим отелем действительно производят глубочайшее впечатление (довелось ознакомиться, хотя, к счастью, уже после 1991 года). Коренные рижане, по глубоко укоренившейся привычке, обычно называли улицу Фридриха Энгельса — Стабу (или, по-русски, Столбовой).

Семья Митиных жила в том же квартале, где находилась наша школа. И, в силу известного принципа, «чем ближе живёшь, тем сильнее опаздываешь», Володя отнюдь не отличался пунктуальностью. На уроки он опаздывал, можно сказать, в соответствии с чуть ли не освященной традицией. Так как мы с ним были одного роста и выше почти всех в классе (хотя он выглядел атлетом, а я был «дохляком»), обретались мы в задних рядах парт. Впрочем, не на презираемой «камчатке» — там одна парта была выделена для совсем уж шпановатых переростков. Однако таких в нашем классе как-то не уважали, никто с ними не общался, и социального веса среди одноклассников они не имели. Вообще сейчас у меня создается впечатление, что все они не дотянули до выпуска из школы. Школа наша считалась в некотором роде чуть ли не элитной, девочки щеголяли в хрустящих крахмальных фартучках, а мальчишки — в темно-синих костюмчиках; серые сталинские гимнастёрки и ремни с латунными бляхами наша седовласая и орденосная

директриса Евгения Наумовна Ройтман предала анафеме и носить запрещала. Благодаря её неусыпной заботе мы частенько могли оказаться в проигрышном положении при традиционных драках «стенка на стенку» с другими школами — массивные бляхи на жестких ремнях считались вполне конвенциональным оружием.

Что греха таить: смахивавший на невинного белокурого, кудрявого ангелочка голубоглазый Володя был постоянно замешан в историях, которые директорат школы старательно заминал из снисхождения к синему околышу его отца. Сколько помнится, имели место и приводы за хулиганство, но отец-КГБшник выручал сына из любых неприятностей. Дрался Володя самозабвенно, с каким-то даже радостным азартом, и приобретенные с детства бойцовские качества, должно быть, сильно повлияли на его дальнейшую судьбу, в особенности после разрыва с родителями.

После окончания семилетки мы с Володей, хотя и жили неподалеку друг от друга, виделись разве что в горькой от сигаретного дыма курилке легендарной «Госки» — Государственной Библиотеки с богатейшим, ещё с досоциалистических времён, книжным фондом. Совершенно неожиданно Володя стал много читать. Нельзя сказать, чтобы он просто увлекался философией — он её упорно штудировал, зачастую брал штурмом. Ходили слухи, что он пытался читать Канта в оригинале... Его ближайший сосед, мой друг Сергей (их родители служили в одном ведомстве) иногда общался с Володей и помнит, что тот обычно возвращался домой с книжками по философии в облезлом дерматиновом портфельчике. Прекраснодушной беллетристикой Володя, насколько мне помнится, брезговал, и всю жизнь вполне

обходился нажитым еще в школьные годы литературным багажом. Уже в последние годы жизни он заинтересовался социологией и экономикой.

Наши отношения возобновились только лет через пять-шесть, когда мы начали часто видеться в тех кафешках, где собиралась рижская «богема». Вначале это были «Дубль», позже «Коза», затем «Новая» и бар «Росток»; ну, разумеется, и легендарный «Птичник» — летнее кафе под тентом на том месте, где некогда было знаменитое своими пирожными кафе Шварца, а два десятка с лишним лет назад воздвигли новый вариант здания Hotel De Rome. Вообще-то особенно близки мы с Володей в то время не были, но частенько пивали кофе и дискутировали в одних и тех же диссидентствующих компаниях.

Насколько помню, именно тогда он близко сошелся с Ильей Р., С. Р., Павлом Т. и многими другими рижскими интеллектуалами, гордо носившими фигу в кармане. С упомянутыми тремя он сохранил тесную дружбу на всю жизнь. Сблизились мы вновь ближе к середине 70-х, когда благодаря моему увлечению джазом у меня начались серьезные неприятности из-за «Kind Good Boys» («милые, славные ребята» — иначе, КГБ). Дело в том, что серьезно увлекшись запрещенной в те времена музыкой и достаточно бегло владея английским языком (за что спасибо моей покойной матушке!), я оказался в самом центре джазовой жизни Риги, а затем и всего СССР. Сначала я принимал участие в организации многочисленных фестивалей в нашем городе и далее по всему Союзу, а чуть позднее начал внаглую устраивать подпольные jam sessions с зарубежными музыкантами, в том числе и со «штатниками». «Контора Глубокого Бу-

рения», разумеется, приняла соответствующие меры и вскоре нашла способ без особого шума уволить меня с должности руководителя техотдела некоего проектно-конструкторского бюро. Мне пришлось зарабатывать на жизнь как фотографу «без патента», ибо работать от звонка до звонка мне, как говорится, было «западло». Тут-то я и принял предложение Митина сотрудничать с ним на постоянной основе.

Так началась наша совместная деятельность по созданию пересланного за рубеж фотоархива рижского гетто, а затем и по тиражированию сионистской и вообще диссидентской литературы. Старые копировально-множительные связи у меня ещё оставались, да и мои бывшие сотрудники по ПКБ иногда запускали меня по ночам в множительный цех на свой страх и риск — как правило, за бутылку дефицитного спирта.

Рассуждал я в то время примерно так: в Совке творится глобальный бардак, который «в силу объективности законов общественного развития» неизбежно призван распространяться и на КГБ, так что департамент по борьбе с сионизмом определенно должен мешать департаменту, занимающемуся джазом... Именно так, в общем-то, и сложилось.

По взаимной договорённости мы с Володей делились друг с другом только тем, что не могло повредить в случае «прокола»: нельзя сболтнуть стукачу или же сознаться на допросе в том, чего не знаешь... А дёргали нас тогда, в особенности Володю, довольно часто, если не сказать — регулярно. Весёлое, скажу вам, было времечко...

В те времена я, хотя и урывками, многому научился у Володи. В частности, большую пользу мне принесло

овладение системой «ПЛОД», выработанной советскими интеллектуалами-диссидентами — это алгоритм, которому надлежит следовать при задержании, аресте, допросе и т. д. Тиражируя же для его самиздата, я оказался в курсе всех злободневных проблем того времени. Получаемая мною информация бесконфликтно укладывалась в моем сознании, ибо газет я сроду не читал, а кретиноскоп (почему-то его принято называть телевизором) завести не пожелал. Со своей стороны, я ввел Володю в круг своих близких друзей (художники, джазмены, журналисты, актёры — одним словом, потенциально антиобщественные элементы). С некоторыми из них он близко сошёлся.

В те годы Митин был вынужден зарабатывать на кусок хлеба всяко и по-разному — и мойщиком витринных стёкол, и кочегаром, и санитаром на «скорой помощи» или в аминазиновой палате «на Аптекарской» (в рижской психушке). Мне зачастую тоже приходилось несладко. Случалось, деньги на чашку кофе в «своих» кафешках мы с ним выигрывали в популярную тогда игру «коробок». Насколько помню, «наши» кафе были почти единственным общественным местом, где в толкучке можно было безнаказанно пересечься и обменяться парой слов с Володиёй — его жестко «пасла» Контора, так что встречи в моих полуподпольных фотолабораториях и дома зачастую были исключены. Но, так или иначе, мои фотопленки с историческими негативами, попадавшие в руки Володи, регулярно просачивались «куда полагается» — обычно через голландское посольство в Москве. Тот, кто помнит давние времена, должен знать, что именно это посольство представляло в Совке интересы Израиля. Уже значительно позднее я получал

у голландцев книги по истории Израиля, и самое главное, русско-ивритские словари. Передавал их мне «в товарных объёмах» хорошо знакомый рижанам Илюша В., подвизавшийся с молодости в израильском Министерстве иностранных дел.

Наше сотрудничество с Володей на ниве диссидентства и сионизма длилось довольно долго. Разнообразных разборок с «Конторой» в те времена у Митина было более, чем достаточно, но распространяться на эту тему он не считал необходимым; а я и не спрашивал: меньше знаешь, лучше спишь. Хотя кое-какое участие в его замысловатых «играх» с КГБ мне довелось принимать, в основном «оттягивая» на себя интерес к деятельности Митина. О своих проблемах я вообще-то тоже предпочитал помалкивать. Однако уже тогда было явственно видно, что отношение Володи к «вечным ценностям» постепенно меняется. Но, по полному незнанию о Первопричине Мира и Морали, я в те времена здраво судить о переменах в Митине не мог. Как многим его друзьям, мне оставалось только недоумевать. Кажется, уже тогда Володя начал принимать участие в организации еврейских праздников для либеральной молодежи. Кое-кто из неё впоследствии вошёл в первый эшелон активистов ЛОЕКа (Латвийского общества еврейской культуры), хотя и не дорос до тшувы. А потом Володе все-таки удалось вырваться из Совка — как говорится, через blood, sweat and tears.

Я довольно смутно помню прощальные «посиделки» в огромной коммунальной квартире дома на Елизаветинской, где он занимал комнатёнку. В памяти сохранилось только, как мы жгли труды классиков марксизма-ленинизма в монументальной изразцовой печи. К слову,

к роскошным изданиям упомянутых классиков Володя относился весьма почтительно и ехидно выставлял их напоказ на своих хлипких книжных полках. Во время регулярных обысков в его квартире он при случае старался (в ответ на недоуменные взгляды сыскарей) обронить, что для того, чтобы бороться с врагом, его следует хорошо знать. Во время одного из таких налётов мне случайно довелось быть застигнутым в Володиной квартире; извлеченная из моей фотосумки фляга со спиртом послужила более чем уважительным объяснением причины моего визита, в особенности после того, как я предложил из неё хлебнуть кому-то из понятых.

А в общем-то тогда мы с Володей считали, что прощаемся навсегда. Тем не менее, мы встретились вновь. Это произошло в 1989-м году на лестнице первой (и в то время единственной) в СССР еврейской школы, где я в то время был членом родительского комитета. Честно говоря, Митина я узнал не с первого взгляда, так как он сильно погрузнел и к тому же был закамуфлирован окладистой полуседой бородой и датишным (еврейским ортодоксально-религиозным) «прикидом». Он сказал, что сделал тшуву, что звать его теперь Ицхак, и его учителя направили его в Ригу с некоей миссией. Позднее я узнал эти имена: рав Ицхак Зильбер и рош-йешива «Швуг Ами» рав Элизер К. Тогда, честно говоря, я не совсем понял смысл и значение слов Ицхака, но меня потрясли произошедшие с ним перемены — было явно видно, что знакомый мне с детства человек буквально переродился; даже его энергетика качественно изменилась. Помимо всего прочего, он сильно помягчел, но его жёсткий стержень по-прежнему бросался в глаза внимательному наблюдателю.

Обнявшись, мы тут же на лестнице договорились о полном сотрудничестве, в чём бы оно ни заключалось. Митину я безусловно доверял, шкала моих ценностей в то время резко менялась, соприкосновение с тогдашними лидерами рижского секулярного еврейского мира уже начало вызывать у меня тошнотную реакцию. К тому времени мне недоставало только лишь внешнего толчка в правильном направлении. Собственно, с момента тогдашней встречи с Митиным получил отправную точку и необходимую опору процесс тшувы моей семьи — вечная благодарность за это равву Ицхаку бен Аврааму!

К тому времени я глубоко увяз в кооперативных делах; денег на жизнь вполне хватало, даже с некоторым избытком, — так что облегчить жизнь Ицхаку на первых порах мне было не только легко, но и попросту приятно. Квартировал он в то время на улице Ленина возле Академической, довольно далеко от центра, но виделись мы, невзирая на это, постоянно, как у него на квартире, так и у меня. Вскоре я свел Ицхака с несколькими еврейцами-кооперативщиками, кое-какие давнишние связи были и у него самого. Довольно быстро с помощью наших неформальных контактов удалось бесппроблемно основать общественную организацию (всех подробностей уже не помню, тем более что её позднее пришлось перерегистрировать с участием других лиц под другим названием). Первоначально же детище Ицхака было известно в России и за её пределами под названием «Рижский Бейт Мидраш Охалей Яаков». В скобках хочу заметить, что термин «йешива» сам Митин по отношению к своему Дому Учения на людях никогда не употреблял.

Через какое-то время нам удалось закрепиться в просторном помещении МЖК (Молодёжный жилищный кооператив) под «крышей» хитрована-кооператора И. Коломейца возле кожгалантерейного комбината. Нам повезло даже в том (отнюдь не пустяке), что из окон Дома Учения не была видна соседствующая церковь. Стержнем нашей «команды» стали прежде всего Авроом Ш. (после алии — студент йешивы), семьи Коломейцев, Скороходов, Марголисов и ещё несколько семейств. Вскоре к нам примкнула и семья Германа Л.; в дальнейшем он преподавал *идишкайт* (иудаизм) в рижской Еврейской школе. Затем появился — и надолго, почти до момента своей алии, застрял в Доме Учения Алик Г.

Бейт-мидраш начал набирать обороты — сначала в помещении МЖК, потом на ул. Свободы, затем на ул. Гертрудес (бывшей ул. К. Маркса), а в конечном итоге на «Маскачке» (ул. Маскавас). Статистику, естественно, никто не вел, но из тех примерно трех дюжин семей и индивидов, что сделали тшуву благодаря раву Ицхаку, только одна семья «отошла» (то есть вновь вернулась к секулярному образу жизни). Тех многочисленных «варягов», которых Ицхак отваживал лично и с моей помощью (причём со всей свойственной ему резкостью), я не считаю. Жизнь, кстати, доказала правильность решений Митина относительно недопущенных и изгнанных им людей.

К величайшему моему сожалению куда-то подевался обширнейший фотоархив всех лет деятельности Ицхака в Риге — как минимум, три полные обувные коробки фотографий; я и коллег-фотографов приглашал иногда поснимать на занятиях. Думаю, что фотоархив был эвакуирован наследниками Ицхака в Израиль, исходя

из благих целей, и безумно жаль, что сейчас он никому не приносит пользы. У меня даже ни одной фотографии Ицхака не сохранилось; приходится выклянчивать снимки у зачастую почти незнакомых людей.

Ицхак беседовал по телефону с рош-йешивой равом К. и равом Иегудой Г., когда приходилось решать невыростные галахические проблемы. Своего учителя рава Ицхака Зильбера Митин беспокоил просьбами и посещениями только во время своих нечастых приездов в Израиль. С самого начала своей деятельности в Риге, еврейское население которой кардинально изменилось в послевоенные годы и представляет собою уникальную общину, Ицхак уделял сугубое внимание происхождению своих воспитанников.

Еще в 1990-м году в рижскую еврейскую жизнь плотно вошёл рав Шломо Н. Он в какой-то степени курировал деятельность Ицхака (рав Шломо является одним из создателей движения «Охалей Яков»), и на первых порах довольно часто приезжал в наш город. Так случилось, что именно он стал моим *сандаком*, и он же был одним из свидетелей на нашей с Ривкой хупе. Мы с Ицхаком время от времени навещали рава Шломо в Санкт-Петербурге, привозили ему приличные сигареты и кашерную рыбу. Так что наша плодотворная дружба с равом Шломо тоже является частью бесценного наследия рава Ицхака Митина.

Так вышло, что административными и хозяйственными проблемами, вплоть до 1994-го года, к моему огорчению (ведь я — принципиальный лентяй), пришлось заниматься мне. Очень скоро удалось организовать тиражирование книг по иудаизму на русском языке

ке (в те времена таковых было совсем немного). По сей день я с немалым удовлетворением вспоминаю, как убалтывал школьных завхозов, чтобы бесплатно передали нам списанные школьные парты (их потом приходилось перекрашивать) и стенные классные доски; как ездил в белорусскую глубинку за хозяйственными свечами для шабатов (мы их из бедности резали на 3 части); как добывал на заводах магнитофоны для занятий ивритом, а кастрюли и столовые приборы — из «генеральских» банкетных залов; как договаривался с фарфоровой фабрикой о почти бесплатных (якобы сошли за брак!) двухстах полных двенадцатикувертных комплектах фарфоровой посуды в весёленький цветок. Посудите сами: мясной, молочный, *паревный*, субботний и пасхальный комплекты на каждую семью, плюс посуда для совместных посиделок. И вообще, это очень интересная, но совершенно отдельная тема — как меблировались и обставлялись, как позднее отчуждались из утраченной собственности рижской синагоги помещения официально зарегистрированного фонда, под «крышей» которой существовал Бейт-мидраш.

Кстати, по поводу окунания многочисленных кастрюль и посуды — доступ к синагогальной микве был для нас поначалу закрыт, да и у Ицхака существовали определённые сомнения в её кашерности (позже они оправдались). Так что в один из ярких весенних дней мы по колесные оси загнали в Балтийское море трёхтонный грузовик с посудой, и в шесть рук окунали в воду тарелку за тарелкой, чашку за чашкой... Поясницу ломило немилосердно, ноги деревенели от холода, но мы старались завершить работу в один присест, так как наши жены тоже мерзли на холодном ветру в дюнах, вытирая

и упаковывая мокрую посуду. Между прочим, пасхальным комплектом той самой посуды мы с Ривкой пользуемся по сей день. Немудрено, что каждый Песах мы вспоминаем Ицхака, а когда в наш дом на *седер* приглашены гости, мы непременно делимся воспоминаниями о том времени.

В некотором отношении я вправе сказать, что Ицхак бен Авраам сыграл по отношению к моей семье такую же роль, какую отец всех пророков Моше Рабейну исполнил со всеми евреями своего поколения: привёл нас к Торе. Общеизвестно, что музыкального слуха у меня нет, и слушать, как я тщусь петь, интеллигентным людям категорически противопоказано; я тщетно стараюсь позабыть поговорку «не умеешь петь — не пей!». Тем не менее, по иронии судьбы именно мне, по настоянию Ицхака, пришлось обучать детишек и взрослых субботным *змирот* (песнопениям) и простенькой мелодии, под которую накрепко и навечно запоминается наизусть «*Биркат Амазон*» (молитва, произносимая после еды с хлебом). К счастью, позднее на занятиях меня начал выручать магнитофон, а со временем «распелся» сверстник и друг моего сына Сендера Гершон. Когда несколько наших семей встречались в шабат или по праздникам, пели все — как говорится, и стар и млад. А собирались мы постоянно; я не упомяну ни одной субботы в те времена, когда бы мы не были в гостях у друзей, или же не сидели большой компанией в помещениях Бейт-мидраша. В то время мы с Ривкой и сыном жили в квартире её родителей, как-то выкручивались с отдельным комплектом кухонной посуды и вечно искрящей электроплиткой, так что гостей по субботам принимать не могли.

Хорошо помню, как в 1991-м году мы сооружали

сукку на крыше дома Авроома Ш. на самой границе бывшего рижского гетто — это была единственная (не считая синагогальной) сукка в нашем городе! Как мы гордились, в первый раз делая суккотный кидуш на крыше, под которой расстился весь старый Московский (а отчасти, и еврейский) форштадт! А в Суккот 5773-го по еврейскому летоисчислению года в Риге было возведено, как мы недавно подсчитывали, уже 12 шалашей, и совсем не удивительно, что общественную сукку ныне существующего Бейт-мидраша поставил именно ученик Митина, наш *машгиах* Борух Д.

Кое-что (в основном, кашерные продукты; прежде всего, хотя и изредка, мясо) приходилось добывать в Москве. Уже значительно позже я начал регулярно возить *зашиитованных* (зарезанных в соответствии с еврейским Законом) кур из Вильнюса. В то время мой сын Сендер постоянно мотался по России по множеству новообразованных йешив (Москва, Питер, Кишинёв). Я старался его сопровождать и пользовался каждым случаем, чтобы доставить что-нибудь кашерненькое из СНГ. Почти после каждой поездки в Москву удавалось привезти в Ригу не только мясо, но и несколько бутылок кашерного вина — спасибо Сендеру Р., тогдашнему руководителю «Агудат Исроэль» в России; он старался помочь Митину, в том числе и деньгами... Если не он, мы кашерного вина не видели бы годами (только на Песах иногда удавалось добыть считанное количество бутылок виноградного сока в израильском посольстве, если не застревал на таможне посольский «Пасхальный контейнер»). До моего знакомства с реб Сендером всей нашей общине иногда приходилось довольствоваться самодельным напитком

из изюма; готовили мы его совместно на несколько семей. Рав Пинхас Гольдшмидт иногда снабжал нас сидурами, *бенчерами* (брошюра, в которой напечатана молитва «*Биркат А-мазон*») и прочим из своих довольно скудных запасов. Одним словом, такая вот романтика тшувы...

Авторитет Ицхака в еврейских кругах России был очень высок. «Люди Митина» всегда вели себя «правильно», их ценили, да и немудрено: Ицхак дрессировал нас нещадно, вожжи не ослаблял, и устраивать публичные разносы при случае не стеснялся. Фактически, группу митинских выучеников почитали в качестве на редкость крепкой общины, и в России нас так и величали: «Община Митина». Скорее всего, именно из уважения к Ицхаку мою хупу и хупу Йеуды К., помощника Ицхака, поставил лично рав Пинхас Гольдшмидт, в то время — главный раввин СНГ. Должен сказать, что рав Пинхас продолжает любезно оказывать содействие рижанам по сей день, будучи ныне председателем *Бейт-Дина* (раввинатского суда) России и одним из руководителей Конференции Европейских Раввинов.

Почитаемый как вождь русскоязычного соблюдающего еврейства раввин Ицхак Зильбер, *зацаль* (благословенной памяти), с которым мне несколько раз выпадали счастье и честь встречаться, считал нашу принадлежность к митинской группе лучшей из возможных рекомендаций. Рав Зильбер всегда подробно расспрашивал о том, что и как у нас в общине происходит. И я обязан ему множеством ценных советов.

Когда мой кооператив тихо угас, я с радостью воспользовался рекомендацией рава Гольдшмидта и сове-

том Митина, заключив контракт с солидной американской фирмой, принадлежащей соблюдающим миснагедам. На первых порах я, как и надеялся, действительно смог «выбивать» из своих боссов кое-какие деньги на разнообразные нужды нашей группы. Деловые американцы почти всегда финансировали вполне конкретные проекты (например, покупку большой партии книг или, скажем, партии париков для наших милых супругов). Но они не жаловали, когда их деньги расплылись на повседневные нужды общины. Огромная благодарность моему бывшему боссу Сэми Рору за его участие в оплате партии *тфиллин*, полученной Митиным и розданной *балабосам* (работающие религиозные евреи) нашей группы. Бесплатно, разумеется — Митин никогда не взимал денег за пожертвованные нашей общине подарки.

Как раз в то время в еврейский мир Совка начались финансовые инъекции из невиданных доселе источников: Хабад начал массированно окучивать безбрежные просторы экс-СССР. Правда, мало-мальский духовный рост на залихватских *фарбренгенах* (хасидских застольях) никто никому не обеспечивал, да и мало кто из прикнувших был заинтересован в какой бы то ни было учёбе. Собственно, за нетребовательность Хабад и возлюбил «хomo советикус» всем сердцем. И вот в тени православных соборов перед многолюдными толпами начали регулярно зажигаться электрические лампочки на грандиозных *ханукиях*...

Вскоре на нашу группу всей своей тяжестью обрушились суровые будни. Деньги, что скудно сочились из Израиля и с трудом выцарапывались у местных спонсоров на совершенно непонятные им «проекты», быстро исся-

кали, а «их было очень надо» — на аренду помещений, на книги, на еду, в конце концов... Мои американские боссы поначалу помогали поддерживать митинский Бейт-мидраш, но с появлением в Риге Хабада сменили приоритеты: мне было решительно указано, что «для бизнеса полезно поддерживать Хабад». Позднее мне стало известно, что мои боссы оборвали поддержку миснагедских проектов в Москве и Санкт-Петербурге. Тем не менее, по личному и очень жёсткому настоянию Ицхака Сэми Рор любезно спонсировал ремонт миквы в рижской синагоге — наша группа продолжала расти, и без миквы уже никак нельзя было обойтись. До ремонта нашим женам зимой приходилось пользоваться миквами Москвы или Питера; летом мы как-то перемогались, приезжая по ночам к морю. Изредка нашим милым супругам втайне от раввина Натана Б. всё же удавалось просочиться в синагогальную микву; их туда втихую запускала вездесущая Нина Михайловна (нижайший ей за это поклон от всех наших семей!).

Вскоре Ицхаку и его неутомимому помощнику Йеуде К. пришлось постепенно перейти на полуголодный паек, и пасхальный седер 1994 года наши семьи уже проводили не всем кагалом за общим столом «в общине», а у себя дома, по квартирам с гостями. «Наши» люди восприняли это как практические занятия вслед за теоретическим курсом. Лекций Ицхак не признавал, семинаров не устраивал, *шнорерских* шоу тем более не раскручивал.

Пока у Ицхака не начало появляться новое поколение молодежи, занятия шли в основном с семьями: нас учили ивриту, до седьмого пота гнобили за заучиванием наизусть молитв, обучали законам кашрута, семейной

чистоты, субботы и праздников. Дети зачастую занимались вместе со взрослыми, хотя схватывали материал значительно быстрее; часто можно было услышать, как ребенок поправлял своих родителей, когда те совершали какую-нибудь ошибку. Начальным «катехизисом» у всех наших семей была так называемая «Голубая книга»; она стояла на полке рядом с ТАНАХом, сидурами и бенчерами, её затверживали наизусть. Позже появился перевод «Кицур Шулхан Аруха» (труда рава Шломо Ганцфрида с комментариями из «Мишна Брура»). А некоторые из детишек уже изучали *Галаху* на иврите...

Те семьи, что начали заниматься позже, повторяли учебный материал с пришедшими ранее, а новоприбывшие хозяйки целыми днями паслись у «старичков» дома, чтобы освоить законы кашрута на практике. Отношения между всеми нами сложились очень близкие, поистине общинные: помогали друг другу деньгами и продуктами, сидели с маленькими детьми друзей, ходили друг к другу пешком по шабатам — иногда через весь город, только чтобы часок-другой провести вместе.

С 1990-го года у меня сохранился мой первый субботний *гартл* (особый ремень) для ключей, его не раз приходилось ремонтировать — на нем постоянно висели ключи от подъездов нескольких наших друзей. Как раз в то лихое время многие подъезды обросли железными дверьми. Дюжину таких субботних поясов смастерила Това Ш., супруга Авроома, а вот фурнитуру для них я по случаю смог раздобыть только на одной из московских барахолок.

Кое-кого из наших милых дам Ицхак устроил в женский *колель* раббанит Ривки В. в Москве. Вспоминаю, как мы с сыном в те времена встречались с моей Ривкой

на площади Киевского вокзала за чашкой гнусного московского кофе. К счастью, Сендер в то время уже хорошо понимал, что до хупы я вправе видаться с мамой только на людях. На время отсутствия в Риге моей Ривки я вновь переселился домой из Бейт-мидраша, где ночевал с начала своей тшувы, и наши ночные посиделки с Ицхаком сошли на нет.

Время от времени несколько «наших» семей десантировались в Россию или Литву в своеобразный лагерь, где два-три раввинских семейства из Израиля или США, зачастую совершенно не владеющие русским языком, несколько недель подряд вели массивированное обучение нескольких дюжин «начинающих» семей со всего экс-СССР. Занятия длились целый день, from dawn to dusk. Это было нечто, напоминающее уроки иностранного языка «с глубоким погружением». Люди менялись прямо на глазах. Всё было очень серьёзно — не было ничего похожего на хорошо знакомый рижанам «щадающий иудаизм» летних хабадских лагерей. Раввины обычно приезжали со своими маленькими детьми, и — о чудо! — русскоговорящие карапузы скоро начинали забывать русские слова и понемногу лепетать на *лашон акой-деш* (святой язык, иврит). Должен непременно сделать акцент на том факте, что сидуров типа «Шма Исраэль» (с переводом на русский язык и тем более с транслитерацией ивритского текста) у нас не было и быть не могло: мы учились молиться исключительно на святом языке. И, кстати, научились. Наибольшей популярностью в нашей группе пользовался классический сидур «Тфилас Коль Пэ»; я же быстро привык к артскролловскому сидуру «Коль Яаков» — и не изменяю ему по сей день. Многие воспитанники Ицхака могут успешно представ-

лять общину в роли *шляха цибур* (кантора, ведущего общественную молитву), в чём наш синагогальный кагал не раз мог убедиться. Делая упор на «обязательные дисциплины», такие, как молитва, законы и обычаи еврейской жизни, и их практическое осуществление, Ицхак не считал целесообразным отвлекаться на то, что он называл «растекаться мыслию по древу». Соответственно, «общеобразовательных» занятий, таких, как история различных течений иудаизма, биографические изыски о полудюжине праведников, а также прочее подобное наш рав Митин не поощрял. И впрямь: подобное знание умножает скорбь...

Примечательно, что митинские воспитанники отнюдь не были заморочены какой бы то ни было идеологией. Все разногласия во взглядах обсуждались публично и открыто — как правило, при встречах за общим столом. Должен сказать, что такой (вообще-то издавна принятый у миснагедов) метод учёбы очень способствовал развитию объективного отношения к ценностям еврейского мира, так как не давал закоснеть в узких рамках насильно навязанной идеологии.

Только относительно недавно я понял, что хотя работа Митина стартовала, казалось бы, со зрелых, иногда даже пожилых людей, на самом деле она была ориентирована на младшее поколение наших семейств. Коль скоро семья возложила на себя Иго Небес и ведёт тот единственный образ жизни, который надлежит вести евреям, то дети естественным образом примут стиль жизни и систему ценностей родителей и потянутся не к компьютерным играм, а к *Гемаре*.

Несколько молодых ребят из первого поколения воспитанников Ицхака, в том числе и мой сын, выезжали

на учёбу в добротные йешивы. Должен с гордостью сказать, что наша молодежь не ударила там лицом в грязь и с завидной лёгкостью влилась в учебный процесс. *Лашон акойдеш* наши ребята благодаря Иегуде К. знали «перфектно», да и в остальном выучка у них оказалась неплохая, что, в общем, отнюдь не удивительно. Пока ребята не переженились и не обзавелись детьми, они ежегодно приезжали в Ригу, но почти всё время пропадали «у Митина». Своего сына во времена его летнего отпуска я почти не видел — домой от Ицхака он приходил только поздно вечером, долбил какое-то время Гемару в своей комнатёнке — и засыпал с книгой в руках.

По существу, Бейт-мидраш Митина представлял собой полигон практического иудаизма. Кстати, одним из любимых присловий Ицхака было: «Еврей — это только тот, кто ПРАКТИКУЕТ иудаизм».

Осенью 1993 года мой 13-тилетний сын уехал учиться в американскую йешиву, а я с головой окунулся в пучину приватизации. К тому времени мы с Ривкой на занятые деньги купили квартиру, и она на время превратилась в дополнительный учебный центр практического кашрута. Через некоторое время Ривка начала преподавать *идишкайт* в хабадской школе, но какое-то время продолжала принимать своих товаров по вечерам. С Ицхаком мы продолжали видеться постоянно, хотя далеко не ежедневно: работал я в основном за пределами Латвии, приезжая к жене в Ригу на два дня в неделю. Как правило, я с набитой продуктами сумкой навещал Ицхака за несколько часов до начала субботы, он же традиционно заезжал ко мне на пол-дня в *йом-ришон* (воскресенье). В те запыленные времена нам всё же удавалось о многом переговорить, и мне повезло много-

му у него научиться.

С финансированием становилось всё хуже и хуже, но народ, как ни странно, прибывал, хотя почти все семьи «первого поколения» одна за другой совершали алию. Мало-помалу вокруг Ицхака стало группироваться всё больше молодёжи. Книги по кашруту и структуре молитвы стали уступать место томам Гемары и трудам великих раввинов. До конца 90-х годов я с радостным удивлением наблюдал за тем, как молодеет митинский контингент. Но активно участвовать в помощи Ицхаку я уже не имел возможности. Работал я тогда на износ, так как обстоятельства для моего бизнеса становились все менее благоприятными. После 1995-го года у меня резко возросли объемы работы, и я частенько, иногда по месяцу и дольше, мотался между Америкой, Европой и Россией, почти не заезжая домой. Встречи с Ицхаком стали, соответственно, реже.

Помощник Ицхака Йеуда К. женился и уехал в Израиль, но со временем его успешно заменил талантливый умница Д. Ч. Скоро стало невозможно содержать крохотную квартиру, которую снимал Ицхак для жилья. А аренда помещений для занятий всё равно съедала куда больше денег, чем Дом Учения мог себе позволить. Надо было искать решение.

Решение нашлось. Нам с Ицхаком удалось договориться с правлением рижской синагоги насчёт аренды двух квартир на Московской улице (увы, не в лучшем районе — прямо напротив морга) в здании сожжённой во время войны и позднее перестроенной в жилой дом синагоги. В соответствии с соглашением, аренда должна была быть бесплатной, но ребята Ицхака были обязаны пополнить быстро тающий пожилой синагогальный *ми-*

ньян. Этакий, понимаете, род бартерной сделки. Странно, но это решение удалось провести через правление синагоги довольно легко. Так в синагоге впервые после войны вновь появилась соблюдающая еврейские традиции молодёжь.

Коммунальные услуги за помещения на «Маскачке» в силу соглашения приходилось оплачивать нам; и отопление с электричеством влетали в копеечку. Свет в Бейт-мидраше горел днём и ночью; стендеры и книжные полки стояли даже на лестничной клетке, так как только там разрешалось курить. Курили же от голодухи почти все.

*Вывеска на фасаде здания Бейт-мидраша (ул. Маскавас)
на латышском языке*

Рав Ицхак Митин накрепко вбил нам в голову, что мы обязаны всецело поддерживать и упорно продолжать традиции наших предков. В дальнейшем я часто

слышал подобные утверждения, в том числе и от принципиально неконфликтного рава Ицхака Зильбера. Да что там далеко ходить: во время моей последней поездки в Израиль мне довелось молиться в миньяне достойнейшего Карлин-Столинского адмора (так вышло, что я проживал в Гиват-Зеэве рядом с его резиденцией). Разговорившись после молитвы с его приближёнными хасидами, я, разумеется, услышал от них точно такие же слова...

Рав Ицхак Митин к исходу прошедшего тысячелетия стал значительно меньше двигаться. Его подорванное ещё в молодости здоровье постоянно ухудшалось. На встречах в центре города он появлялся значительно реже, чем прежде, и в основном принимал посетителей у себя на Московской. На редкие формальные визиты приятели вывозили его автомобилем. К началу нового тысячелетия наметилась тенденция сближения Ицхака с синагогальной общиной, прежде всего с крайне немногочисленной «соблюдающей фракцией». До того времени община Ицхака держалась от синагоги подальше, прежде всего, чтобы не запачкаться участием в сварах и конфликтах, которые в ту пору не переводились. Когда же в синагоге начала мало-помалу появляться соблюдающая молодежь, настороженность по отношению к группе Митина стала понемногу таять.

В то время я по поручению КЕРООРа взвалил на себя организацию визовой поддержки приезжающих в Россию миснагедских раввинов, и многие из них стали навещать также и Ригу. Как правило, больше всего наших гостей впечатляло знакомство с молодыми воспитанниками Митина и их высоким уровнем познаний

в Торе. Удивляло наших гостей и не могло оставить их равнодушными и наше, доселе ими невиданное специфическое, чисто европейское отношение к миру.

Достижения рава Ицхака бен Авраама я объясняю его уникальной, совершенно нетрадиционной методикой *кирува*. Этот яркий человек вёл за собой евреев к служению Всевышнему, иногда даже тащил их силой — он приводил евреев к Торе, а не сидел у сейфа и не делал из иудаизма бизнес. Благодаря Ицхаку не прервалась цепь еврейской традиции в нашем городе. И даже заслуга в воссоздании рижской функционирующей *хевры кадиша* (еврейская похоронная служба) нашего поколения связана с именами воспитанников рава Ицхака при его непосредственной поддержке. Именно ученики (и ученики учеников) покойного рава Ицхака в последние годы составляют ядро рижского синагогального миньяна.

Но вот летом 2000 года внезапно случилось неоправданное — рава Ицхака бен Авраама не стало; он скоропостижно ушёл из жизни в стенах своего Дома Учения. Раву Ицхаку Митину моя семья обязана очень многим, если не сказать, что всем самым важным в жизни. Единственное, чем я мог воздать должное его памяти после кончины, — это постараться обеспечить подготовку захоронения должным и достойным образом, в соответствии с требованиями *Галахи*. А это в немалой степени противоречит местному законодательству. Так что пришлось изворачиваться...

Невозможно представить себе всю ту мороку, с которой приходится столкнуться, когда в чужой стране уходит из жизни иностранец. Сколько бюрократических преград приходится преодолевать, причём в строго

определенной законом очередности, — не говоря уже о противоречиях *Галахе*. К примеру, вспоминаю чудовищный конфликт с чиновницей, утверждавшей, что имени Ицхак не существует, и даже внести это имя в документы она якобы не имеет права, так как имя -мало того, что не соответствует утвержденному свыше списку истинно латышских имён, — но даже не имеет арийских аналогов... Я уверен, что здесь не обошлось без помощи Небес, ибо совершенно непостижимым образом всё же удалось в кратчайший срок прорвать все многочисленные препоны, при этом не отклонившись от *Галахи*. Приходилось улещивать чиновников, зачастую грозить им громким скандалом или оказывать на них давление через знакомых политиков и туманными ссылками на Министерство иностранных дел. Израильское Посольство, связавшись с соответствующим министром Латвии, уверило меня в том, что я могу сослаться на нашего, так сказать, госсекретаря. Дело дошло до того, что часть срочно необходимых документов была подписана доблестными латышскими бюрократами глубокой ночью, в прихожих их личных резиденций. Отдельная благодарность раву Арье Б. — в те дни он сам, его помощь и его автомобиль были в моём распоряжении круглые сутки напролёт...

Воспитанники Ицхака днями и ночами читали над телом усопшего *Тегилим* (Псалмы); бедная, как мышь, синагога взяла на себя часть расходов... Увы, больше никто помощь не предложил и содействия оказать не пожелал.

Так или иначе, в самый критический срок, в 8 часов утра самолёт с запаянным гробом покойного Ицхака бен Авраама покинул город, в котором тот родился,

и направился к его новой родине. Похороны состоялись в тот же день.

Хотя после кончины рава Ицхака общего языка с новым руководством организации, под «крышей» которой существовал Бейт-мидраш Ицхака, так никому из нас найти не удалось, всё же у Семена П. и у меня получилось убедить правление синагоги несколько месяцев не взимать оплату коммунальных услуг с осиротевшего Дома Учения. Общественная организация была поспешно перерегистрирована с новым составом участников, и прежние её создатели были безапелляционно отодвинуты. Друзья Митина, какое-то время собиравшиеся в его память на «Маскачке», предпочли тихо ретироваться, и больше там не появлялись. Местные же спонсоры не пожелали сотрудничать с новым руководством организации. И когда скудные рижские источники средств иссякли, почти полное отсутствие финансирования, а также ошибки и просчёты новых патронов митинского наследия привели к тому, что детище Ицхака начало обвально хиреть. Учеников сохранить не удалось — они разбрелись кто куда, в том числе далеко не всегда в том направлении, куда еврею следует соваться...

Теперь же постараюсь описать, так сказать, общеполитический фон, на котором проходили события последних двадцати лет. В «официальной» еврейской жизни Риги ещё с конца 1980-х годов происходили некие, так сказать, согласованные с властями и «сильными мира сего» перемены. А именно, одна за другой на нашем горизонте разгорелись две как бы родственные, но абсолютно несовместные друг с другом звезды шестиконечного толка. Это, в общем-то, не наша печаль, как интересные

делили друг с другом пресловутую однодолларовую купюру, доказывая всем и каждому именно свою исключительную легитимность. Нас напрямую касается только лишь то, что дальше разборок между ними дело не сдвинулось. Обещанный *хедер* так никогда и не был создан; занятия Торой прекратились сразу после алии рава Гершона; чудом уцелевшая в годы войны обширная синагогальная библиотека странным образом расточилась; вся религиозная еврейская жизнь теплилась лишь по еврейским праздникам, а в будние дни не всегда оказывалось возможным собрать стареющий миньян... И я с грустью вынужден отметить: за последние четверть века рижская практика убедительно доказала, что чем больше пара уходит в свисток, тем меньше шансов на то, что сдвинется с места еврейский паровоз...

Я копаюсь в своих архивах более чем 13-летней давности и собираю свидетельства, чтобы детально восстановить печальную историю оскудения митинского наследия, постараться осмыслить и проанализировать ошибки и провалы тех, кто не сумел продолжить дело его жизни. В этом отношении очень важно собрать воспоминания всех тех, кто помнил и любил (как, впрочем, и тех, кто недолюбливал) моего покойного учителя рава Ицхака Митина, да будет благословенна память о пра-веднике.

ПРИМЕЧАНИЯ К СТАТЬЕ «ВОСПОМИНАНИЯ ОБ ИЦХАКЕ»

Статья публикуется посмертно. К глубокому прискорбию, ни Ицхака Митина, ни Григория Левина нет в живых, и никто уже не сможет подтвердить или опровергнуть сообщённую ими личную информацию. Эту статью, по моим сведениям, Григорий Левин предназначал для публикации в Интернете, но размещена на каком-либо сайте она так и не была — во всяком случае, отыскать её в сети мне не удалось. Тем не менее, статья представляет несомненный интерес, поскольку добавляет дополнительные штрихи к образу Ицхака, да и образ самого Григория рисует довольно отчётливо. По моему мнению, нет ничего хуже для еврея, чем сожительство с *гойхой* — в любой форме. Как учит наша Тора, любой грех, а тем более регулярный и столь мерзкий, как вышеуказанный, влияет на душу человека. Он оказывает влияние на глубинные, метафизические пласты души, засоряет её «каналы», по которым должна проходить Божественная эманация, а эти пласты непосредственно связаны с более явно ощутимыми душевными уровнями — то, что мы называем психологией. Советские евреи хорошо знали, что жениться на гойке — это предательство своего народа, и потому это — сознательный грех. Именно поэтому Григорий в моих глазах — отрицательный пер-

сонаж. Кроме того, создаётся впечатление, что свои заслуги Гриша видел аж через телескоп, ну, а чужие — даже с помощью микроскопа не собирался рассмотреть.

В статье есть фактические неточности, как незначительные, так и более существенные, на которые я вынужден обратить внимание читателей. К примеру, Григорий пишет, что «отец-КГБшник выручал сына из любых неприятностей», но мне Ицхак рассказывал, что к помощи своего отца в школе он никогда не прибегал. Семью Скороходов Григорий причислил к религиозным, но, насколько я помню, с Ф. Скороходом Ицхак познакомился по «наводке» своей жены, которая в своё время была его пионервожатой в летнем пионерском лагере. Ицхаку не удалось, однако, его «охмурить», и религиозной тогда эта семья, по моим сведениям, не стала. И тфиллин Ицхак никому и никогда не раздавал, а лишь «давал в долг» под расписку, и отбирал, когда считал нужным.

Ещё пример: *кашерность* (пригодность для религиозного еврея) хранимого Гришей «*гартла*» (субботного ремня) весьма сомнительна. На таких поясах обычно носят несколько ключей, соединяя их между собой с помощью колец. По свидетельству книги «*Ялгут Йосеф*», такие ремни некашерны, и тот, кто носит на них ключи в шабат, нарушает святость субботы. Как разъяснено в книге «*Мишна Брура*», носить ключ на ремне можно тогда, когда ключ используется в качестве «замка», которым соединяют один конец ремня с другим, и тогда ключ можно считать интегральной частью ремня. В ремнях, о которых вспоминал Григорий, ключи висят без какого-то ни было применения и надобности для самого же ремня, в связи с чем они — скорее всего — не ста-

новятся его интегральной частью, а являются «ношей», запрещённой еврею в субботу.

Более серьёзную неточность Гриша допускает, рассказывая о встречах со своей женой в Москве. В Москву она приехала не для того, чтобы сделать «хупу», а для прохождения гиюра, и останавливалась в общежитии при еврейской религиозной женской школе (названной Г. Левиным «колелем») для дополнительной подготовки к столь ответственному событию. И Гриша решил элегантно зауалировать то, что препятствием для их встреч с женой было не отсутствие хупы, а факт, что она просто-напросто *гоюха* (а с гоюхой у еврея никакой хупы быть не может!). А то, что после её гиюра им с Гришей сделали также и хупу — пусть останется на совести тех раввинов, которые это совершили...

Да и в *Бейт-мидраше* никаких гришиных гостинцев мы не получали. Еда в *Бейт-мидраше* готовилась, как правило, из картошки, гороха, овсянки, яиц и свежих огурцов. Когда были поварихи, иногда на нашем столе бывала также жареная рыба. В субботу были картошка, селёдка, винегрет. Когда преподавал Йеуда К., по субботам подавался также горячий чолнт без мяса (картошка плюс фасоль), но после того, как Йеуда уехал, чолнт прекратился. И горячей еды в *шабат*, кроме чая, уже не подавали, за что Ицхак получал нарекания — ведь отсутствие горячей пищи в *шабат* считается обычаем караимов...

Особая история связана с *хевра кадиша*. Ицхак здесь, по-видимому, ни при чём. Дело было так: в один период летом мы с Димой Ч. (теперь он так же, как и я, живёт в Израиле) молились в рижской синагоге, а после

молитвы на некоторое время вместе оставались в синагоге, чтобы поучиться. В один прекрасный день после молитвы к нам подскочил парень-шалиах (израильтянин), помощник рава Мордехая, и начал мне говорить о каком-то еврее, который умер, так что нужно срочно помочь и поехать на кладбище. Я не вдавался в подробности и не уточнил, в чём конкретно требуется помощь: если просят о помощи — значит, надо помочь. И я сказал Диме, что надо бы нам поехать на кладбище.

Мы приехали, а нас заводят в каплицу и — без лишних предупреждений — показывают на труп: «Обмывайте, ребята!» Я был шокирован, но виду не подал, только было жутко неудобно перед Димой — сквозь землю в тот момент хотел я провалиться. Интересно, что ни сам рав Мордехай, ни тот злополучный шалиах, хотя и присутствовали там, в обмывании не участвовали (шалиах только показывал нам, как надо «работать», и слегка помогал). Мы с Димой, однако, лицом в грязь не ударили, обмыли покойника. Но на душе у меня осталось гадкое чувство, связанное с тем, как р. Мордехай со своим помощничком нас — дурачков — «накололи» и обманным путем заставили выполнить неприятную обязанность.

Когда мы уходили, рав Мордехай сунул нам монету в два лата. Было неудобно её не брать, но держать в руках её мне было противно, и я попытался отдать монету Диме, однако тот отказался. «Вы сделали очень большую мицву!» — сказал нам рав Мордехай, а я подумал: «Если это такая большая мицва, почему же ты сам в ней не участвовал? — ведь не коэн же ты!» В тот день в *Бейт-мидраш* мы опоздали, и я стал оправдываться перед Ицхаком: вот, мол, мы большую мицву на кладбище вы-

полняли... К чести Ицхака должен сказать, что в тот раз он на нас не напал, и глаза у него были очень человеческие — он хорошо понял (прозорливый был человек!), что нас просто-напросто надули и использовали — и очень мягко объяснил, что изучение Торы превышает подобные «большие заповеди».

На этом инцидент, вроде, был исчерпан. Но через некоторое время после своего отъезда в Израиль я с удивлением узнал, что Дима, остававшийся тогда в Риге, действительно стал выполнять функции *хевра кадиша* (погребального братства) и регулярно, совместно ещё с кем-то, обмывает покойников! Уж не повлиял ли на это тот злополучный случай?..

И в заключение должен высказать принципиальное несогласие с позицией Григория, согласно которой евреев из *Бейт-мидраша* было легитимно «изгонять». Мне непонятно, как Гриша может бахвалиться тем, что якобы помогал Ицхаку в исполнении такой неприглядной функции. По моему мнению, удивления заслуживают слова Гриши, в соответствии с которыми то, что «изгнанные» прекратили соблюдать заповеди, никак не рассматривается в качестве просчёта самого Ицхака.

Кирув — это ни в коем случае не миссионерство, прямо запрещённое еврейским Законом. Кирув — это приближение нерелигиозных евреев к Торе и религиозному образу жизни. «Кирув», не разделяющий между евреем и неевреем, и ставящий своей задачей чисто формальное, выхолощенное приближение к религии (с рекламной целью «священного пиара»), едко высмеял в своем стихотворении «Попугай» талантливый поэт-

иронист Виктор Шапиро.

Купила попугая
Почтенная вдова,
Надеясь, что он знает
Хорошие слова.

К примеру, если люди
Пожаловали в дом,
То попугай их будет
Приветствовать: «Шалом!»

А если гость простится
И к выходу пойдёт,
Ему ответит птица:
«Коль тув, леһитраот!»

Пришёл с женой и дочкой
К вдове сосед *габай*.
Послушать очень хочет,
Что скажет попугай.

А тот как ошарашит
Почтенную семью:
«Приветик, я Наташа,
Ани роца зиюн!

Бежит старушка к раву,
Который, говорят,
У птицы мог исправить
Любой *лашон а-ра*.

У рава попугаи
Безграмотных *олим*
Пиюты излагают,
Читают *теһилим*.

Послушал рав Наташу,
Поковырял в ушах:
«Я фразы и покраше
Слышал от русских птах.

Оставьте вашу птицу.
Недели не пройдёт —
Научится молиться
И говорить *брахот*».

Наташу помещают
Туда, где чинно в ряд
Пятнадцать попугаев
На жердочке сидят,

За *хазана*, который
Сидур читает всем.
А остальные вторят:
«*Барух Ата, Ашем!*»

И вот — Наташа сразу
Коронную свою
Выкрикивает фразу:
«*Ани роца зиюн!*»

В ответ благоговейно,
С таким теплом в душе:
«Шамата тфилатейну,
Барух Ата Ашем!»

**Перевод ивритских слов и выражений, приводимых
в стихотворении:**

«Шалом!» — «Здравствуйте!»

«Коль тув, леһитраот!» — «Всего доброго, до свидания!»

Габай — синагогальный служка.

«Ани роца зиюн» — «Я хочу ... (нецензурно)». Слово «зиюн» на литературном иврите означает «вооружение, украшение еврейских букв специальными штрихами (тагим)». В данном стихотворении Шапиро употребил это слово в его жаргонном (на современном квазииврите) значении.

«Лашон а-ра» — злой язык, злоречие.

Олим — репатрианты.

Пиюты — молитвы, составленные в поэтической форме.

Теһилим — псалмы.

Брахот — благословения.

Хазан — кантор, ведущий общественную молитву.

Сидур — молитвенник.

«Барух Ата, Ашем!» — «Благословен Ты, Всевышний!»

«Шамата тфилатейну» — «Ты услышал нашу молитву».

ПОСЛЕСЛОВИЕ

При написании этой книги автор преследовал одновременно несколько целей.

Первая из них — разобраться в личности Ицхака. Ещё при жизни Ицхака его личность для меня была загадочной, и у меня было сильное желание разобраться: кто он? Праведник или злодей? Мудрец-самородок или дурак? Тиран или воплощение добродетели? Альтруист или мизантроп? Его несомненная заслуга — возвращение к *мишве* более десятка рижских евреев. Лет пять назад я рассказал своему другу несколько историй об Ицхаке, и друг сказал: «Это надо обязательно написать!» Я подумал: это знак свыше! Если начну писать — появится шанс, что разгадаю загадку этой личности.

Вторая моя цель — показать плачевное состояние, в котором находится в наше время *кирув-рехоки* (приближение евреев к Торе). В известной степени он вырожден в миссионерство среди неевреев, запрещённое Торой.

Третья цель — изложить для широкого круга читателей позицию Торы в отношении смешанных браков и различных аспектов, возникающих в таких случаях. Сорок лет спустя после того, как Всевышний вывел евреев из Египта, произошло Синайское Откровение: еврейский народ принял на себя бремя 613 заповедей Всевышнего, когда *Шхина* (ясно ощутимое присутствие

Всевышнего) спустилась на гору Синай, а евреи стояли в её подножии. Тогда же Моше-рабейну (Моисей) поднялся на гору Синай и чудесным образом был поднят Всевышним в Высший Духовный Мир, и в течение сорока дней Всевышний передал ему Письменную и Устную Тору. В Устной Торе подробно изложены все законы, которые Всевышний заповедовал евреям, а также тайны мироздания. В Письменной Торе (так называемое Пятикнижие Моисеево) вся эта информация находится в конспективной и закодированной форме.

В те времена, когда не было опасности, что Устная Тора будет забыта, Всевышний запретил её записывать. Еврейские Мудрецы передавали Устную Тору из поколения в поколение — из уст в уста. Однако в поколении танаев Мудрецы увидели, что наступают времена, когда Устная Тора может быть забыта в случае, если она не будет записана. Так была составлена Мишна — в сжатой форме изложенная законодательная часть Устной Торы. Однако подробное и детальное её изложение, то есть расширенное объяснение Мишны (которое, как и сама Мишна, было получено Моисеем на горе Синай), Мудрецы продолжали передавать из поколения в поколение устно. Так продолжалось вплоть до поколения амораев, когда Мудрецы увидели, что необходимо записать также и эту часть Устной Торы, дабы предотвратить её забвение. Так появился Талмуд.

Параллельно с законодательной частью Торы была записана и та её часть, которая раскрывает тайны мироздания. Так появились мидраши, и часть мидрашей вошла в Талмуд.

Мудрецы последующих поколений в краткой и точной форме сгруппировали все законы, изложенные

в Мишне и Талмуде. Одним из величайших и известнейших из них был Рамбам. Вот как он сформулировал один из законов о запрещённых половых связях (в книге «Мишнэ Тора», раздел «Законы о запрещенных половых связях»):

«Глава 12 (§1:) Еврей, совершивший половую связь с нееврейкой... в процессе постоянного с ней сожительства [то есть живя с ней, как „муж и жена“], согласно Торе, ему [выносятся приговор] о [сорока] ударах [плетьюми] ... (§4:) Каждый [еврей], кто совершает половой акт с нееврейкой — как в случае, если он сожительствует с ней постоянно [как „муж с женой“], так и в случае, если это случайная половая связь, если он совершил этот половой акт прилюдно, то есть в присутствии десяти евреев или более, и ревнители [веры] убили его, они заслуживают похвалы. Этот закон Моисей получил от Всевышнего устно, а [в Письменной Торе] имеется на него намек в истории с Пинхасом и Зимри... (§7:) Этот грех [половая связь с нееврейкой], несмотря на то, что суд не выносит за него смертный приговор, пусть он не будет лёгким в твоих глазах, ибо есть от него ущерб больший, чем от всех других развратных половых связей: сын [еврея, рождённый] от развратной половой связи [с еврейкой, тем не менее считается] его сыном с точки зрения всех аспектов, и он считается [членом] еврейского народа, несмотря на то, что он мамзэр (незаконнорожденный), а сын от нееврейки — не его сын, как сказано [в Торе]: „... Ибо устранил сына твоего от Меня“ — устранил его, чтобы не быть [принадлежащим] Всевышнему...»

«Глава 15 (§3:) Нееврей и [нееврейский] раб, совершивший половой акт с еврейкой, плод, родившийся

[от этой связи], является кашерным [то есть этот ребёнок является евреем]. (§4:) Вот правило: будь рождён от раба или нееврея, или от [нееврейской] рабыни, или нееврейки, он [плод] имеет статус матери [то есть, если мать еврейка, то и плод её — еврей; и наоборот], и не смотрят, кто отец [в случае половых связей между евреем и нееврейкой или между неевреем и еврейкой этнический статус отца никак не влияет на статус потомства, рождённого от этой связи]».

Указания по вопросу о том, какие предписания были получены Моисеем на горе Синай по поводу того, кто является по Закону Всевышнего (Закону Торы) евреем, а кто — неевреем, написаны в Мишне (трактат «Кидушин», гл. 3, стр. 66/б):

«...В каждом случае, когда ни его обручение [с конкретной женщиной], ни обручение другого [еврея] с ней не может иметь законной силы, плод [родившийся от связи этих двух людей] имеет такой же статус, как и она [его мать]. О какой ситуации идёт речь? О плоде [нееврейской] рабыни и нееврейки, [родившемся от еврея]».

А в Талмуде (трактат «Йевамот», стр. 23/а; трактат «Кидушин», стр. 68) объясняется, в каком пасуке (стихе) Письменной Торы «закодирован» указанный закон.

Современное Государство Израиль является государством светским, и согласно поправке к «Закону о возвращении», принятому Кнесетом, право на репатриацию и получение гражданства имеют не только «евреи согласно Галахе» (то есть те люди, которые, согласно Торе, считаются евреями, а именно — те, кто рождён от матери-еврейки), но также и те, у кого еврей только отец и даже только дед. Но другие законы Государства Изра-

иль определяют, что запись национальности в документах, выдаваемых МВД, должна соответствовать критериям Галахи (еврейского религиозного Закона), то есть только тот, чья мать — еврейка, или же прозелит, перешедший в еврейскую религию с соблюдением Законов Торы, предусмотренных для этой процедуры, будет записан в Израиле как еврей.

Законодательство Государства Израиль определяет, что запись таких актов гражданского состояния, как браки и разводы, возложена на признанные государством религиозные инстанции (раввины). А поскольку, согласно Законам Торы, брак между евреем и нееврейкой не может быть признан законным, репатрианты-неевреи (дети нееврейки, рожденные от еврея) попадают в Израиле в щекотливую ситуацию. С одной стороны, они вроде бы считаются полноправными гражданами, но с другой — они и их дети столкнутся в раввинате с отказом в регистрации религиозного брака с евреем/еврейкой.

Согласно официальным оценкам, не менее 30% репатриантов, переселившихся в Израиль с конца 80-х годов XX века из бывшего СССР и из стран СНГ и Балтии, не могут быть признаны евреями согласно законам Торы. По мнению же других экспертов (изложенном, например, в книге Залмана Гиличенского «Погром — израильский вариант»), этот показатель гораздо выше и перевалил за 50%. Понятное нежелание репатриантов, отец которых — еврей, а мать — нееврейка, оказаться в Израиле «гражданами второго сорта», иногда побуждает их приобрести поддельные, сфабрикованные документы. Консульская проверка документов в странах исхода включает и проверку до-

стоверности представленных документов, чтобы исключить подделки. Можно проверить, были ли стёрты в документе какие-либо записи и на их месте сделаны новые; но если сфабрикованный документ написан на изначально чистом бланке, факт его недостоверности консулам, к сожалению, установить не удаётся. Таким образом, некоторое количество граждан, с точки зрения Торы считающихся неевреями, оказалось записано в базах данных и архивах как евреи.

Установив при знакомстве с последними волнами репатриации из СССР, СНГ и стран Балтии всю сложность создавшейся ситуации и осознав, что невозможно с закрытыми глазами полагаться на консульскую проверку и сделанную на её основании запись национальности, работники Главного Раввината Израиля приняли решение: обязать всех репатриантов, желающих зарегистрировать свой брак в раввинате, пройти проверку еврейского происхождения. Эта проверка проводится официальными раввинскими судами Государства Израиль при участии профессиональных экспертов. Эксперты специализируются не только на выявлении подделок, подчисток и исправлений в документах, но, в первую очередь, имеют навыки и опыт работы с людьми, и умеют отличить вымышленную историю от подлинной. Эти эксперты обязаны быть детально знакомыми с историей и бытом всех еврейских этнических групп СССР, СНГ и Балтии, а также нееврейских народов этих государств, с нормами и действующей практикой официальных органов. Эксперты в необходимой для работы степени владеют всеми еврейскими языками, существовавшими на территории Советского Союза (идиш, горско-еврейский, бухарско-еврейский,

крымчакский, лахлухский) и диалектными различиями в них; в совершенстве владеют русским языком, а кроме того, владеют и другими языками в той степени, которая позволяет им читать и понимать документы (включая, например, армянский и грузинский языки, имеющие свою оригинальную графику). Эксперты представляют в раввинский суд заключение, в котором подробно описаны и проанализированы документы, представленные подателями заявки на регистрацию брака, а также протокол собеседования с ними и их родственниками, и анализ этого собеседования. В конце своего заключения эксперт устанавливает этнический статус (национальную принадлежность) подателей заявления; в соответствии с подходом Торы — строго по материнской линии. На заседании раввинского суда на основании экспертного заключения принимается судебное решение о том, еврей человек или нееврей. В случае, если он признан неевреем, его имя вносят в особую базу данных («черный список») Министерства по делам религий. В этот список занесены те, кто лишён, в соответствии с Законом Торы, возможности заключить официальный брак с евреем/еврейкой («решимат мэукавэй нисуин»).

При этом решение раввинского суда и Министерства по делам религий не обязывает Министерство внутренних дел изменить в документах гражданина запись национальности. Таким образом, может создаться парадоксальная ситуация: человек, в удостоверении личности («теудат-зэһут») которого в графе «национальность» («леом») написано «еврей», в базах данных Министерства по делам религий фигурирует как нееврей. В случае, если чиновник раввината официально

зарегистрирует брак нееврея с еврейкой, это может быть расценено как административное нарушение; а в случае, если возникнет соответствующее судебное разбирательство, — то даже как уголовное преступление. Регистрация такого брака будет аннулирована не только Министерством по делам религий, но также и Министерством внутренних дел, поскольку Министерство по делам религий будет обязано аннулировать свидетельство о браке (если таковое было выдано), и таким образом аннулируется основание, на котором МВД изменило статус человека с «холостой» на «женатый».

Знать все эти детали реальности современного Государства Израиль — законное право каждого человека, который размышляет о переселении в эту страну.

Не намного благополучнее ситуация обстоит и в других странах.

«...О чём плачет „аидише мамэ“ в Нью-Йорке? — Лишь бы мальчик женился на еврейке. В Лос-Анджелесе — лишь бы у неё была еврейская кровь. В Сент-Луисе — лишь бы была белая. В Сан-Франциско — хотя бы была женщина. За названия городов не ручаюсь, но сущность отражена точно. По статистике в Америке сегодня должно было бы проживать 30 миллионов евреев. Двадцать четыре миллиона растворились во время „сладкой катастрофы“, попав в ласковые сети» (Цитирую по книге Меира Левина «Счёты жизни и смерти» (2018), рассказ «Зачем матери плакать?»).

Не менее важной целью, чем рассказать об Ицхаке, было для автора высказать свою боль по поводу упомянутой Левиным «сладкой» — бескровной катастрофы, этого страшного сегодняшнего холокоста, на плаху кото-

рого положили свой народ евреи, заключившие смешанный брак с нееврейками. Как это ужасно, что то, что сохранялось столетиями нашими бабушками и дедушками, та непрерывная трёхтысячелетняя цепочка еврейства может оборваться и прекратится на тебе — если ты возьмешь в жены гойку. Ведь ребенок от нееврейки по нашему закону является неевреем. И родив такого ребенка, ты поставишь жирный «икс» на своем еврействе и закончишь с ним — станешь соучастником «бескровного холокоста»!

В книге вышеуказанного писателя («Счеты жизни и смерти», 2018 г., стр. 155) я обнаружил ясно сформулированную позицию, которая проводится сегодня на деле кирувным истеблишментом. Эта позиция заключается в том, чтобы ободрять евреев, женатых на нееврейках, — чтобы мужья гиюрили своих гоюх: «По статистике в Америке сегодня должно было бы проживать 30 миллионов евреев. Двадцать четыре миллиона растворились во время „сладкой катастрофы“, попав в ласковые сети... Билам... выработал в деталях план, по которому, осознанно или неосознанно, действуют губители еврейского народа. Правда, в последнее время у них случается множество проколов. **Соблазнительницы и соблазнитель становятся праведными герами**». В своей книге я хотел решительно отмежеваться от этого порочного подхода, который противоречит Галахе, изложенной в главном кодексе законов еврейской религии «Шулхан Арух» (раздел «Йорэ Дэа», гл. 268, §12): «Когда придет гер проходить гиюр [т. е., если нееврей изъявит желание стать прозелитом], надо проверять его, не пришел ли он принять [еврейскую] религию из [ожидания] материальной выгоды, или чтобы получить власть, или

из-за страха. А если он — мужчина, проверяют его, не положил ли он взгляд на еврейскую женщину [т. е. проверяют, не изъявил ли он желание стать прозелитом с целью, чтобы жениться на еврейке], а если она — женщина, проверяют, не положила ли она глаз на еврейских парней [т. е. проверяют, не изъявила ли она желание стать прозелиткой, чтобы выйти замуж за еврея]. Если не найдена была сторонняя причина [их желания стать прозелитами], извещают их о тяжести ига Торы и тяготах, связанных с исполнением [её законов], чтобы они передумали [отказавшись от своего намерения стать прозелитами]».

Великие раввины-законоучители, прокомментировавшие «Шулхан Арух», объяснили, что из процитированных выше слов следует, что, если причиной желаний женщины пройти гиюр является её цель выйти замуж за еврея — запрещено производить над ней гиюр. Если *de facto*, вопреки Галахе, её всё же обгигурили, еврею, который с ней до этого имел половую связь, запрещено на ней жениться, как это написано в «Шулхан Арухе» (раздел «Эвен а-Эзэр», гл. 11, §5): «Тот, кого подозревают, что он имел половую связь с рабыней или нееврейкой, не может на ней жениться» [даже после того, как она стала прозелиткой]. Великий раввин-законоучитель, автор книги «Шоэль-у-Мешив» [«Вопрошающий и отвечающий»] написал, комментируя эти слова «Шулхан Аруха», что, помимо этого, запрещено еврею жениться на той прозелитке, о которой достоверно известно, что он с ней сожительствовал половой жизнью (например, жил с ней в гражданском браке) до её гиюра.

К сожалению, ситуацию усугубляют деятели кирувного истеблишмента, агитирующие нееврейских супру-

гов евреев пройти гиюр. Подобная агитация создаёт в обществе атмосферу, оправдывающую смешанные браки. Ибо если (благо, только некоторые) религиозные евреи говорят: «Обгиюртесь, и всё будет в порядке!», это создаёт ложное впечатление, что в самом факте смешанного брака Тора не видит ничего зазорного (ведь супруга/супругу потом можно будет обгиюрить!). Помимо того, эти «кирувщики» — агитируя нееврейских жён пройти гиюр и обещая им, что после гиюра те смогут заключить со своими еврейскими мужьями религиозный брак, — явно забыли о законе Галахи, который говорит, что еврею, который подозревается в том, что он имел половую связь с нееврейкой (или же сожительствовал с ней постоянно — как, например, будучи официально расписанным с ней в органе записей актов гражданского состояния — кн. «Шоэль-у-Мешив», 2-е изд., ч. 3, гл. 39), запрещено заключать с ней брачный союз по законам Торы — даже после того, как она пройдёт гиюр. Повторюсь и еще раз процитирую этот закон так, как он сформулирован в главном кодексе законов иудаизма («Шулхан Арух», раздел «Эвен а-Эзэр», гл. 11, §5): «Подозреваемому, что он имел половую связь с рабыней или нееврейкой, нельзя на ней жениться [даже после её гиюра]».

Закончить эту тему я хочу словами одного из наиболее выдающихся *баалей-тшува* нашего времени, крупнейшего русскоязычного раввина, глубокого и всестороннего знатока Талмуда рабби Игаля Полищука (журнал «Беерот Ицхак», №135, май 2016, стр. 30): «Там же [в святой книге „Зоар“] говорится еще о двух вещах, изгоняющих Шхину из нашего народа. Это связь с нееврейками и аборт. Трагедия нашего поколе-

ния состоит в том, что эти страшнейшие грехи стали чем-то обыденным. Я думаю, что сейчас никому не говорю ничего нового... Мне как-то довелось ставить хупу одному человеку. Это была очень радостная свадьба, хотя жених и невеста были уже не очень молоды. Я чувствовал особую радость потому, что знал, что до этого жених был женат на нееврейке. Но он расстался с ней и теперь строит еврейский дом. У нас есть, что исправлять. И заслуга того, кто это делает, чрезвычайно велика. Часто многие ощущают, что больше нет сил, нет духа, невозможно терпеть... Однако, если мы хотим вернуться на путь Торы, надо в любой момент жизни помнить, что мы — не одни. У нас есть Творец, и его помощь — безгранична. От нас лишь требуется положиться на Него и постоянно обращаться за помощью именно к Нему».

Мой знакомый искусствовед, прочитав рукопись этой книги, написал мне, что в ней имеется внутреннее противоречие. В предисловии излагается позиция Галахи, согласно которой запрещено назначать прозелита на властную должность в еврейской общине. Однако, по его словам, сама книга якобы доказывает обратное: несмотря на все спорные моменты в личных качествах и действиях Ицхака, налицо его успех на поприще руководителя рижского Бейт-мидраша. Ни один еврейский религиозный эмиссар в Риге — в том числе из тех, кто обладал гораздо большими материальными возможностями и весом в обществе — не смог сделать того, чего достиг Ицхак: организовать в этом городе постоянное изучение Торы.

На это замечание искусствоведа отвечу известным

положением, согласно которому законы Торы не меняются в зависимости от конъюнктуры или соображений пользы. В случае с Ицхаком раввины, пославшие его эмиссаром в Ригу, руководствовались тем соображением, что во всех вопросах, связанных с применением власти (как, например, устранение ученика из Бейт-мидраша, лишение его стипендии и прочее), Ицхак будет советоваться с ними и выполнять их указания. На деле же, в ряде случаев властные вопросы он решал единолично.

В заключительной части книги приведу основные хронологические данные.

Ицхак (Владимир Петрович) Митин родился 10 апреля 1945 года в русской семье. Его мать Зинаида — родом из Архангельской области. Его отец был офицером КГБ, которого прислали в Латвию для борьбы с антисоветским латышским партизанским движением. С юного возраста Владимир конфликтовал с отцом на идеологической почве. Владимир вырос в Риге, окончил школу, стал участвовать в диссидентском движении, впоследствии вошёл в рижскую сионистскую группу. В 1987 году эмигрировал с семьёй (жена и две дочери) в Израиль по израильской визе на ПМЖ, которая была выдана Митиным на основании того, что супруга Владимира Жанна по отцовской линии имеет еврейских предков. В Израиле прошёл гиюр, получил еврейское имя Ицхак и стал студентом русскоязычной йешивы «Швут Ами» в Иерусалиме. Прошли гиюр также его жена и дочери. В 1989 году Ицхак Митин вернулся в Ригу в качестве еврейского религиозного эмиссара. Вскоре после своего возвращения в Ригу он открыл Бейт-мидраш, который

первоначально располагался в помещении МЖК (Молодежный жилищный кооператив) возле кожгалантерейного комбината «Сомдарис». В 1991 году Бейт-мидраш переехал на квартиру, располагавшуюся на ул. Бривибас. В 1994 году Бейт-мидраш переехал на квартиру, располагавшуюся на верхнем этаже здания на ул. Гертрудес, а в 1997 году — в своё последнее помещение, на последний этаж здания по ул. Маскавас, 57. Умер Ицхак умер 23 июля 2000 года в Риге. Похоронен в Иерусалиме на кладбище «Ар а-менухот».

В течение нескольких лет после смерти Ицхака в Бейт-мидраше ещё проходили уроки Торы, но к 2010 году они там, к сожалению, окончательно прекратились.

Справедливо полагают, что Ицхак Митин — один из немногих современных праведных прозелитов. Он пришел в еврейский народ и иудаизм через самоотверженное ему служение. Обладая комплексом незаурядных качеств, он принёс свою жизнь на алтарь миссии возвращения рижских евреев к своему Небесному Отцу — Всевышнему. Еврейский народ не забудет этого удивительного человека!

**«АМ ЛЕВАДА»
ПРЕДЛАГАЕТ**

Организация «Ам Левадад» предлагает помощь всем евреям и еврейкам, столкнувшимся с проблемой смешанного брака.

Если Ваши родственники или знакомые хотят зарегистрировать смешанный брак, или находятся в близких отношениях с представителями других национальностей, и Вы хотите их спасти от рокового шага — обращайтесь к нам!

Мы предлагаем бесплатные консультации специалистов по следующим вопросам:

Как можно предотвратить трагедию с помощью правильного воспитания детей?

Как выяснить национальность предполагаемого жениха или невесты?

Как помочь близкому человеку избавиться от нежелательной связи?

Стоит ли предлагать гиюр нееврейской пассии?

Нужно ли смириться со смешанным браком, если уже есть дети?

«Ам Левадад» проводит лекции и семинары на тему предотвращения смешанных браков на русском языке и иврите.

Совместные усилия, основанные на любви к родным и близким и вере в силу еврейской души — обязательно увенчаются успехом и остановят трагедию!

Тел.: +972-54-522-9879 (возможны сообщения «Вотсап»), +972-58-649-5000. Факс: +972-9-891-1804

E-mail: naftoli_shraiber@yahoo.com

По всем вопросам, связанным с книгой, просьба обращаться:

am.levadad@gmail.com Тел. 972-54-8518719

ОГЛАВЛЕНИЕ

Воспоминания о прозелите	3
Глоссарий	5
Вместо вступления, или Прозелиты на страже	14
Глава 1. Бейт-мидраш, или В начале был Йеуда	17
Глава 2. «Евреи, евреи, вокруг одни евреи»	24
Глава 3. Попугаи-Статисты, или Порочный кирув ...	35
Глава 4. Патологический страх, или Осторожно, неприятель подслушивает!	40
Глава 5. Гениальный режиссёр	55
Глава 6. Нееврей-сын гэбиста — диссидент-сионист	59
Глава 7. Симбиоз или антагонизм, или Наши национальные блюда	69
Глава 8. Шидухим, или Чудесное сватовство	81
Глава 9. Главный раввин, синагога и другие герои нашего времени	85
Глава 10. «Хорошие евреи», или Инара, госпожа Мамедова и щедрый американец	99
Глава 11. Так всё же: благодетель или тиран?	107
Глава 12. Грандиозные фантазии и их претворение в жизнь	116
Глава 13. «Необрезанцы», или Через тернии к брит- миле	127
Глава 14. Реб Мордехай, Денис и еврейский массовый психоз	137
Глава 15. Червивый горох, или Как мы воровали яблоки	150
Глава 16. «Тащи евреев в Бейт-мидраш!», или Нетрадиционный кирув	154
Глава 17. Запой, «каникулы», или Так уходил Ицхак	161
Глава 18. Requiem, или Колокола по Бейт-мидрашу	172

Глава 19. Клубничка	182
Глава 20. Вшивая спесь, или «Китайская месть» и Римский Папа	211
Глава 21. Раввин-миллионер и философ-экстрасенс	220
Глава 22. Вместо заключения, или Встреча с Игалем Амиром	228
Приложение	234
Григорий Левин Воспоминания об Ицхаке	234
Примечания к статье «Воспоминания об Ицхаке» ..	262
Послесловие	270
«Ам Левадад» предлагает	285

Асаф Бар-Шалом

Воспоминания о прозелите

Издательство "Ам Левадад"